

Сатсварупа дас Госвами

Приключения

Нимая

Повесть

Гита-Нараи Пресс

Предисловие (написано Н.д.д.)

Меня зовут Нимай дас *брахмачари*, и обо мне повествует книга «Нимай дас и мышь». В этой книге рассказывалось о том, как я подружился с тремя мышами, которые потом стали преданными. Пробыв с ними шесть месяцев, я оставил их в Гайане. А теперь мой Гурудев предложил мне описать всё, что со мной произошло в течении последующих шести месяцев, которые завершились тем, что я стал его слугой. (Милость!) Он решил, что, если я подробно опишу всё, что со мной произошло, я яснее увижу, до чего я докатился, и смогу предотвратить что-либо подобное в будущем. Он сказал, что, быть может, мой рассказ принесёт пользу и другим.

Писатель Сатсварупа дас Госвами признался, что хотел бы написать обо мне ещё одну книгу. Не знаю, почему такой незначительной *дживе* уделяется столько внимания, но всё же мне кажется, что эта книга может оказаться поучительной. В «Бахгаватам» есть глава, где говорится, что даже животные могут быть нашими гуру. Например, у собак мы можем научиться верности, а у пчёл – стремлению пить только нектар. Что же касается этой книги, то рассказ в ней ведётся иногда от моего лица, а иногда от лица С.д.г. Самое главное сейчас для меня – делать только то, что правильно, и выполнять указания своих наставников. Именно это я делаю сейчас, начиная рассказывать о своих приключениях.

Всё началось с того момента, когда я улетел из Гайаны, отпустив своих мышей, Чхоту, Ямалу и Арджуну, проповедовать. Но прежде чем начать подробно рас-

Сатсварупа дас Госвами. Приключения Нимая, М., Гита-Нагари Пресс, - 2007 г.

Перевод – Нитья-тушти д.д.

Редакция – Ишана д.д.

Дизайн обложки – Сатчитанандана Кришна д.

Верстка – Валерий Никитин

©Все права на издание книг Сатсварупы даса Госвами в России принадлежат Гита-Нагари Пресс, русская линия

сказывать о том, с кем я встречался, где был и что со мной происходило, я хочу честно признаться, что был в *майе*. Я не стремлюсь кого-то обвинить, хотя некоторые и говорят, что я просто стал жертвой общения с дурными людьми. Я не считаю, что те, кого я встречал – плохие люди. Нет, они не так уж и плохи. Просто, зная не больше, чем я, они вели себя так, словно были намного более знающими, и в результате сильно повлияли на меня. Это, наверное, единственное, что я понял очень хорошо: нужно жить своим умом, слушать только своего гуру и не позволять другим увлекать себя чужими идеями. В общем, я признаю, что был в *майе*. Но я искал верные пути, и до сих пор их ищу...

Читая это, вы, наверное, думаете: «А какое отношение всё это имеет к сознанию Кришны?».

Глава 1

(C.g.r.)

Нимаю дасу потребовался почти целый день, чтобы понять, что он потерял. Он не ожидал, что разлука с Чхотой, Ямалой и Арджуной подействует на него так опустошающе. Вначале всё его внимание было целиком поглощено теми процедурами и формальностями, которые всегда сопутствуют путешествию. Из-за обычных задержек, которые нередки в Гайане, им с Кешавой Прабху пришлось ждать три часа в джорджтаунском аэропорту вылета их самолёта. Затем он около часа разговаривал с Кешавой. Тот собирался остаться в Тринидаде, где у него были дела, и дальше Нимаю предстояло лететь одному. Они говорили о сознании Криш-

ны и о том, что Нимаю нужно изменить в себе, чтобы быть достойным своей будущей жены.

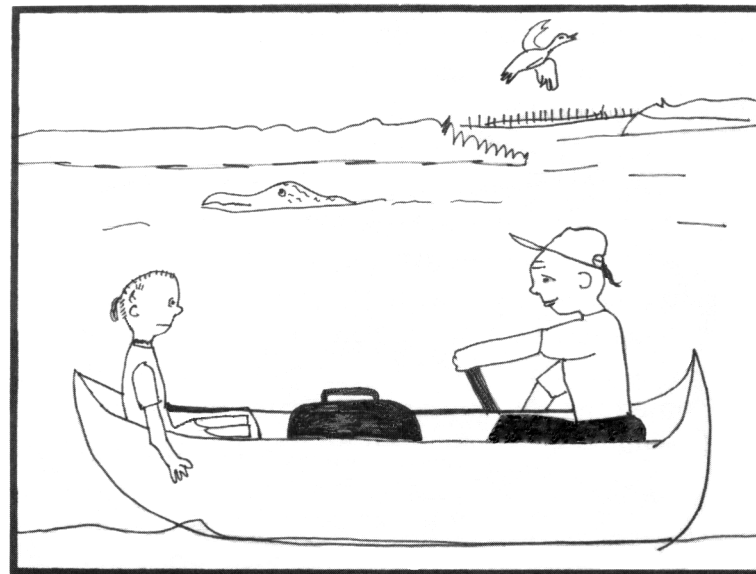
– Для этого, – говорил Кешава, – недостаточно приобрести какие-то практические навыки и развить в себе хорошие качества. Прежде всего необходимо быть готовым к безустанным служению до конца своих дней. Тот, кто думает, что готов к женитьбе только потому, что испытывает вожделение, на самом деле, совершенно не готов к семейной жизни. Ты должен быть серьёзным и рассудительным, а также быть готовым взять на себя множество обязанностей и заботиться о других живых существах, в первую очередь – о жене и детях.

Эти разговоры, которые они прерывали, только чтобы принять *прасад*, отвлекали Нимаю от грустных мыслей. Однако, в конце концов, он остался один, и его охватило острое чувство одиночества. Самолёт стоял на земле, и в хвостовом отсеке, где сидел Нимаю, не было ни одного человека. Раньше, оставшись наедине с самим собой, он обычно начинал разговаривать с Чхотой. Но сейчас он оказался в полном одиночестве: ни Чхоты, ни Ямалы, ни Арджуны с ним больше не было. И это было самым главным из всего случившегося с ним: он потерял лучшего друга. Кроме того, теперь у него не было никакого служения, так как он не мог больше ни обучать мышей сознанию Кришны, ни руководить их проповедью. Вдобавок ко всему у него было такое чувство, словно он внезапно лишился внутренней жизни. Разговоры с Чхотой были для него неким подобием самоанализа, а также его молитвами к Кришне и Прабхупаде. Подбадривая зависящих от него мышей, он всегда мог справиться с собственной депрессией, а сблизившись с Чхотой, он мог открывать ему свою душу. Теперь же он лишился всего этого и не знал, что ему делать. Слёзы сами потекли у него по щекам. «Нужно

спросить совета у Гурудева, – подумал он. – Я не знал, что всё так изменится! Что мне теперь делать?» Он подумал, не написать ли ему письмо Гурудеву, но чувства его были в полном смятении, и в голове у него всё путалось.

Когда самолёт приземлился в Майами, Нимай решил не лететь в Пенсильванию. Он чувствовал себя совершенно опустошенным и не смог бы объяснить Вибху Прабху и другим преданным, что с ним происходит. К тому же ни Гурудев, ни Кешава Прабху не говорили ему, чтобы он возвращался на ферму, просто предполагалось, что он туда вернётся. Нимай вспомнил о своём друге Брюсе Отшельнике, который жил здесь, во Флориде, на болотах. Брюс жил когда-то вместе с преданными на ферме, где прослыл большим работягой, однако из-за разногласий с преданными он стал жить один. Он поселился на дальних болотах, где кто-то нанял его сторожить дом, и большую часть времени был предоставлен самому себе. Брюс жил, как отшельник; он повторял ежедневно пятьдесят кругов, записывал в дневник свои мысли о сознании Кришны и время от времени писал письма друзьям, в том числе и Нимаю. Нимай подумал, что, может быть, Брюс разрешит ему немного пожить у него. Он мог бы тогда больше повторять мантру и читать книги Прабхупады, ожидая, пока тоска и чувство опустошенности не уйдут сами собой. Он позвонил Брюсу, и тот сказал, что ничего не имеет против приезда Нимаи. Правда, сказал он, ему понадобится целый день, чтобы доплыть на лодке до ближайшей автобусной остановки, где он мог бы забрать Нимаю.

– Ты первый преданный, который приехал сюда, – сказал Брюс Нимаю, когда они плыли обратно, к дальним болотам. – Здесь мало кто нарушает моё одиночество. Я повторяю мантру, работаю в саду и строю

дом для владельца этого места. Мне нравится такая жизнь. Я никогда ещё не чувствовал себя таким умиротворённым.

Брюс был ростом около двух метров. Ему было уже за сорок, и большую часть жизни он прожил во Флориде, где делал в основном то же, что и сейчас: сторожил дома или перевозил людей на лодке. Он сказал, что местные жители относятся к нему довольно терпимо и даже признают его «религиозные убеждения». Хотя он жил один, он постоянно брил голову, оставляя вайшнавскую *шикху*, и носил брюки и майку шафранового цвета. Нимай слушал, как Брюс говорил об умиротворении и сознании Бога, которые он обрёл, живя в уединении, и не чувствовал больше ни уныния, ни подавленности.

Наконец, пройдя два канала, которые назывались «Канал крокодила» и «Канал №3», они подплыли к жилищу Брюса. Это был небольшой деревянный домик, в

котором была всего одна комната. Брюс сказал, что очень рад Нимаю, но хозяину вряд ли понравится, если он останется здесь надолго.

Вечером Нимай рассказал Брюсу что у него были мыши, которых можно считать преданными, и что сейчас, отпустив их, он чувствует себя одиноким. Брюсу можно было рассказывать о таких вещах. По мнению Нимайя, Брюс был очень мягкосердечным человеком. Если кто-то говорил ему что-то обидное, он молча переносил обиду, держа всё в себе, однако грубость и обидные слова, сильно его ранили. Поэтому он и не смог жить на ферме.

– Я тоже живу в мире со здешними животными, – сказал Брюс. – Ты сам увидишь. Птицы совсем не боятся меня и залетают прямо в окно. Я даже крокодилам позволяю разгуливать здесь. Я не причиняю им никакого вреда, и они не трогают меня.

Утром они около четырех часов повторяли мантру, после чего Брюс отправился работать в сад, а Нимай, оставшись в доме, стал читать «Шримад-Бхагаватам».

Нимаю захотелось прочитать ту главу из Первой песни, в которой рассказывалась история Нарады Муни. Ему нравилась эта история, и к тому же Гурудев упомянул о ней во время их последней встречи. Он стал искать то место, где рассказывалось, как Нарада ощутил присутствие Господа, но затем потерял Его из виду и почувствовал себя осиротевшим. Это был восемнадцатый стих шестой главы:

«Трансцендентная форма Господа сама по себе удовлетворяет желания ума и мгновенно устраняет все противоречия в мыслях. Потеряв этот образ из виду, я в смятении вскочил, как человек, лишившийся самого желанного».

Несмотря на то, что Нараде было всего пять лет, он научился у гостивших в их доме мудрецов медитировать на Кришну. После смерти матери он остался совсем один, и однажды, медитируя на Господа, он воочию увидел Его трансцендентный образ и впал в экстаз. Но после этого, сколько бы он ни пытался медитировать, Господь больше не появлялся. Прабхупада пишет: «Нарада Муни лишь мгновение созерцал этот трансцендентный образ, но, потеряв его из виду, в смятении вскочил, чтобы найти его. Нарада Муни обрёл то, что мы ищем жизнь за жизнью, и снова потерять Господа из виду, конечно же, было для него сильным потрясением». Читая, Нимай волей-неволей сравнивал себя с Нарадой, хотя и понимал, что думать, будто между ними есть сходство, было бы просто смешно. Нарада видел Самого Кришну, он же видел лишь то, как Кришна явил небольшое чудо. «Ведь только по милости Кришны я мог разговаривать с мышами, – подумал он. – И по Его милости всё закончилось».

Нимай продолжил читать. Далее в «Бхагаватам» говорилось, что Господь не явился вновь Нараде, а сказал такие слова: «О, Нарада, Мне жаль, что в этой жизни ты больше не сможешь увидеть Меня. Тот, кто не совершенен в служении и не вполне свободен от материальных пороков, едва ли может увидеть Меня». Кришна не показывался больше Нараде, так как хотел усилить в нём горячее желание обрести Его, и когда Нарада понял это, он почувствовал к Кришне благодарность. После этого Нарада, «полностью удовлетворенный, смиренный и не знающий зависти», стал воспевать Святое Имя и странствовать по всей Земле.

«Легче сказать, чем сделать, – подумал Нимай. – Я же не Нарада. Я не знаю даже, что мне нужно делать». Он понимал, что рано или поздно он должен будет на-

писать своему духовному учителю и попросить дать ему конкретные указания, но он не хотел делать это сейчас. Ему казалось, что Гурудев предпочёл бы, чтобы он сам решил, что ему делать, и благодаря этому лучше бы понял себя.

Неделю спустя Брюс сказал Нимаю, что скоро придет хозяин дома, и ему лучше уехать.

Глава 2

(Н.д.д.)

Как я слышал, в одном из писем Прабхупада писал, что мы не должны слишком много говорить о *майе*, что вместо этого мы должны прославлять Кришну. Мне нужно серьёзно отнестись к этому наставлению, а то я только и делаю, что рассказываю о *майе* и о том, как она сбивает меня с толку, и значит, слушая меня, вы будете слушать о *майе*, а мне этого совсем не хочется. Я бы хотел говорить и думать только о Кришне и ни о чём другом. Однако я не могу делать это искусственно.

Я бы хотел поподробнее рассказать о том, что я чувствовал после расставания с Чхотой. Когда я расстался с мышами, они стали сниться мне во сне. Мне снилось, что они бегут по дороге, а за ними гонится огромная свинья и что Чхота зовёт меня на помощь, и я пытаюсь помочь им найти норку, где бы они могли спрятаться. Вспоминая то чудесное время, когда мы были вместе, я иногда плакал. Перестав общаться с мышами, я опять стал таким, каким был до встречи с ними. Я стал вспоминать, как преданные на ферме смеялись надо мной. (Поэтому я и не хотел возвращаться туда). Также я

начал думать о той ерунде, которой я занимался более пяти лет назад, до того, как стал преданным, например о рок-музыке, которую я тогда слушал. Ещё я думал о матери и отце и даже хотел было позвонить им, но не стал. Никто не смог бы понять меня. Но мне было необходимо с кем-нибудь поговорить. Я мог открыть душу только Брюсу. Он считает, что животные ничуть не хуже людей, что все они очень славные и что их нельзя убивать. Он любит их больше, чем я. По правде сказать, я никогда не относился к животным так же дружелюбно, как он. Кроме Чхоты, конечно. Потому что Чхота и не животное вовсе, а душа.

А сейчас я скажу вам об одном эпизоде, который покажется вам смешным. Я взял «Бхагаватам» и открыл его на странице, где рассказывалось, как горевал Арджуна, когда Кришна покинул Землю. Я сделал это потому, что отождествлял себя с Арджуной. Конечно, я не был таким сильным как он, но мне было легко вообразить себя тем Арджуной, которого я видел на одной иллюстрации, – там он плачет и говорит Юдхиштхире, что теперь, когда Кришна ушёл, он лишился своей силы. Шукрадева Госвами объяснил, что Арджуна был в великом горе, так как не мог больше видеть Господа Кришну, и его подобное лотосу сердце высохло от горя, а тело утратило своё сияние. Затем Арджуна говорит такие слова: «Я лишился Бога, Верховной Личности, благодаря влиянию которого я был так силён».

Но Арджуна был великим преданным и поэтому смог вспомнить наставления из «Бхагавад-гиты», что облегчило его страдания и принесло утешение его пылающему сердцу. Я же, в отличие от него, не мог припомнить ни одного подходящего наставления. Я был в *майе*. Да к тому же я никому не мог рассказать о причине моего горя. Я был готов рассказать обо всём Гурудеву

после двух встреч с ним, но больше никому не мог открыться.

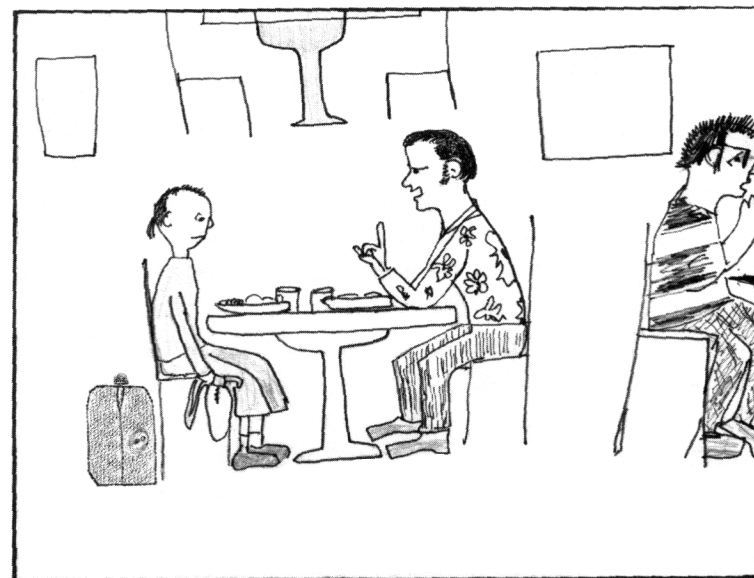
На самом деле мои переживания не были чем-то особенным, и я знаю, что я самый обычный человек, а не какая-то необыкновенная личность. Если у вас когда-нибудь был друг-преданный, которого вы очень любили и с которым вы по какой-то причине разлучились, тогда вы поймёте, о чём я говорю. Быть может, вы поймёте и то, почему я не хотел возвращаться на ферму. Можно было не сомневаться, что, увидев моё подавленное состояние, преданные тут же начали бы давать мне новые прозвища, по сравнению с которыми старые показались бы достаточно безобидными. Обычно они звали меня «Нимай-гном», а иногда называли «Нимайя», подразумевая, что мой ум, этот беспокойный могущественный ум, постоянно подчиняет меня себе, и из-за этого я всегда в *майе*. Надеюсь, вас не смущает, что я рассказываю вам обо всём этом. Если я не смогу каким-то образом связать свою жизнь с Кришной, тогда какой во всём смысл? Я не хочу превозносить *майю*, хоть я и знаю, что она необычайно могущественна.

Расставшись с Брюсом, я встретил другого преданного. Он летел в Индию и сказал, что у него есть лишний билет. Он был учеником гуру, который ушёл из Движения сознания Кришны, из-за чего этот преданный, которого звали Пуджа дас, озлобился на всё Общество. Я встретил его в центре Майами, в ресторане «Говинда», куда я забрёл, не зная, куда податься.

Пуджа сказал мне: «Нужно думать своей головой». Это был его девиз. Ещё он сказал: «Я слепо подчинялся своим наставникам, и посмотри, к чему это привело».

Я рассказал ему о том, чем занимался до этого, но не стал рассказывать о мышах. Я вовсе не рассказываю о них всем и каждому. Когда кто-то спрашивал меня, чем я занимаюсь, я обычно говорил: «Я путешествовал вме-

сте со своим Гурудевом по Центральной Америке. А теперь я не знаю, чем буду заниматься, я чувствую себя немного опустошённым».

Я действительно чувствовал себя опустошённым, но не по той же причине, что Пуджа и другие преданные, которых я встречал, — они были опустошены, как они сами говорили, из-за того, что следовали указаниям старших преданных. Но я начал подпадать под влияние Пуджи. Я сказал ему, что президент нашего храма, Вибху, очень жёсткий человек. Мне кажется, сказав такие слова про Вибху, я нанёс оскорбление преданному, но так на меня повлияло общение с Пуджей. Нет, беру свои слова назад — это была только моя вина. Пуджа сказал: «Нужно взрослеть, Нимай». Он всё время повторял эти слова, и они сильно подействовали на меня. Под его влиянием я даже стал думать, что, мо-

жет, мне не стоит следовать наставлениям старших преданных.

Пуджа ехал в Индию, чтобы заняться тем, что, по его мнению, было наивысшей духовной практикой. Он сказал, что все преданные должны делать только то, что говорит им сердце, тогда никому не удастся сбить преданного с пути, и он сможет стать духовно зрелым.

Я спросил его, чем же всё-таки он будет заниматься в Индии. Он ответил, что, вероятно, будет странствовать по святым местам, но, скорее всего, найдёт какое-нибудь уединённое место и станет жить там, повторяя Святые Имена и поклоняясь Божествам. Он сказал нечто совершенно потрясающее. Он сказал, что в Движении сознания Кришны никто ещё не достиг действительно высокого духовного уровня, потому что ум западных жителей очень беспокоен из-за того, что они живут в городах и окружены большой роскошью.

– Но Прабхупада говорил, что всё можно использовать в служении Кришне и ради проповеди, – возразил я.

– Да, но посмотри, как много преданных уже пало. Я уверен, что, если бы Прабхупада увидел, как много преданных ушло из Общества, он сразу же велел бы всем ехать в Индию и жить там простой жизнью.

– Но Прабхупада пишет, – не отступал я, – что мы не должны имитировать Харидаса Тхакура и жить в уединении.

У Пуджи и на это имелся ответ. Правда я не помню, что именно он тогда сказал, но в ту минуту его слова произвели на меня большое впечатление. «Может, это именно то, что мне нужно», – подумал я. К тому же, всё складывалось таким образом, что казалось, будто всё устроил Сам Кришна и что только по Его воле Пуджа предложил мне лететь с ним в Индию. Поэтому я

подумал, что поездка в Индию – наилучшее из того, что сможет излечить меня от уныния, а также помочь мне «повзрослеть», по выражению Пуджи, и понять, чем бы я хотел заниматься.

Пуджа не говорил ничего плохого о *моём* духовном учителе, но иногда он начинал в общих словах рассуждать об «этих парнях, которые прямо-таки упиваются своим положением гуру». Тогда я не считал это оскорблением, но теперь понимаю, что его слова очень вредно сказывались на моём умонастроении. И доказательством этому служит то, что собравшись ехать в Индию, я не посчитал нужным спросить прежде разрешения у Гурудева. Я решил, что, пока он находится в Гайане, мне будет очень сложно с ним связаться, и подумал, что, даже если я поеду без его разрешения, в этом не будет ничего плохого.

У Пуджи были с собой Божества, и эти Божества очень мне понравились. Всё, казалось, складывалось самым замечательным образом. Пуджа к тому же очень серьёзно относился к чтению книг Прабхупады, и вдобавок читал книги, написанные духовными братьями Прабхупады и вайшнавами из других *сампрадай*, поэтому я подумал, что, путешествуя с ним, я смогу многое узнать о вайшнавской философии. Я не заглядывал далеко вперёд и не думал о том, что буду делать в Индии, – у меня, по крайней мере, появилось хоть какое-то дело. К тому же решение лететь в Индию было с моей стороны смелым шагом, и мне было приятно чувствовать себя хоть немного бунтарём. Мне было приятно сознавать, что я хоть в чём-то проявил самостоятельность, а не стал прежде спрашивать разрешения, как это у нас водится, у пяти президентов храма, шести лидеров *санкиртаны* и прочих старших преданных. У человека должна быть возможность самому

решать, что ему делать, ведь есть книги и есть Сверхдуша, которые могут помочь ему принять решение. Вот так я стал думать, проведя полдня с Пуджей.

Глава 3

(C.g.r.)

Нимаи никак не мог поверить, что действительно летит в Индию. Он ехал туда не с какой-то определённой целью, и у него не было там никакого служения, поэтому он понимал, что поступает безрассудно. Но ни в Соединенных Штатах, ни где-либо еще у него не было такого занятия, которое бы ему по-настоящему нравилось, и поэтому ему было всё равно, куда ехать и что делать. По крайней мере, у него были с собой чётки, так что он мог повторять мантру, а в сумке у него лежал «Шримад-Бхагаватам», и, может быть, он поселится, как и Пуджа, в каком-нибудь святом месте и будет повторять там в уединении Святые Имена. По словам Пуджи, совсем не обязательно точно знать, что ты хочешь делать. Нужно просто пробовать, и тогда ты поймёшь, к чему у тебя лежит душа. Многие преданные, сказал он, утверждали, что точно знают, что необходимо делать, но в результате они либо начинали подчинять себе других преданных, либо сами становились жертвами, которых руководители использовали в своих целях. Поэтому лучше всего странствовать и по своему развивать в себе сознание Кришны. Чем больше Нимаи слушал, тем больше запутывался. Он никак не мог разобраться, в чём Пуджа прав, а в чём нет, но он надеялся, что Кришна всё откроет ему в своё время.

Он ещё раз спросил Пуджу о его планах.

– Самолёт приземляется в Дели, – сказал тот, – поэтому мы можем поехать во Вриндаван.

– Мы поселимся в храме Прабхупады?

– Мы можем приходить туда, но, чтобы жить там, нужно платить десять рупий в день, если, правда, мы не будем выполнять там какую-то работу. Я не против того, чтобы делать что-то, но стоит тебе только поселиться в каком-нибудь храме, как его руководители тут же начинают считать тебя своей собственностью.

Пуджа решил разделить свои деньги на несколько частей и поселиться в какой-нибудь недорогой *дхармашале*, где он мог бы предаваться духовным занятиям по своему собственному плану, без всякого постороннего вмешательства.

– Я поселюсь с тобой, если ты не возражаешь, – сказал Нимаи.

– Конечно, – кивнул Пуджа. – У нас будет свой маленький *кутир*.

Когда самолёт совершил посадку в Лондоне, в нём появился ещё один преданный. Его сразу можно было узнать по *курте*, *дхоти* и *шикхе*. Он тоже летел в Индию и был учеником того же духовного учителя, что и Пуджа. Его место было в другом салоне, но Нимаи и Пуджа поговорили с ним немного до отлёта. Он сказал им, что договорился встретиться в Индии с одним преданным из Италии, с которым они хотят обойти храмы Южной Индии. Как и Пуджа дас, он не принадлежал ни к какой общине и не служил никакому старшему преданному и в ближайшем будущем не собирался присоединяться ни к какой *ятре*.

Раньше Нимаи лишь в общих чертах слышал, что некоторые учителя бросают своих учеников. Он никогда никого не расспрашивал о подобных случаях, да и

на ферме мало, что говорили о таких случаях. Но сейчас он во всех подробностях узнал об этом от Пуджи. В течение всего полёта Пуджа рассказывал Нимаю о многочисленных скандальных происшествиях в Движении. Он рассказал о том, как руководители, пользуясь своим положением, растрачивали общественные деньги и заставляли преданных заниматься тем, что не имело отношения к духовной деятельности, например, посылали их продавать картины, а не распространять книги. Он сказал Нимаю нечто ещё более ошеломляющее. Оказывается, один журналист написал целую книгу о преступлениях, совершённых руководителями общества, и об их порочном поведении, и выходило, что всё это были общеизвестные факты.

Нимаю хотел было сказать, что никто из тех преданных-руководителей, которых он знал, не совершал никаких ужасных поступков, но затем подумал, что, возможно, Пуджа знает то, чего не знает он, и может рассказать что-нибудь о его, Нимая, наставниках. Пуджа, казалось, знал обо всех отвратительных случаях. Неудивительно, что он разочаровался в преданных.

Нимаю очень не хотелось услышать от Пуджи какую-нибудь нехорошую историю о ферме, на которой он жил. За те три года, которые он провёл на ферме, там не было ни одного скандального происшествия. Однако никогда не знаешь наверняка, что делается рядом с тобой...

И всё же Нимаю осмелился высказать своё мнение и сказал несколько добрых слов о своём Гурудеве, который очень искренно проповедовал в Гайане во время *пада-ятры*. Пуджа не стал ему возражать, а сказал, что, насколько ему известно, Гурудев Нимая – один из тех немногих старших преданных, которые являются «исключением из общего правила». Затем Пуджа на-

чал рассказывать о том, какую боль причинил ему уход из Общества его гуру.

– Я по-настоящему поклонялся ему, – говорил он, – как мы и должны поклоняться гуру. Но теперь у меня нет никакой веры. Я похож на разбитый колокол, и я вряд ли когда-нибудь буду таким же, как прежде. Как я смогу доверять кому-нибудь после того, что случилось?

В результате, к моменту их прибытия в Нью-Дели у Нимая появилось твёрдое убеждение, что лучше не сообщать в храм о своём приезде и не вызываться выполнять там любую работу, как это обычно делают *брахмачари*, а иначе кто-нибудь может использовать его в своих целях. Кроме того, он проникся сочувствием к Пудже, который испытывал такие же – и даже ещё более тяжкие – душевные страдания, что и он сам. Слушая о страданиях Пуджи, Нимаю смог более трезво взглянуть на свои собственные. «Мне был дарован особый вкус к духовной жизни, а сейчас я его не чувствую. Но зато меня никто и никогда не обманывал», – подумал он.

Глава 4

(Н.г.д.)

Что бы со мной ни происходило, я никогда не забывал Чхоту, Ямалу и Арджуну. Я не терял надежды увидеть их вновь. Когда мы расстались с ними в первый раз, я тяжело переживал нашу разлуку (думаю, что и они тоже). И тогда я начал думать о них и воскрешать в памяти наши беседы, так что они представляли в моём воображении, словно живые. Если у вас

есть друг, и ваша дружба основана на сознании Кришны то, даже если вы разлучены со своим другом, эта дружба принесёт вам большое благо. Таково вайшнавское понимание разлуки. Преданные постоянно насмеялись надо мной и говорили, что из-за того, что я думаю о мышах, я и сам стану мышью в следующей жизни. Но я же думал не о «мышах». Думая о Чхоте, я думал о проповеди обусловленным душам, а также вспоминал различные наставления, которые могли бы помочь мне в моей духовной жизни, и ведические истории, в которых рассказывается как преданные учили животных воспевать Харе Кришна. Вы же не будете утверждать, что Аджамила станет ребёнком в следующей жизни только потому, что думал о своём ребенке, Нараяне. Произнося имя Нараяны, он произнёс Имя Бога. И по словам Вишванатхи Чакраварти, произнося имя сына, Аджамила думал о настоящем Нараяне. Думая о Чхоте, Ямале и Арджуне, я представлял не бессловесных грызунов, выбегающих из своих норок, чтобы покопаться в отбросах в поисках пищи. Мысли о них избавляли меня от влияния *майи* и пробуждали во мне стремление быть более ответственным преданным и распространять сознание Кришны. Я знаю, всё это кажется полным бредом (или сумасшествием), но именно так всё и было.

Расставшись со своими мышами, первые несколько дней я сильно тосковал по ним. Но когда я увидел, до какой степени был опустошён Пуджа дас, это помогло мне понять, что у меня всё не так уж плохо, и я смог найти в своём чувстве разлуки нечто положительное. Например, я вспомнил, что именно благодаря Чхоте я понял, что мы можем думать о Кришне и служить Ему хотя бы самую малость. Я осознал это, когда размышлял над тем, что мыши мало что могут делать как пре-

данные. Ведь Чхота совсем крохотный и такой неопытный, а его братья даже более неопытны, чем он, и все трое просто неспособны делать много. Я подумал тогда: «А есть ли какая-нибудь польза от такой проповеди?» Понимание того, насколько незначительно наше служение, приводило меня в уныние, и я сказал об этом Чхоте. И тогда он рассказал мне, насколько тяжела жизнь мышей, которых на каждом шагу подстерегает опасность. Он начал проповедовать мне, и у него так замечательно это получалось. Он сказал, что Кришне доставляет удовольствие не размах нашей деятельности, а наша искренность и преданность. С того-то дня он и стал говорить о своём желании проповедовать другим мышам. И хотя, имея такое крохотное тело, он не мог делать много, он был полон оптимизма.

Когда мне тяжело, или когда я просто выполняю рутинные обязанности, я думаю о том, как Чхота радовался тому, что у него есть *хоть какое-то* сознание Кришны, и как он старался хоть что-то делать для Господа. Мы не можем даже себе представить, как трудно, к примеру, мышам контролировать себя во время еды и не превращать еду в чувственное наслаждение. Даже если преданные просто стараются почитать *прасад*, а не набрасываются на него с жадностью, это уже можно считать преданным служением. И если преданный просто хорошо повторяет Святые Имена, это тоже доставляет Кришне большое удовольствие. Никакую деятельность преданного, старающегося служить Господу, нельзя считать незначительной, подразумевая под словом «незначительный» нечто бесполезное и не доставляющее Кришне удовольствия. Я обычно забываю о том, что можно даже что-то незначительное делать так, что это доставит Кришне и гуру большое удовольствие. Вспоминаю же я об этом тогда, когда мне при-

ходит на память, как Чхота старался хоть понемногу проповедовать сознание Кришны. Вспоминая о своих мышах, я думаю, с каким смирением, благодарностью и энтузиазмом они служили Господу. Неужели же из-за таких мыслей я стану в следующей жизни мышью? Нет, я так не думаю. Мысли о них очень вдохновляют меня. Когда я думаю о них, во мне сразу пробуждается желание молиться Кришне, и я вспоминаю о том, что хочу быть Его слугой и другом. И еще начинаю лучше понимать, как ничтожны мои силы и способности.

Мыши, о которых я думаю, действительно преданны Богу. По воле Кришны некоторые существа, находящиеся в низших формах жизни, способны научить нас чему-то важному. Мы можем научиться преданности даже у змей, собак, птиц и бабочек. Что же говорить о тех существах, которые способны повторять и слушать Святые Имена и рассказы о Боге. Они тоже могут чему-то нас научить.

Мне очень понравилось, как к моей дружбе с мышами отнёсся Гурудев. Он не сказал: «Нимай, ты должен доказать мне с научной точки зрения, что эти мыши могут разговаривать с тобой. И пока ты мне этого не докажешь, я не поверю в это и запрещаю тебе держать их и думать о них». Нет, он увидел золото в нечистом месте (я имею в виду себя). Его, кажется, совсем не волновало, имеет ли моя дружба с мышами какое-то отношение к сознанию Кришны. Он знал, что она благотворна для меня. И я хотел бы оправдать его надежды. Я имею в виду, что просто хотел бы радоваться той скромной возможности помнить о Кришне и служить Ему, которую Он дал мне. И я хотел бы помнить о Нём и служить Ему непрестанно. Мысли же о Чхоте помогают мне находиться в сознании Кришны. Так почему кому-то не нравится моя дружба с мышами и почему я обязан что-то доказывать?

Когда я разлучился со своими мышами в первый раз, мне было очень тяжело, потому что я никому из преданных не мог рассказать о своих переживаниях. Все считали, что я просто скучаю по своим любимым мышкам. Я очень нуждался в понимании и одобрении со стороны других людей. Но если я знаю, что мои отношения с Чхотой основаны на сознании Кришны и что мы можем поддерживать их даже в разлуке, то так ли уж важно убеждать в чём-то других людей? Конечно, нет. Если я научился чему-то, что помогает мне находиться в сознании Кришны, я должен поделиться этим с другими, а не стараться доказать всем, что у меня необычные отношения с Кришной, как будто Он наделил меня особыми полномочиями и все должны слушать меня.

У меня не было причин так горевать из-за разлуки с мышами. Ведь я договорился с ними, что через шесть месяцев вернусь в Гайану увидеться с ними. И я должен был бы понимать, что всегда могу вспоминать о том, как они старались быть преданными, и черпать в этом вдохновение. Я уверен, что Чхота тоже думает обо мне и что, когда мы вновь встретимся, ему захочется поделиться со мной всем тем, чему он научился и что узнал за это время. Если мы верны друг другу, то даже в разлуке мы можем продолжать общаться. Не думаю, что Кришна из-за этого будет недоволен нами, хотя, конечно, я не могу сказать наверняка. Мне хотелось бы ещё раз обсудить всё это с Гурудевом, но он же благословил нас, и я своими ушами слышал, как он в ответ на поклон мышей сказал: «Будьте хорошими преданными. Нимай обучил вас сознанию Кришны. Теперь идите и проповедуйте другим». Это было для меня намного важнее всех тех скандальных происшествий в Движении, о которых рассказывал Пуджа. Даже когда моё внимание поглощено внешними событиями

(а оно всегда поглощено ими, потому-то я всегда в *майе*), я всё-таки не утрачиваю внутреннего видения пути, и именно поэтому мне так необходимо думать о Чхоте и общаться с ним.

Глава 5 (Н.д.д.)

Когда я прилетел в Индию, то, хотя теперь меня и Чхоту разделяло гораздо большее расстояние, я почувствовал, что внутренне стал ближе к нему. Мне кажется, что между нами существует некая телепатическая связь. Это не похоже на общение по телефону, когда вы можете обмениваться друг с другом словами и фразами, но иногда, начиная думать о Чхоте, я ощу-

щаю его присутствие. Вот и тогда, в делийской аэропорту, ожидая в два часа ночи свой багаж и смотря на беготню вокруг, я вдруг почувствовал, что Чхота рядом со мной.

Конечно, я не уверен, что Чхота переживал нечто похожее в то же самое время, но когда мы встретимся, я обязательно спрошу его, что он тогда чувствовал. Мне кажется, что, когда двое напряженно думают друг о друге, между ними устанавливается связь.

Всё это было очень загадочным. Мне совсем не хотелось, чтобы со мной произошло что-нибудь нехорошее, поэтому я опять начал думать над тем, что сказал мне однажды Бхима в фургоне *санкиртаны*. Он сказал тогда, что я стану в следующей жизни мышью, подобно Махарадже Бхарате, которому пришлось родиться оленем из-за того, что он думал во время смерти об оленёнке. Поэтому, ожидая с Пуджей багаж, я достал свой однотомный «Шримад-Бхагаватам» и открыл главу, где рассказывается история Махараджи Бхараты.

Да, конечно, Махараджа Бхарата был великим преданным, и вся Индия была названа его именем, тогда как меня называют «гномом». Так что между нами не может быть никакого сравнения. Но хоть Махараджа Бхарата и был возвышенной личностью, его отношения с оленёнком принесли ему большой вред. Когда Махараджа Бхарата медитировал, оленёнок принимался бодать его своими рожками, и тогда Махараджа Бхарата прерывал медитацию и начинал играть с оленёнком. А когда он готовился к жертвоприношению, оленёнок подходил и осквернял траву *куша*. Из-за привязанности к оленёнку он перестал выполнять свои предписанные обязанности. Что же касается меня, Чхоты, Арджуны и Ямалы, то наша дружба была основана на духовных отношениях. Возможно, что-то они и оскверняли, поскольку не могли делать всё так же хорошо,

как люди-брахманы, но они изо всех сил старались делать всё правильно в соответствии со временем и обстоятельствами.

Когда оленёнок исчез, Махараджа Бхарата, который сильно к нему привязался, очень горевал о нём. То же самое произошло и со мной, и я понимаю, что впал в иллюзию. Махараджа Бхарата беспокоился о том, что оленёнка могут сожрать свирепые животные, и я тоже тревожусь за своих мышей. Но, по крайней мере, я не ношу больше их с собой и не стараюсь защитить их от любой опасности. Теперь мы просто служим Кришне и полагаемся во всём на Него одного. Но Прабхупада выносит суровый приговор тем, кто имеет материальные привязанности.

Даже такой возвышенный преданный, который уже развил в себе любовную привязанность к Верховной Личности Бога, не удержался на духовном уровне и пал из-за привязанности к животному. Далее в этой главе объясняется, что из-за привязанности к оленёнку Махарадже Бхарате пришлось самому родиться оленем. Если такое произошло даже с Махараджей Бхаратой, что же тогда говорить о тех людях, которые привязаны к своим кошкам и собакам, но ничего не достигли в духовной жизни? Из-за любви к своим четвероногим друзьям они вынуждены будут в следующей жизни сами стать кошками или собаками. Если мы не развиваем в себе любовь к Верховному Господу, если не укрепляем свою веру в Него, у нас непременно будут возникать те или иные материальные привязанности.

- Шримад-Бхагаватам, 5.8.12, коммент.

Да, иметь привязанности очень опасно. Но всё-таки нужно смотреть, мешают ли они нашему сознанию Кришны или нет. Мне же кажется, что ту крупницу сознания Кришны, которая у меня есть, я обрёл как раз благодаря проповеди мышам. Даже преданные на ферме заметили во мне изменения после того, как я впервые встретил Чхоту. Я стал стараться не впадать в сентиментальность и не скатываться на уровень телесных представлений.

Я хочу как можно более правдиво и откровенно рассказать о прошедших событиях, потому что, по правде говоря, дорогой Гурудев, я пишу это для вас. Это вы попросили меня написать обо всём, что со мной произошло. И чтобы мой рассказ помог вам понять, совершенный я болван или нет, я должен рассказать обо всём до мельчайших подробностей. Поэтому я хочу здесь признаться, что иногда я разговариваю вслух. В действительности, в этом нет ничего особенного, и я знаю, что у других людей тоже есть такая привычка. Человек просто думает вслух, вот и всё. Он делает это обычно тогда, когда чем-то обеспокоен или чувствует себя очень одиноким. И, конечно же, большинство людей говорят вслух, только когда рядом никого нет. Если же ты начнёшь разговаривать сами с собой на людях, они подумают, что ты сумасшедший. Я слышал, что даже великие и известные люди разговаривали сами с собой. И *гопи* тоже разговаривали вслух. Я чуть было не написал «и Господь Чайтанья тоже разговаривал Сам с Собой», но напиши я это, вы бы подумали, что я сравниваю себя с Ним. Я хочу всем этим сказать, что не вижу ничего плохого в том, что один преданный говорит с другим преданным, к которому он очень привязан и которого рядом с ним нет. Я же считаю Чхоту *вайшнавом*, и, находясь с ним в разлуке, я разговариваю с ним. Нет, я не говорю с ним постоянно, просто, когда

мы сидели в аэропорту, у меня вдруг само собой вырвалось: «Вот мы и в Индии, Чхота».

До этого я старался оправдать свои действия, но на самом деле я понимаю, что их непременно должен оценить кто-то из старших и опытных преданных. Потому что, даже если моя телепатическая связь с Чхотой не плод воображения, а разговор вслух можно считать проявлением духовной привязанности между *вайшнавами*, всё равно остаётся неясным, почему я не совершаю подобных действий по отношению к гуру и Кришне. Мне кажется, это вполне резонный вопрос, и я должен поставить его перед собой и постараться найти на него ответ.

Право выносить решение я оставляю за Гурудевом. Но я могу сказать, что если я думаю о Чхоте и даже «молюсь» ему, это совсем не означает, что я не молюсь Господу и своему духовному учителю. Желание разговаривать со своим другом-преданным вполне естественно, и такое общение может вывести на высший уровень мышления. Быть может, кто-то во всём, что я здесь говорю, увидит лишь гордыню и расстройство ума, но я хочу попросить таких читателей – если они еще не захлопнули книгу – быть ко мне снисходительными, так как я пишу всё это с добрым намерением и говорю о тех, кто очень дорог мне.

В аэропорту нам с Пуджей очень долго пришлось ждать багаж. Я сидел один, пока Пуджа стоял в очереди, чтобы обменять деньги. И тут я решил написать письмо Чхоте и передать на бумаге все свои переживания, вызванные разлукой с ним. Вот это письмо:

20 февраля, 2ч. 30 мин. пополуночи.

Дорогие Чхота, Ямала и Арджуна Прабху!

Примите, пожалуйста, мои смиренные поклоны. Слава Шриле Прабхупаде!

Всё ли у вас хорошо? Когда мы с вами расстались и наше духовное общение прервалось, на душе у меня стало тоскливо и тяжело. Особенно острым это чувство тоски было в самые первые часы после нашего расставания, когда я оказался совсем один в самолёте, летевшем из Гайаны. Сейчас же я стараюсь одухотворить чувство разлуки, благодаря чему я уже начал выходить из депрессии. Чхота, сегодня ночью я думал о тебе. Это одна из причин, по которой я пишу это письмо: я хочу записать день и время и показать свою запись тебе, когда мы встретимся, чтобы ты сказал мне, думал ли ты обо мне в этот час.

Ты, наверное, удивишься, узнав, что я пишу тебе из самой Индии, куда я приехал впервые в жизни. Всё произошло очень быстро. У одного преданного был лишний билет, и он предложил мне лететь вместе с ним. Не знаю, зачем я приехал сюда, но мне очень не хотелось возвращаться в храм, где я раньше. Я узнал много всего о нашем Движении, и считаю, что мне нужно составить свою собственную программу действий на ближайшее будущее.

Если вы грустите (как и я) из-за нашей разлуки, то я хочу дать вам совет. Помните учение о *вану* и *вани*? *Вайшнавы* утверждают, что, хоть личное общение с преданными приносит большую радость, всё-таки гораздо важнее та связь, которая устанавливается между преданными благодаря наставлениям. Прабхупада говорил, что мы связаны друг с другом посредством звука. Под звуком он подразумевал наставления и, конечно же, повторение Святых Имен. Повторение Святого Имени связывает нас друг с другом, даже если мы находимся в разных частях света. Так что же важнее: *вану* или *вани*? Я уверен, что вы дадите верный ответ, и правильное понимание поможет вам преодолеть печаль.

Я думаю о вашей проповеди. Иногда я чувствую сильное желание защитить вас от любых опасностей, но я понимаю, что ничего не могу сделать для этого и что Кришна хранит вас. Вы очень храбрые души, вы намного храбрее меня. Не знаю, почему Кришна сделал так, что я должен давать вам советы, – это мне нужно учиться у вас. Я и в самом деле учусь у вас. Ваш пример очень вдохновляет меня, особенно когда я думаю о том, что у вас, таких крохотных, большие сердца, как у *махатм*, и что ради Кришны вы рискуете своей жизнью, выходя на улицу проповедовать. Я не способен делать то же, что делаете вы, но меня очень вдохновляет ваш пример, и особенно то, что хотя вам по силам лишь какие-то малые дела, вы искренне делаете всё для Кришны. Мои силы и способности ограничены, к тому же я очень робок и не уверен в себе (не знаю, почему говорят, что мыши очень пугливы), но я надеюсь, что смогу всегда оставаться по крайней мере, искренним и что Кришна не отвергнет меня и поможет мне стать совершенной.

Я знаю, что вам нравится слушать мои наставления, потому что сам я услышал их от старших преданных и узнал из книг Прабхупады. Прабхупада порой говорил проповедникам, что им не следует прилагать чрезмерные усилия. Вы должны всегда хранить душевное спокойствие и выполнять *садхану*, как я вас учил, особенно по утрам. Не носитесь, как сумасшедшие, повсюду, стремясь привлечь к сознанию Кришны как можно больше мышей. И не рискуйте понапрасну своей жизнью. Старайтесь всегда действовать обдуманно. В вашей жизни и без того будет множество опасностей. Как гласит пословица, которую часто цитировал Прабхупада: «Благоразумие – главное достоинство храбрости».

Если ваша проповедь вызовет сочувственный отклик у местных мышей, постарайтесь найти среди них того, кто бы серьёзно отнесся к сознанию Кришны, и обучите его. Если вам удастся обучить хотя бы одного местного мышонка и сделать из него преданного, тогда, даже если с вами что-то случится, проповедь будет продолжаться.

Может быть, когда я приеду в Гайану, мы поедем с вами в какое-нибудь другое место и останемся там навсегда. Быть может, мы поселимся на ферме, как предложил Ямала. Там вы могли бы жить на воле, но в то же время мы были бы вместе.

Пытались ли вы говорить с другими людьми? И поняли ли вы хоть немного, как это происходит? Я до сих пор этого не понял. Однако теперь, когда я встречаю животных, я, зная, что они способны слышать Святое Имя, начинаю повторять мантру Харе Кришна. Кроме того, у меня появилось желание дать возможность и людям услышать Святые Имена. Всё это — результат общения с вами.

Я буду писать вам обо всём, что со мной происходит. В священных писаниях я нашёл ещё один замечательный стих. Я натолкнулся на него, читая одну из глав «Чайтанья-чаритамриты», в которой рассказывается о том, как Господь Чайтанья пел Святые Имена животным. В этом стихе описывается Вриндаван. Господь Чайтанья произнёс его, увидев, что тигры и олени идут за Ним. Вот этот стих:

Вриндаван – трансцендентная обитель Господа. В нём никто и никогда не гневается и не испытывает ни голода, ни жажды. Там люди и свирепые дикие животные, которые на земле отно-

сятся враждебно друг к другу, живут в мире и согласии, связанные трансцендентной дружбой.

- *Шримад-Бхагаватам*, 10.13.60

Там же рассказывается, что вслед за Господом Чайтаньей летели павлины и другие птицы, которые стали как безумные, услышав, как Господь Чайтанья пел Святое Имя Кришны. А когда Господь Чайтанья восклицал: «Харибол!» – даже деревья и лианы начинали трепетать от восторга. Комментируя этот стих, Прабхупада пишет:

Громкое воспевание мантры Харе Кришна столь могущественно, что его могут слышать даже деревья и лианы, не говоря уже о животных и людях. Шри Чайтанья Махапрабху однажды спросил Харидаса Тхакура, как деревья и лианы могут достичь освобождения, и тот ответил, что деревья, кусты, травы, насекомые и другие живые существа могут обрести духовное благо, услышав громкое пение мантры Харе Кришна. Поэтому никого не должно раздражать громкое пение Харе Кришна, так как оно приносит благо не только тому, кто поёт святое имя, но и всем, кто слышит его.

- *Чайтанья-чаритамрита*, *Мадхья*, 17.45,
коммент.

До свидания.
Всегда помнящий вас
Нимаи дас.

Глава 6 (С.г.г.)

Подобно многим другим паломникам и туристам, Нимаи, оказавшись во Вриндаване, был полон благоговения и трепетного ожидания чего-то необычного. Даже такие мелочи, как запах земли и дымок от горящего коровьего навоза, вид огромных чёрных свиней, разгуливающих по улицам, и конечно же обезьяны, – волновали его душу и вызывали чувство радости и восторга. К тому же почти все встречавшиеся ему люди были преданными Кришны, и когда он приветствовал их словами «Харе Кришна», они в ответ восклицали: «Джая Радхе!».

Пуджа и Нимаи довольно неплохо устроились на новом месте. Они очень дешево сняли комнату в *ашраме* «Према-бхакти». Правда в ней не было туалета, но они могли ходить по нужде в поле, как это делали многие жители Вриндавана, а совершать омовение они решили в Ямуне. В *ашраме* они договорились, что раз в день будут получать там *дал* и *чапати*. И хоть им предстояло вести во Вриндаване довольно аскетичный образ жизни, они готовы были переносить любые трудности.

Пуджа однажды уже приезжал в Индию, но пробыл лишь три недели, поэтому он не говорил, что знает больше Нимаи. Однако он не преминул заметить, что намного лучше жить отдельно от преданных и не сообщать о своём приезде в храм ИСККОНА.

– Ты сам увидишь, – сказал он Нимаю, – насколько нам будет спокойнее жить, не чувствуя давления со стороны преданных. Через несколько недель они наводнят Вриндаван и начнут бегать по магазинам и лав-

кам, а мужчины будут свободно общаться с женщинами... а потом начнутся интриги... Сейчас же мы видим истинный Вриндаван, ради которого мы и приехали.

Нимаи согласно кивнул.

- Мне кажется, я действительно полюблю его, - проговорил он с улыбкой. - Из-за одного того, что все здесь считают тебя не телом, а душой и у всех на лбу нарисована *тилака*, а на шее висит мешочек с чётками, здесь чувствуешь себя как дома, и хочется остаться здесь навсегда.

- Может быть, мы и правда надолго останемся здесь, - сказал Пуджа. - Но это уж как захочет Кришна. В святой *дхаме* можно жить, только если Кришна и Радхарани дадут на это позволение.

У Пуджи и Нимая был одинаковый распорядок, в котором они отвели время и для личных занятий. Нимаи планировал хотя бы два часа в день читать книги Прабхупады и, если получится, повторять больше кругов *маха-мантры*. Эти два занятия самые важные в духовной практике, ему же на протяжении нескольких лет не удавалось ни внимательно читать книги, ни сосредоточенно повторять мантру. А Пуджа мечтал обойти все святые места Вриндавана, чего, впрочем, хотелось и Нимаю.

- Когда я приезжал сюда, - сказал Пуджа, - здесь был один замечательный *бабаджи*, который водил преданных по Вриндавану. Кажется, я знаю, где он живёт.

Нимая предупреждали, насколько опасно общаться в Индии с *бабаджи*, которые могут сбить преданных с истинного пути. И он слышал, как Прабхупада в лекциях упоминал о *пракрита-сахаджиях*, то есть о тех, кто считает, что к *лиле* Кришне очень легко получить доступ, и кто стремится убедить других людей в том, что они могут очень быстро установить отношения с Радхой и Кришной.

- А этот *бабаджи* не *сахаджийя*? - спросил Нимаи Пуджу.

- Да нет, - ответил Пуджа, - он совершенно безобидный. У него даже есть книги Прабхупады. Да и потом он же не станет нас чему-то учить, словно гуру. Он просто поводит нас по Вриндавану. Денег за это он не берёт. Зато он хорошо говорит по-английски, а здесь немногие умеют говорить на английском языке. А если он начнёт говорить что-то странное, мы просто не будем его слушать.

Пуджа опять стал убеждать Нимая, что нужно более широко смотреть на вещи и не следует оскорбительно думать об учёных людях, живущих в *дхаме*. Не нужно думать, говорил он, что *вайшнав*ы - это только те, кто принадлежит к Движению сознания Кришны, и что кроме них нет других *вайшнав*ов.

- Прабхупада писал, - сказал Пуджа, - что гуру тех, кто живёт во Вриндаване, - Сам Кришна.

- Да, я слышал об этом, - проговорил Нимаи.

Итак, два новоприбывших паломника в душе своей были уже готовы полюбить Вриндаван.

Нимаи считал, что ему ещё рано систематически изучать книги Прабхупады, поэтому он выбирал для чтения те главы, где обсуждались вопросы, которые его волновали. Прежде всего он хотел лучше понять, какими должны быть его отношения с Чхотой и Гурудевом. Также он надеялся, что, читая книги, он по милости Кришны и Прабхупады поймёт, чем ему следует заниматься теперь, когда у него не было постоянного занятия. Как он должен служить Кришне? Может, его служение заключается в том, чтобы жить во Вриндаване, читать и повторять Святые Имена? Но как же тогда проповедь? Нимаи вспомнил время, когда с ним был Чхота, - он никогда столько не проповедовал, как в те дни. Сейчас же он лишился такой возможности, и

в этом, по его мнению, заключалась одна из причин его опустошенности и подавленности. Сможет ли он когда-нибудь опять так же активно проповедовать, как тогда, когда он наставлял мышей и руководил их проповедью другим мышам? Когда эти вопросы появились у него в голове, он открыл «Бхагаватам» на странице, где был помещён предметный указатель, и попытался найти то, что ему было нужно. Также он стал вспоминать, не читал ли он что-нибудь об этом в «Чайтанья-чаритамрите».

Он вспомнил, что хотел прочитать один из комментариев, в котором Прабхупада говорит о проповеди и уединённой жизни. Это был комментарий к стиху, в котором Господь Чайтанья сказал, что хотел бы жить в Джаяганнатха-Пури в самом уединённом жилище:

В настоящее время мы видим, что некоторые члены Международного общества сознания Кришны стремятся прекратить проповедовать и жить в уединённом месте. Это не очень хорошая тенденция. Шрила Бхактисиддхата Сарасвати Тхакур не рекомендовал делать это неофитам. В одной из своих песен он даже написал: *пратиштхара таре, нирджанера гхаре, тава хари-нама кевала кайтава*. Те, кто стремится жить в уединении, чтобы в одиночестве повторять *маха-мантру* Харе Кришна, – самые настоящие обманщики. Неофиты не способны повторять святое имя в уединении. Начинающие преданные должны напряжённо трудиться под руководством духовного учителя и проповедовать учение Шри Чайтаньи Махапрабху. И только достигнув совершенства в преданном служении, они могут поселиться в уединённом месте

и повторять там *маха-мантру* Харе Кришна, как это делал Сам Шри Чайтанья Махапрабху.

- *Чайтанья-чаритамрита*, Мадхья, 11.176,
коммент.

Когда Нимаи прочитал этот комментарий, ему тут же захотелось показать его Пудже, который сидел на улице и тоже читал. Но затем он подумал, что у Пуджи, конечно же, есть своё мнение на этот счёт. Поэтому он решил, что будет гораздо лучше, если он станет самостоятельно размышлять над прочитанным и держать некоторые мысли при себе. По крайней мере, теперь Нимаи точно знал, что Прабхупада говорил о проповеди: *преданный не должен прекращать проповедовать*.

Затем Нимаи попытался вспомнить, нет ли в книгах Прабхупады таких разделов, из которых он мог бы почерпнуть уверенность, что его отношения с Чхотой имеют право на существование. Он никак не мог припомнить, где же говорится об отношениях между преданными-людьми и животными, потому что в писаниях редко обсуждалась эта тема. Тогда он решил посмотреть, что в писаниях говорится о дружбе между преданными, ведь он считал Чхоту преданным. Он помнил, что в «Упадешамрите» есть стих и комментарий, в которых описываются шесть видов любовных взаимоотношений между преданными, но у Нимаи не было с собой этой книги. Конечно, вся «Чайтанья-чаритамрита» посвящена рассказу о дружбе между преданными Господа Чайтаньи и между Самим Господом Чайтаньей и Его последователями. Но подходит ли его дружба с Чхотой под определение «дружба между двумя преданными Господа Чайтаньи»? Нимаи нашёл в предметном указателе «Бхагавад-гиты» слово «дружба» и увидел такие подпункты: «между Арджуной и Криш-

ной», «между Параматмой и *дживатмой*», «между преданным и Кришной». А где же говорится о дружбе между обычными преданными?

Нимаю отыскал в «Бхагавад-гите» знаменитый стих из десятой главы, в котором Кришна говорит, что все мысли Его преданных поглощены Им и что они испытывают огромное блаженство, «делясь друг с другом знанием и беседуя обо Мне». В комментарии к этому стиху Прабхупада пишет следующее:

Преданные Верховного Господа день и ночь прославляют Его качества и деяния. Их сердца и души всегда погружены в Кришну, и, говоря о Нём с другими преданными, они получают от этого огромное удовольствие. <...> Высшей целью духовного совершенствования является Кришна. Люди не знают об этом, вот почему так важно, чтобы они могли общаться с преданными и нашли истинного духовного учителя. Нужно знать, что высшая цель каждого – Кришна, а когда цель поставлена, можно медленно, но верно приближаться к ней, чтобы в конце концов достичь её.

- *Бхагавад-гита*, 10.9-10, коммент.

Из этого отрывка становилось понятно, что дружба в духовной жизни очень важна. Нимаю подумал о том, что ему всегда было нелегко заводить друзей. Может быть, именно поэтому для него так много значили отношения с Чхотой. Чхота был, наверное, его первым настоящим другом. Поэтому не было ничего удивительного в том, что он тосковал по своему близкому другу-преданному и постоянно думал о нём.

Прочитав фразу «вот почему так важно, чтобы они могли общаться с преданными и нашли истинного ду-

ховного учителя», Нимаю стал искать, где ещё в «Бхагавад-гите» говорится о том, насколько важны взаимоотношения между учеником и духовным учителем. Он с тёплым чувством вспомнил о своей последней встрече с Гурудевом. Его отношения с духовным учителем только начинались, и он должен сделать всё от него зависящее, чтобы углубить их.

Нимаю доставляло огромное наслаждение сидеть во Вриндаване и читать книги Прабхупады так, как ему нравится. Сама атмосфера здесь, казалось, побуждала к глубоким размышлениям; мысли здесь были более ясными, и возникало чувство близости к Кришне. И мантра здесь повторялась гораздо лучше. Нимаю сразу отметил, насколько лучше он повторяет здесь мантру, намного лучше, чем на ферме, где ему не давали покоя постоянно дразнившие его мальчишки-подростки и где у него в голове непрестанно вертелись мысли о женщинах, женитьбе и руководителях храма.

На исходе первого дня их пребывания в *ашраме* «Према-бхакти», когда Нимаю на несколько минут остался один, он громко сказал: «Да, Чхота, Вриндаван, несомненно, самое лучшее место для преданного служения».

На следующий день Пуджа дас повёл Нимаю дасу к Гопидасе Бабаджи. У того была своя комната в *ашраме*, который существовал при одном старом храме и где жили двадцать или тридцать человек пожилого возраста. Гопидаса Бабаджи оказался живым и бодрым *садху* с блестящими глазами; кожа у него была тёмно-коричневого цвета, а во рту не хватало нескольких передних зубов. Он с радостной улыбкой поприветствовал Нимаю, сложив ладони у груди и проговорив: «Дандават».

– Видишь? У него есть книги Прабхупады, – сказал Пуджа, показывая на две полки, на которых стояли тома «Шримад-Бхагаватам» и «Чайтанья-чаритамриты» в рваных обложках.

– У меня не хватает нескольких книг, – проговорил Гопидас Бабаджи. – Если вы будете так добры и сможете мне достать недостающие тома, тогда у меня будет полный комплект.

Бабаджи достал большую потрёпанную конторскую книгу и попросил Нимая вписать туда своё имя и страну, из которой он приехал. Он показал Нимая записи, сделанные в ней многими лидерами ИСККОН, которые одобрительно отзывались о служении Бабаджи во Вриндаване и называли его замечательным гидом. Взяв ручку и приготовившись писать, Нимай заметил в тёмном углу маленькое фото бенгальского монаха Рамакришны. Он посмотрел на Бабаджи:

– Кто это? Я думал вы – вайшнав.

– О, ну конечно же, я вайшнав, – засмеялся Бабаджи. – Это фотография Рамакришны. Когда я был юношей, я заинтересовался духовной жизнью, услышав рассказ о нём. Он – мой *вартма-прадаршака-гуру*.

Нимай смутился: он никогда не слышал о таких гуру. Он знал, что Шрила Прабхупада называл Рамакришну *майявади*. Но, может быть, не стоило придавать этому такое большое значение, раз Бабаджи встречал Рамакришну лишь в юности. Кроме того, никогда не знаешь, чего ожидать от некоторых *садху*. И Пуджа тоже говорил, что они должны почтительно относиться «ко всем учёным людям».

Пуджа и Нимай дали Бабаджи пожертвование, пообещали принести ему книги Прабхупады и отправились вместе с ним на утреннюю экскурсию по Вриндавану.

Бабаджи умел торговаться с рикшами и договариваться с ними, чтобы те ожидали их, когда они заходили в храмы. По мнению Нимая, их гид слишком много болтал, но зато благодаря ему они знали, какие места посещают. Вдобавок они услышали от него множество историй, связанных с этими местами, и рассказов о разных святых.

Нимай в каждом святом месте находил что-нибудь замечательное и интересное. В первый день они посетили несколько самых известных старых храмов. Ни-

мая пленило маленькое изящное, щеголевато одетое Божество Кришны в храме Радхи-Раманы, и ему очень понравилась каменная лестница, которая вела к храму Мадана-Мохана, видневшемуся на вершине холма, а также рассказанная там Бабаджи история о колодце, которым пользовался Санатана Госвами.

Они посетили храм Радхи-Дамодары, поклонились находящимся там *самадхи* и заглянули в окно комнаты Прабхупады, которая была закрыта на замок. Перед заходом солнца они совершили омовение в Ямуне, а затем отправились в храм Кришны-Баларамы, принадлежащий ИСККОНу. Когда они пришли туда, там как раз только что началось *арати*. Смешавшись с толпой паломников-индусов, они подошли к алтарю, чтобы лучше видеть Божества. Нимай был рад, что вокруг было так много людей, так как ему очень не хотелось столкнуться со знакомыми преданными, которым пришлось бы объяснять, что он делает в Индии.

Божества Кришны-Баларамы были самыми красивыми из всех Божеств, которые они видели в тот день, и на них были очень красивые одежды и гирлянды. И куда бы они ни заходили, осматривая храм, всюду были *мурти* Шрилы Прабхупады: Прабхупада сидел в зале для *киртанов* на главной *вьясасане*, по бокам которой лежали мраморные львы, он находился также в комнатах, в которых он жил, когда приезжал во Вриндаван. И здесь была та священная комната, в которой он провёл свои последние дни и из которой отправился на Кришналоку.

Нимай подошёл к *мурти* Прабхупады, сидящего за письменным столом с мешочком для чётков в руке, поклонился ему и прошептал:

– Прабхупада, пожалуйста, помоги мне понять, что я должен делать.

После этого первого осмотра Вриндавана они зашли ненадолго в комнату к Бабаджи. Пуджа стал расспрашивать Бабаджи о различных *расах*, существующих между живым существом и Кришной. Нимай же сильно клонило ко сну, что объяснялось, как он считал, нарушением биоритмов в организме.

Когда они позже, вернувшись наконец в свою комнату, сидели и ели бананы и орехи, которые они купили днём, Пуджа сказал:

– Интересные вещи он говорил о *расах*, правда?

– Я особенно не прислушивался, – ответил Нимай.

– Он сказал, что во многих *гаудия-сампрадаях* человеку в момент посвящения сообщают его *расу* с Кришной.

– Нам об этом не говорят, – произнёс Нимай. – И я всегда считал, что это нечто, что человеку открывается, когда он достигает совершенства.

– Знаю, знаю, – проговорил Пуджа. – Прабхупада писал о другом: он осуждал *сиддха пранаи*, а это не совсем то же самое. То, о чём говорил Бабаджи, – это не наша вечная *раса* с Кришной, а определённый вид практики.

– Мне кажется, что сейчас для меня самая лучшая практика – стараться хотя бы не спать во время лекций по «Бхагаватам». И тогда через какое-то время я узнаю свою *расу*, если Кришна пожелает.

– А я всё-таки спрошу его завтра об этом поподробнее, – сказал Пуджа. – Я не вижу ничего плохого в стремлении продвинуться по духовному пути. Я уверен, что Кришна хочет, чтобы мы узнали о своих вечных отношениях с Ним, и чем быстрее это произойдёт, тем лучше.

Нимай почувствовал, что Пуджа немного недоволен тем, что он не разделяет его мнение и не проявляет большого интереса к разговору, а вместо этого сидит и

клюёт носом. Поэтому он выпрямился и попытался поддержать разговор. В конце концов, он приехал в Индию только благодаря Пудже и его щедрости.

- Да, - сказал он, - завтра мы побольше разузнаем обо всём. Я очень счастлив, что нахожусь здесь, в обители Кришны.

Глава 7

(Н.д.д.)

Не беспокойтесь, я не стал узнавать у Бабаджи свою расу с Кришной. Я даже и не думал спрашивать его об этом. Но Пуджа, мне кажется, говорил с ним на эту тему, - как-то они очень долго разговаривали наедине. Но хотя сам я этого не делал, всё-таки мне кажется, что, общаясь с Пуджей, я тем самым потворствовал его интересу к этому вопросу, а также и другим вещам. Я считал тогда, что человек должен сам решать, что ему следует делать. Однако, разумеется, существуют правильные и неправильные действия, и было бы заблуждением считать, что все пути хороши, если только человек искренен. Но тогда, во Вриндаване, я так не думал. Тогда мой девиз был таков: «Не вмешивайтесь в мою жизнь, а я не буду вмешиваться в вашу». Правда я и сейчас не считаю себя вправе критиковать таких людей, как Пуджа. Пуджа очень искренний преданный. И всё же, если, выбирая путь, вы совершите ошибку, вы можете очень дорого заплатить за это. Это может даже стоить вам жизни. Поэтому мы нуждаемся в опытных духовных наставниках. Я же приехал в Индию, не спросив разрешения ни у одного из своих наставников. Я знал, что Господь всегда пребывает со мной,

и не сомневался в неизменном доброжелательном отношении ко мне моего духовного учителя. Однако это вовсе не значит, что они с одобрением относились ко всему, что я делал. По правде сказать, я и не стремился узнать их мнение и спросить у них совета. Я до сих пор пытаюсь понять, почему всё так произошло, и мне многое уже становится ясно. Возможно, вы, читая это, понимаете всё гораздо лучше, чем понимал тогда я.

По крайней мере, я не стал выяснять, какова моя раса с Кришной. Конечно, находясь во Вриндаване, я чувствовал себя ближе к Кришне, но в этом, мне кажется, не было ничего плохого. Даже если вы ведёте себя, как последний болван, и приезжаете во Вриндаван, руководствуясь неверными мотивами, вы всё равно получаете благо от пребывания в нём. Однако *ачарьи* говорят, что во Вриндаване очень опасно совершать греховные поступки. Если вы делаете во Вриндаване что-то греховное, а потом умираете там, то в следующей жизни вы можете родиться там свиньёй или собакой (так сказал Шрила Прабхупада в одной из лекций, которые он читал во Вриндаване в 1972 году). Можете себе представить, насколько опасно совершать во Вриндаване дурные поступки? Однако, даже если вы родитесь животным во Вриндаване, в следующей жизни вы получите освобождение от перерождений. Во Вриндаване вы можете получить огромное благо, но здесь вас может постигнуть и суровое наказание. Вриндаван не то место, где можно валять дурака или проводить эксперименты. Сам Господь Брахма убедился в этом на своём опыте, попытавшись испытать здесь на Кришне свою мистическую силу. Что касается меня, то, живя во Вриндаване, я не делал ничего плохого - я вёл аскетический образ жизни, много читал и старался улучшить своё повторение Святых Имен. И всё же оставалось неясным главное: зачем я приехал в Индию.

Когда во Вриндаван начали съезжаться западные преданные, стало больше бросаться в глаза то, что мы с Пуджей жили не в храме, вместе со всеми преданными, а сами по себе. Увидев так много преданных, Пуджа начал ещё больше критиковать их. Разочаровавшись после ухода своего духовного учителя из Общества во всём на свете, он потерял веру в само Общество и переносил свою обиду на всех преданных. Когда, например, мы проезжали на рикше мимо какого-нибудь преданного, который вёл себя неправильно, к примеру спорил с местным жителем, Пуджа обычно говорил: «Только посмотри на него». А увидев большую группу преданных, входящих в какой-нибудь храм, он говорил: «Ну разве можно гурьбой совершать *парикраму*?». И мы радовались, что могли проводить время так, как считали нужным, и никто из старших преданных не давил на нас.

Как-то в один из дней ко мне в *ашрам* «Према-бхакти» пришёл преданный, с которым мы жили вместе на ферме в Америке. Его звали Нанда дас, и мы были с ним в не очень хороших отношениях. Лучше бы Кришна послал кого-нибудь другого, кто был бы мне более симпатичен, потому что, не успев Нанда войти, как мы тут же начали спорить с ним.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он меня. – Кто разрешил тебе приехать в Индию? Ты знаешь, что Вибху думает, что ты всё ещё в Центральной Америке вместе с Гурудевом?

Всё это он произнёс обвиняющим тоном.

– Мы просто живём во Вриндаване, – сказал я, стараясь быть спокойным. – Что в этом плохого?

– Если никто не разрешал тебе приезжать сюда, – сказал Нанда, – то хорошего для тебя здесь мало.

Тут Пуджа сказал что-то в мою защиту, и между нами завязалась ожесточённая перебранка. Через не-

сколько минут они уже орали друг на друга, и в какой-то момент мне даже показалось, что они вот-вот пустят в ход кулаки. Вокруг собрались индусы, жившие в *ашраме*, и даже люди, проходившие мимо, останавливались и с любопытством смотрели на нас.

– Ты – лицемер! – кричал Нанда.

– Нет, это ты лицемер! – кричал в ответ Пуджа.

– Ты не следуешь наставлениям Прабхупады, – обвинял Нанда Пуджу.

– Я следую им больше, чем ты! – вопил Пуджа. – Я читаю его книги по два часа в день!

– Неужели? Ты можешь читать хоть по десять часов в день и всё равно оставаться в *майе*. И то, что ты живёшь в этом сахаджийском *ашраме* и встречаешься со странным *бабаджи*, доказывает, что ты действительно в *майе*.

Это была неприятная сцена, и я вздохнул с облегчением, когда всё закончилось. Стоит ли говорить, что приход Нанды ни к чему не привёл: я по-прежнему не чувствовал ни малейшего желания оставлять Пуджу и перебираться в храм. Всё время, пока Нанда и Пуджа спорили, в моей голове вертелась мысль: «Если я делаю что-то не то, почему Кришна не посылает более подходящего человека, который смог бы переубедить меня?». Но Он послал Нанду, вернее сказать, в Индию приехал именно Нанда, и он был единственным преданным во Вриндаване, знавшим меня. Я не мог понять этого, и всё же я чувствовал себя не в своей тарелке.

Хотя мне и не понравилось то, что Нанда так набросился на нас, его слова всё-таки оказали своё действие. Я уже не был так уверен, что действую правильно, ведь я хорошо знал, что не застрахован от ошибок, порой очень серьёзных.

Наши отношения с Пуджей стали натянутыми, так как я не стремился так же, как и он, узнавать и разви-

вать свою *расу* с Кришной. Он не мог поделиться со мной своими мыслями о развитии собственной *расы* с Кришной и не разговаривал со мной об этом. Но однажды, когда мы оба сидели и читали, он показал мне место в «Чайтанья-чаритамрите», где Кришнада Кавираджа говорит о служении Кришне во Вриндаване каким-то одним, конкретным способом.

«Когда достигший духовных высот и осознавший свою духовную природу преданный служит о служении Кришне обитателей Вриндавана, находящихся с Ним в разных *расах*: *шанта-расе*, *дасья-расе*, *сакхья-расе*, *ватсалья-расе* и *мадхурья-расе*, – его сразу же привлекает какой-то определённый вид служения и у него возникает склонность к нему. В его сердце появляется сильное желание служить Кришне именно таким образом. И когда такое желание пробуждается в его сердце, он больше уже не руководствуется ни указаниями *шаштр*, ни доводами рассудка, ни логическими умозаключениями.

...Возвышенный преданный, в чьём сердце пробудилась естественная склонность к любовному служению Кришне, должен следовать примеру какого-то спутника Кришны, живущего во Вриндаване. Внешне он должен служить Кришне, совершая религиозные обряды и выполняя свои предписанные обязанности, а внутренне ему следует служить Господу в соответствии со своим уровнем самопознания. Так он должен служить Господу внешне и внутренне.

Те, кто живёт во Вриндаване, очень дороги Кришне. И если преданный хочет посвятить себя любовному, преданному служению, он дол-

жен просто следовать примеру обитателей Вриндавана и неустанно служить Кришне в своём сердце.

Преданный должен непрестанно думать о Кришне. Он должен выбрать какого-то преданного, который служит Кришне во Вриндаване и очень дорог Ему, и постоянно рассказывать о нём другим преданным и обсуждать с ними его служение Кришне. Преданный должен жить во Вриндаване. Если же он не может находиться там физически, он должен жить там мысленно.

- *Чайтанья-чаритамрита*, Мадхья,
22.155, 158-160

Ни к одному из этих стихов не было комментария Бхактиведанты, и поскольку то, о чём в них говорилось, было выше моего понимания, я решил, что лучше спросить об этом у старших преданных или Гурудева. Но Пуджа, который не доверял теперь никому, хотел действовать по своему усмотрению, либо же найти какого-нибудь сведущего человека, не принадлежащего к ИСККОНу, который мог бы ответить на его вопросы.

– Быть может, это для тех, кто находится на очень высоком духовном уровне, – сказал я, – и мы не должны пытаться следовать этому.

– Тогда зачем Господь Чайтанья велел Санатане Госвами писать об этом книги? – возразил Пуджа. – Ведь мы и во Вриндаван приезжаем именно для того, чтобы перестать механически следовать правилам и предписаниям и развить в себе естественную привязанность к Кришне. Но мы не должны делать это самостоятельно. Поэтому здесь говорится, что мы должны выбрать какого-нибудь преданного, который служит Кришне во Вриндаване и очень дорог Ему, и ду-

мать о нём. Здесь имеется в виду один из освобождённых слуг Господа, который находится с Ним в определённой *расе*. Мы выбираем этого преданного, следуя своей склонности.

– Но откуда ты знаешь, какова твоя склонность? – спросил я.

Я знал, что рано или поздно на один из подобных вопросов Пуджа ответит: «Мне об этом сказал Бабаджи». Я боялся услышать это, потому что не хотел расстраивать Пуджу или спорить с ним, как Нанда дас. Я не хотел говорить на эту тему; я решил позже расспросить об этом Гурудева или кого-то ещё. Пуджа, должно быть, понял, о чём я думаю, потому что не стал ничего доказывать. Он сказал только, что мы сможем узнать о своих отношениях с Кришной, если будем размышлять об этом и молиться Ему во Вриндаване, прося Его открыть нам нашу *расу*.

Позже, когда я думал о нашем разговоре, мне вдруг пришло в голову, что я тоже скрывал от Пуджи нечто, о чём не мог рассказать ему, нечто очень сокровенное и чрезвычайно странное. Я имею в виду свои размышления о дружбе с Чхотой. Я считал, что он совсем помешался на своей *расе* с Господом, но он не мог даже представить, о каких странных вещах думаю я. У меня даже промелькнула мысль: «Может быть, каждый человек думает о чём-то странном, чему он придаёт особое значение и во что другие не верят?». Но потом я решил, что, скорее всего, это не так, и большинство людей вряд ли думают о чём-то необычном. Скорее всего, они думают о менее странных вещах. Они могут, например, думать, что никто не понимает, какие они замечательные, или же о том, что никто не знает, как они страдают. Каждый воспринимает себя по-своему, и каждый думает, что никто другой не воспринимает

его так же, как он сам. Однако Кришна знает, о чём думает каждый человек.

После таких размышлений я решил, что должен написать Гурудеву. У меня было несколько важных вопросов, которые я хотел задать ему.

Я продолжал осматривать Вриндаван. Иногда я ходил вместе с Пуджей и Бабаджи, иногда – с одним Пуджей, а иногда – в одиночку. Мне нравилось наблюдать за людьми и животными, и мне нравилось видеть в них особенных живых существ, как учат *шастры*. Конечно же, во Вриндаване всегда нужно быть начеку, а иначе у вас что-нибудь украдут или же вас обманут, и, разумеется, вы не можете подойти к грязной свинье и обнять её только потому, что она – *бриджабаси*. Но что бы жители Вриндавана ни делали, вы всегда должны помнить, что они освящены пылью Вриндавана. Да и помимо самих обитателей Вриндавана здесь находится много других людей. Каждый день сюда приезжают сотни индусов, и особенно много их собирается здесь во время праздников. Вы видите, как они идут друг за другом во время *парикрамы*. С одной стороны, это самые обычные люди, но с другой – они особенные существа, так как они приехали в царство Кришны для того, чтобы стать ближе к Нему.

Я начал понимать, что не смогу жить во Вриндаване постоянно, но я попытался получить хоть какое-то благо от нахождения там. Говорится, что обычным людям вроде меня лучше не оставаться во Вриндаване надолго, а иначе они могут дойти до оскорблений. Я приехал во Вриндаван без разрешения и безо всякой цели, и, находясь там, я оскорблял других преданных, и всё же даже я получил некоторое благо, или, по крайней мере, у меня было такое ощущение, когда я шёл босиком во время *парикрамы* по пыльной дороге, по которой до меня проходили тысячи других паломников. Когда я

вынужден буду уехать из Вриндавана, думал я, то, по крайней мере, я смогу, последовав наставлению Кришнадаса Кавираджи, жить во Вриндаване мысленно.

Вриндаван, Индия

Дорогой Гурудев!

Примите, пожалуйста, мои смиренные поклоны у Ваших лотосоподобных стоп. Слава Шриле Прабхупаде!

Вы, наверное, удивитесь, узнав, что ваш недостойный сын пишет вам из Вриндавана. По крайней мере, я нахожусь здесь физически, так как говорится, что невозможно войти во Вриндаван, просто приехав туда на поезде или автобусе. Вы говорили нам, своим ученикам, что все мы когда-нибудь побываем во Вриндаване. И вот я приехал сюда, как вы хотели, хоть вы и не давали мне такого указания.

Когда я уехал из Гайаны и расстался с вами, мне стало очень тоскливо из-за того, что я покинул своих мышей. Я могу сказать вам об этом, так как вы знаете о моей привязанности к ним. Более того, вы даже благословили их, когда мы уходили. Быть может, вы сделали это из сострадания ко мне, зная о моих причудах, но я очень благодарен вам за это.

Я встретил одного преданного, который предложил мне лететь вместе с ним в Индию, и я согласился. Конечно, мне нужно было позвонить президенту храма, Вибху Прабху, и спросить его, что мне делать. Но я не сделал этого и сейчас чувствую себя виноватым.

Преданный, с которым я живу здесь, Пуджа дас брахмачари, – ученик духовного учителя, ушедшего из ИСККОН. Он очень искренний преданный, но он очень ожесточён и никому в Движении не доверяет. Может быть, в каком-то отношении, общение с ним не

очень благоприятно, но он очень строго выполняет *садхану*, и пока нам удаётся находить общий язык.

Я пишу вам для того, чтобы рассказать, что со мной сейчас происходит, и чтобы вы решили, что мне следует делать.

Здесь, во Вриндаване, мы познакомились с одним *бабаджи*, который советует всем развивать свою *расу* с Кришной. Пуджа отнёсся к этому очень серьёзно и даже показал мне в «Чайтанья-чаритамрите» главу, где говорится, что мы должны следовать примеру какого-нибудь жителя Вриндавана. Я считаю, что это наставление относится к тем преданным, которые уже достигли очень высокого духовного уровня, но Пуджа говорит, что и мы должны стремиться к этому и думать о своих отношениях с Кришной. Поэтому я прошу вас разрешить мои сомнения. Сейчас я ничего не делаю, чтобы развить свою *расу* или что-то подобное.

Я не хожу в храм Кришны-Баларамы, я заходил туда лишь один раз. Здесь находится один преданный с нашей фермы, Нанда дас. Он приходил ко мне и отругал меня за то, что я живу не в храме. Наверное, он прав, но он был так резок со мной. Как бы то ни было, я чувствую себя обязанным оставаться с Пуджей дасом и не бросать его одного, ведь он купил мне билет в Индию.

Вот что я хотел сообщить вам на тот случай, если кто-нибудь будет спрашивать вас обо мне.

Ваш заблудший сын, нуждающийся в ваших наставлениях,

Нимаи дас.

Глава 8. (С.д.г.)

Как-то в один из дней Нимай почувствовал особое умиротворение и единство с Вриндавана-*дхамой*. Вторую половину дня он читал «Шримад-Бхагаватам», сидя на берегу Ямуны и обернув голову *гамчей*, чтобы защититься от солнца. Он также много думал о Чхоте и даже иногда разговаривал вслух.

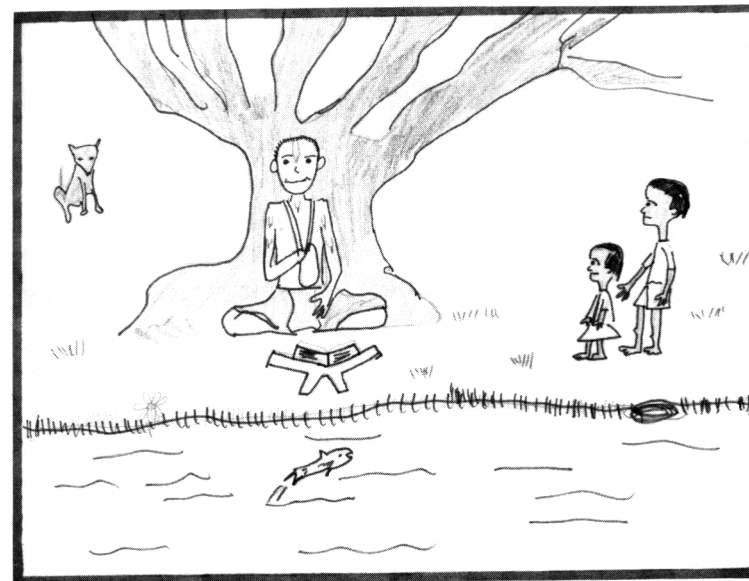
Вечером того же дня они с Пуджей мирно поговорили, ни о чём не споря и ничего друг другу не доказывая. Они взяли немного денег из оставшейся суммы, которая уже значительно уменьшилась, и устроили небольшой пир, купив молока и бананов.

— Быть может, когда-нибудь мои раны и заживут, — сказал Пуджа. — Я должен быть благодарен судьбе за то, что я узнал о Шриле Прабхупаде и прочитал его книги.

— Да, — кивнул Нимай, — если мы просто будем служить Кришне во Вриндаване, все наши раны заживут.

Укладываясь спать, Нимай вспомнил, что перед сном нужно помолиться. Он понимал, что многое в своей духовной практике делает нерегулярно, но не знал, как избавиться от привычки действовать по своей прихоти. Поэтому он помолился Кришне, Господу Вриндавана, и попросил Его помочь ему. И словно в ответ на его молитву ночью у него резко поднялась температура. Он проснулся весь в поту, а всё его тело ломило, как при гриппе. Утром он с огромным трудом поднялся и пошёл в ванную комнату. У него начался сильный понос и рвота.

Нимай подумал, что это его «карма» и мысленно приготовился к болезни. Всё его сознание сосредоточилось на теле и физической боли, которая не стихала ни на

минуту. Час проходил за часом, а он беспомощно лежал на полу, терпеливо перенося страдания.

Пуджа сказал Гопидасе Бабаджи о болезни Нимая, и они вдвоём посадили его на рикшу и отвезли к врачу, которого порекомендовал Бабаджи. «Приёмной» доктору служил маленький храм, располагавшийся в густонаселённой части Вриндавана. Доктор был *садху*, очень похожий на Бабаджи, только ещё более радостный и с более густой бородой. Он обнял Нимая обеими руками и велел ему лечь на пол перед Божеством Кришны для осмотра. Божество Кришны было самой обычной, грубо вылепленной гипсовой скульптурой. Но всё же это был Кришна. Тело Его было голубого цвета, на лице у Него играла улыбка, а в руках Он держал флейту. Нимай тихонько стонал, и хотя он чувствовал смущение, он был рад лежать перед Божеством Кришны. Он подумал, что, даже если доктор и не вылечит его, все-таки хорошо, что он приехал сюда и в доказательство своей

веры отдал себя, вернее своё больное тело, на милость Кришне.

Доктор ощупал Нимаю, осмотрел его глаза и язык и сказал, что у него дизентерия и лихорадка, что они и предполагали с самого начала. Нимаю сел и, потирая слезящиеся глаза, стал наблюдать за доктором, насыпавшим рыжевато-коричневые порошки в кулёчки из газеты, которые он затем отдал Пудже. Потом доктор взял Нимаю за руку и несколько минут изучал линии на его ладони.

– Замечательный *бхакта*, – сказал он со смешком и весело подмигнул Нимаю. – Ты будешь жить очень долго и будешь проповедовать по всему миру.

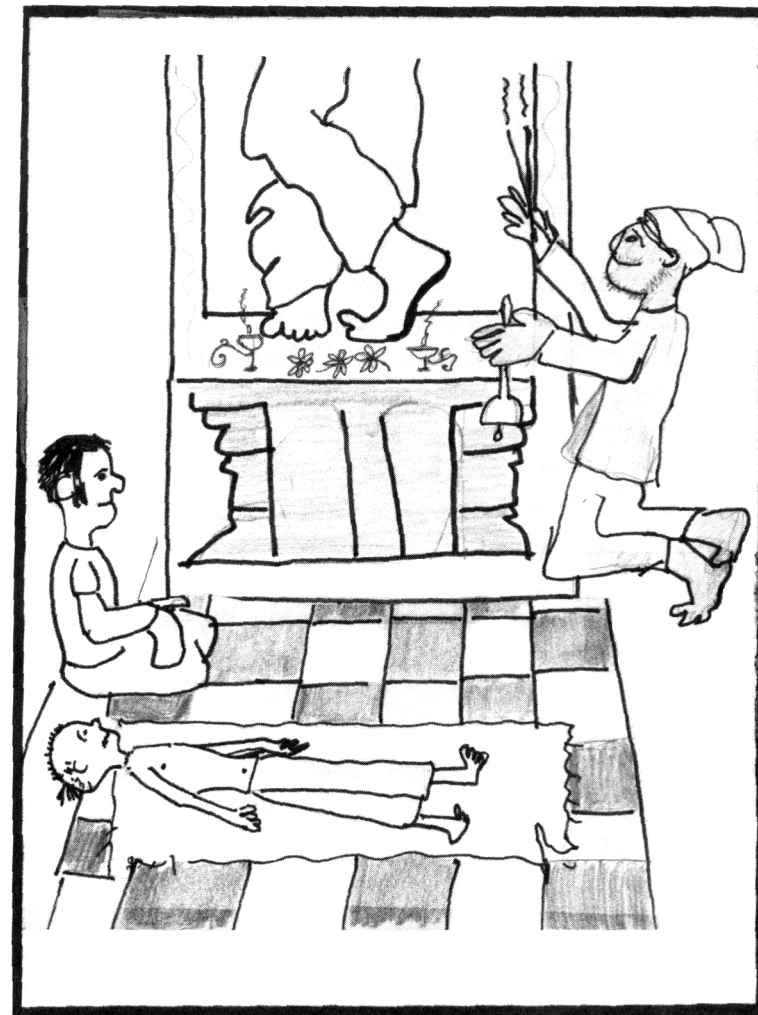
– Джая! – воскликнули Пуджа и Бабаджи.

Нимаю покраснел от смущения и вопреки своему намерению быть смиренным подумал: «Может быть, он действительно знает».

Пуджа положил возле алтаря деньги, и вдвоём с Бабаджи они усадили стонущего от боли Нимаю в коляску рикши, тряска в которой причиняла ему ещё большие страдания. В пути им пришлось несколько раз останавливаться, потому что у Нимаю внезапно начался понос, а один раз его вырвало. Он чувствовал себя очень глупо, и ему казалось, что он наносит оскорбление святой *дхаме*.

– Всё в порядке, – похлопал его по спине Пуджа. – Он сказал, что ты хороший *бхакта*.

После того как Нимаю принял полученные от доктора горькие порошки, ему показалось, что ему стало немного лучше. Был день явления Господа Нитьянанды, и ему очень хотелось пойти вместе с Пуджей в храм Кришны-Баларамы на вечернее *арати*. Пуджа вначале отказался идти, так как не хотел встречаться с преданными, но Нимаю настоял на своём.

Войдя в храм, вместе со многими паломниками-индусами, приехавшими сюда на фестиваль, Нимаю и Пуджа оказались в гуще многочисленной толпы западных преданных из разных стран. До открытия алтарных дверей и начала вечернего *киртана* оставалось

несколько минут. И Нимай, и Пуджа, ожидавшие вместе со всеми начала *арати*, чувствовали себя виноватыми. Им казалось, что преданные смотрят на них с осуждением. Нимай несколько дней не брился, и одежда у него была немного грязной, и он думал, что преданные сразу заметят это. Он решил про себя, что, даже если его будут критиковать, он не станет обращать на это внимание.

Когда алтарные двери наконец открылись и *пуджари* затрубили в раковины, среди преданных раздались ликующие возгласы. Начался *киртан*, и Нимай с Пуджей позабыли о себе и своих переживаниях. Внимание всех собравшихся было сосредоточено на Божествах Гауры-Нитая, Кришны-Баларамы и Радхи-Шьямасундары, а также на пении и танцующих преданных. Вначале преданные танцевали перед Божествами, двигаясь шеренгами взад-вперёд, но затем они стали танцевать, образовав большой круг. Когда несколько танцоров выбежали в центр круга и начали кружиться, Нимай присоединился к ним. Он был слишком слаб и не мог выполнять сложные фигуры. Он вообще не был способен грациозно танцевать, как многие другие, но он старался двигаться как можно лучше, и то неуклюже шаркал ногами, то слегка подпрыгивал, как на баскетбольной площадке.

Преданный, который вёл *киртан*, был искусным певцом, а его звучный голос был бы слышен, наверное, и без микрофона. Многие преданные играли на *мридангах* и *караталах*. Индусы, принадлежавшие к Движению, танцевали вместе с западными преданными, остальные же индусы сгрудились у стен и с любопытством наблюдали за танцующими. Преданные постоянно меняли танцевальные движения, а тот, кто вёл *киртан*, пел мантру Харе Кришна на разные мелодии, и время от времени он начинал также петь какой-ни-

будь *бхаджан*, прославляющий Господа Нитьянанду. Иногда танцующие преданные перемещались к алтарю с Божествами Гауры-Нитая, одетыми, как всегда, с необыкновенной изысканностью и великолепием. Сегодня на Них были зелёно-красные одежды. Их поднятые руки говорили о том, что Они – истинные вожди

всех поющих и танцующих. У Их стоп располагались *мурти* Шрилы Прабхупады и Бхактисиддханты Сарасвати, оба были одеты в шёлковые шафрановые одежды и слегка улыбались. Затем танцоры переходили к центральному алтарю, где стояли большие Божества Кришны и Баларама. Все знали, что Баларама также был Нитьянандой, и испытывали наслаждение, сознавая (хоть и теоретически), что между двумя Божествами существует внутренняя связь. И все любовались тем, как непринуждённо Господь Баларама опирался на плечо Своего младшего брата, который был Верховной Личностью Бога. После этого преданные оказывались перед Радхой и Шьямасундарой, увлечёнными своей *мадхурья-лилой*, а потом перемещались в центр зала, откуда могли видеть все Божества одновременно.

Пуджари вновь протрубили в раковины, что означало завершение церемонии *арати*, но *киртан* продолжался и после окончания *арати*. Преданные, которые вели *киртан*, были все мокрые от пота, а их лица сияли радостью и воодушевлением. Среди множества собравшихся преданных Нимаи увидел только двух-трёх американцев, однако у него было такое ощущение, словно все они были одной большой семьёй, к которой принадлежал и он. Все они были последователями Прабхупады, и их всех объединяло общее понимание сокровенных истин сознания Кришны. И даже если между ними существовали разногласия, во время *киртана* все забывали о них.

Час спустя некоторые пожилые женщины и мужчины вышли из толпы преданных и отошли в сторону, но основная масса преданных продолжала петь и танцевать. Нимаи вдруг почувствовал дурноту. До этого он не обращал внимания на боль в теле, так как ему очень хотелось принять участие в празднестве, однако сейчас он вновь почувствовал недомогание: его тошнило,

суставы ломило, а желудок и кишечник сжимали спазмы, какие бывают при поносе. Он отыскал Пуджу и спросил его, не могли бы они вернуться в *ашрам*. Пуджа стоял среди тех, кто не принимал участия в танце, однако всё это время он пел вместе со всеми. Он и Нимаи вышли на улицу и отправились в *ашрам*.

Когда они ехали на рикше, окутанные непроницаемой таинственной тьмой ночи, Пуджа сказал:

– Ты довольно хорошо танцевал для больного.

– Как здорово всё-таки быть вместе со своими духовными братьями, – сказал Нимаи.

– Да, – проговорил Пуджа. – Но я не видел почти никого из руководителей. Они, наверное, все сидели наверху в своих комнатах и плели интриги.

Вернувшись в *ашрам*, они обнаружили, что их комнату обокрали: замок в двери был взломан, и из комнаты исчезли магнитофоны, спальные мешки и дорожные сумки. Пуджа начал ругаться, сокрушаясь о пропаже обратных авиабилетов, туристских чеков и своего паспорта, который он оставил в сумке. Он решил тут же идти в полицию, чтобы сообщить о краже. Нимаи лёг на цементный пол и накрылся *чадаром*, но через несколько минут ему пришлось встать и пойти в туалет: у него опять начался понос. Когда же он вернулся в комнату, его начало трясти от холода. «Ну вот, Чхота, – проговорил он, – зато мы побывали на *киртане*».

Глава 9

(Н.г.д.)

Если я расскажу вам, что я видел лёжа в бреду, вы подумаете, что я восхваляю *майю*. Я долго думал, может ли мне подробный рассказ обо всём, что я видел

в бреду, достичь поставленной передо мной Гурудевом цели, и пришёл к выводу, что это действительно может мне помочь. Пациенты психоаналитика, как я слышал, даже специально рассказывают врачу свои сны, чтобы тот проанализировал их.

Даже сейчас, когда я вспоминаю о своём бреде, я чувствую страх, но если Кришна показывает вам что-то, что вас пугает, и в результате этого у вас появляется желание измениться, то этот страх является благом для вас.

Хуже всего было то, что я был совсем один. Пуджа поехал в Дели, чтобы получить новые билеты и паспорт взамен украденных, а в «Према-бхакти-ашраме» никто не говорил по-английски, да и никого особо не беспокоило, что я лежу больной. Жившие в *ашраме*, вероятно, уже привыкли к тому, что приезжие постоянно заболевают, и, глядя на меня, они, наверное, думали: «Ещё один». В Индии каждый приезжающий кем-нибудь заболевает, и там это считается в порядке вещей, поэтому никто не будет сидеть около заболевшего, держа его за руку и каждый час спрашивая: «Ну как ты, Прабху?». Однако когда это случается с вами, и вы лежите больной в полном одиночестве, вы чувствуете себя всеми покинутым.

Утром я проснулся весь в поту, но через несколько минут меня начал бить озноб. Я видел то, чего в реальности не было, и это было похоже на ночной кошмар. Вначале я услышал топот множества бегущих мышей, а потом увидел и их самих. Это были не Чхота и его братья, а обычные мыши. Мне казалось, что я действительно вижу их, но всё-таки я не был в этом уверен. Потом я увидел Гопидаса Бабаджи, который стоял надо мной и смеялся, но не доброжелательно, а словно демон. Он хохотал и кричал: «Твоя *раса* быть мышью! Ха! Ха! Ха!».

Мне чудилось, что меня судят, и я чувствовал себя виноватым в том, что поклонялся мышам. Чей-то голос говорил, что моя дружба с Чхотой – нечто вроде извращенной религии, наподобие чёрной магии, и поэтому я получу то, чего хотел – стану мышью. Я чувствовал себя ужасно виноватым в том, что отклонился от истинного пути. «Ты молился мышам, а не Кришне, так получи же по заслугам. Ха! Ха! Ха!» – слышал я. Итак, я должен был стать мышью из-за того, что делал не то, что следовало, и комнату буквально наводнили мыши, которые стали бегать по всему моему телу. Я чувствовал присутствие Зла и понимал, что совершил грех. Так меня наказали за то, что я поклонялся не Кришне, а мышам.

Я видел сердитые лица: Гурудев, Вибху, мои отец и мать и сотни индусов смотрели на меня с презрением и осуждающе говорили: «Вот кто ты такой».

Кажется, я кого-то звал, но никто не приходил на мой крик. Время от времени какие-то люди заглядывали в комнату, говорили что-то на хинди и уходили, не обращая на меня никакого внимания, словно я был неодушевленным предметом. Когда мне становилось совсем худо, я слышал топот бегущих животных, более крупных, чем мыши, и мне казалось, что комната кишмя кишит крысами, а я был не силах даже встать с пола и защитить себя от них. Меня бросало то в жар, то в холод. Мне ужасно хотелось пить. Я видел червей выползающих из пола. Я видел зелёную траву, которая внезапно желтела и увядала. И я всё время чувствовал запах испражнений.

Я был не в состоянии бороться с мыслями и подумывать над тем, что со мной происходит; я почти всё время бредил, и меня мучили сильные боли во всём теле. Но я чувствовал себя виноватым и раскаивался в том,

что избрал неверный объект для поклонения и не был преданным Кришны.

Но посреди всех этих кошмаров и страданий я пережил всё-таки и несколько замечательных минут. Я услышал вдруг звуки *киртана*, идущие откуда-то из

ашрама. Это был не громкий мелодичный *киртан*, какие бывают в ИСККОН, но это точно была *маха-мантра*:

*Харе Кришна, Харе Кришна,
Кришна Кришна, Харе Харе,
Харе Рама, Харе Рама,
Рама Рама, Харе Харе.*

Слушая эти звуки, я вдруг почувствовал себя в полной безопасности и понял всю важность *киртанов* и особенно пения *маха-мантры*. Я не мог подняться, но моя душа «полетела» туда, где шёл тот *киртан*, и нашла в нём прибежище. Я плакал и думал: «Кришна, Прабхупада, Гурудев, простите меня. Я не хочу быть мышью. Я вовсе не поклонялся мышам. Я хочу поклоняться только вам. Пожалуйста, простите меня».

И всё же большую часть времени меня мучили кошмары. Не знаю, сколько я лежал так, — день шёл за днём, и одна ночь сменяла другую. Раз или два приходил какой-то пожилой человек и приносил мне поесть, но мой желудок отвергал любую пищу, и всё, что я съедал, тут же извергалось обратно. От этого я ещё больше слабел, а мой организм ещё больше обезживался.

Наконец вернулся Пуджа дас, и теперь я, по крайней мере, был не один. Он уверял меня, что я скоро выздоровлю, но я не выздоравливал. Тогда он опять отвёз меня к доктору-*садху*, у которого мы уже были, и тот сказал, что у меня либо желтуха, либо малярия, либо и то, и другое вместе. И хотя он не сказал мне, я и сам знал, что, помимо всего прочего, моё тело покрылось ещё фурункулами. Один вздулся у меня на бедре. С каждым днём он становился всё больше и болезненнее, и, казалось, всё моё сознание сосредоточилось на нём.

Так проходила одна неделя за другой. Я лежал больной и всё больше и больше худел. Я не мог повторять мантру, хотя я и пытался, а если мне всё-таки удавалось повторить несколько кругов, я никак не мог сосредоточить внимание на Святых Именах. Я думал: «Вот вам и прекрасный Вриндаван». Но преданные говорят, что болезнь – это очищение, а очищение – неотъемлемая часть жизни во Вриндаване. «Ну вот и хорошо, – думал я, – пусть я как можно больше очишусь».

Когда ко мне возвращалось сознание, я пытался понять, что означали те кошмары, которые я видел. Это привело к тому, что я почувствовал желание больше думать о Кришне и Прабхупаде, сделав их своими единственными объектами поклонения. Конечно же, это вовсе не означало, что я должен был отказаться от дружбы с Чхотой, просто мне не следовало смешивать одно с другим. Я должен поклоняться только Верховному Господу, а всё остальное нужно воспринимать как служение Ему. Я ни к чему не должен привязываться и всегда должен быть готов отказаться от того, что препятствует моему служению Кришне. Вот к чему я пришёл в результате своих размышлений.

Лёжа день за днём на полу, я часто вспоминал о своей жизни на ферме. Но теперь, думая о прошлых днях, я не испытывал горечи, как раньше, а вспоминал о жизни на ферме с тёплым чувством. Мне хотелось вновь оказаться там и смиренно служить Радхе-Дамодаре. Я вспоминал даже то время, когда я ещё не знал Чхоту и когда чувствовал себя таким несчастным. Теперь же я испытывал лишь чувство благодарности за то, что жил с преданными, и очень хотел вернуться туда. Прошло уже довольно много времени, как я уехал оттуда, и теперь я мог медитировать на всё то, что создавало её атмосферу. Я мысленно входил в хлев и видел там очень дружелюбную корову Лалиту. Я ви-

дел других коров, сгрудившихся около Лалиты, узкие загоны с недавно родившимися белыми телятами, молоденьких тёлочек и в конце хлева быка, который всегда скалил зубы, когда кто-то гладил его. Затем я выходил в поле и наблюдал за преданными, пашущими на волах, а потом взбирался на холм, откуда была видна вся ферма с двумя силосными башнями и хлевом с немного покосившейся крышей. После этого я спускался вдоль ручья к дому Гурудева и шёл в храм, где кланялся Прабхупаде и Божествам, одетым в одежды шоколадного цвета с белыми ирландскими кружевами. Я испытывал чувство благодарности за то, что мне посчастливилось жить в этом месте. Мне очень хотелось вернуться обратно, пусть даже меня бы там дразнили и ругали, – в конце концов, я этого заслуживал.

Болезнь помогла мне осознать, что я – неотъемлемая часть Движения, но из-за неё же я впал в другое заблуждение, избавиться от которого было не так просто.

Все думали, что я выздоровлю через несколько дней, либо через неделю, но дни шли за днями, а ни понос, ни рвота у меня не проходили, и день ото дня я всё больше и больше худел. И тогда меня опять повезли к доктору, у которого было Божество Кришны. На этот раз он только покачал головой. Ему очень не понравилось то, что он увидел. Он сказал, что у меня малярия, желтуха и дизентерия, и даже сейчас я не знаю, у меня была одна из этих болезней или я заболел всеми тремя сразу. Фурункулы на моём теле стали огромными, а один из них разорвался, и из него тёк гной. И вдобавок к старым фурункулам у меня появлялись всё новые и новые. Когда я лежал перед Божеством Кришны, что мне очень нравилось, доктор сказал, что я должен поехать в Южную Индию к одному его знакомому доктору и пройти у него курс лечения. Он прямо ска-

зал, что иначе я могу умереть. Мы с Пуджей заплатили ему и вернулись в *ашрам*, решив обсудить его предложение между собой.

Санаторий, в который я должен был отправиться, назывался «Центр индийской натуропатии», и лечение в нём было довольно дорогим. Пуджа был очень добр ко мне и одолжил мне немного денег. Он даже сходил в храм Кришны-Баларамы и занял ещё денег у Нанды даса, хотя ему, должно быть, очень трудно было просить того о чём-то. Пуджа сказал, что не сможет проводить меня до санатория, потому что ему нужно ехать в Дели, чтобы получить новый паспорт и билет взамен украденных. Здоровье моё не улучшалось, поэтому в один из дней он отвёз меня на железнодорожную станцию и, проинструктировав меня, на какие поезда мне нужно пересаживаться, чтобы добраться до санатория, оставил меня одного.

Глава 10

(C.g.r.)

Нимаи добирался до санатория, который находился в Керале, целую неделю, так как по неопытности не успевал делать пересадки с поезда на поезд. Из-за тесноты в вагонах и необходимости отвечать на бесчисленные вопросы всех желавших попрактиковаться в английском его мучило. Каждые несколько часов у него начиналась рвота, и ему приходилось выходить в туалет, в котором стояла ужасная вонь. Когда же он возвращался в вагон, он должен был каждый раз заново

отвоёвывать своё место. Вдобавок ко всему, он чувствовал себя очень беспомощным из-за того, что никто не понимал его, когда он пытался что-то объяснить.

В конце этого семидневного путешествия Нимаи познакомился с несколькими керальскими студентами-марксистами, которые говорили по-английски. Им было любопытно узнать, почему Нимаи отказался от прежнего образа жизни и стал *бхактой* Кришны. Разговаривая с ними, Нимаи позабыл о своей болезни, как во время *киртана*. Он стоял с ними более часа, споря о Боге, Ведах и коммунизме. Когда он закончил говорить с одними студентами, к нему подошли другие и стали задавать те же самые вопросы. Они остановились только тогда, когда увидели, что Нимаи вот-вот потеряет сознание. Они усадили его и дали ему воды.

Санаторий доктора Джьотира Ананда представлял собой десять небольших хижин, расположенных в лесу на склоне горы. Неподалёку от хижин стоял дом, в котором жил сам доктор вместе с женой, детьми и собакой. В хижинах жили пациенты доктора, которые платили десять тысяч рупий в месяц за лечение и питание.

Когда Нимаи приехал в санаторий, при одном только взгляде на него становилось ясно, что он нуждается в лечении, однако доктор засомневался, сможет ли Нимаи заплатить за лечение, так как одежда его была грязной и рваной и у него не было с собой никаких вещей. Стоя на пороге докторского дома и чувствуя себя очень неловко под взглядом доктора, Нимаи объяснил, что приехал сюда по совету одного доктора-*садху* из Вриндавана.

– А он сказал тебе, сколько стоит лечение? – спросил доктор.

- О, конечно, - сказал Нимай.

Открыв сумочку, висевшую у него на поясе, он достал десять тысяч рупий (плату за первый месяц) и подал их доктору.

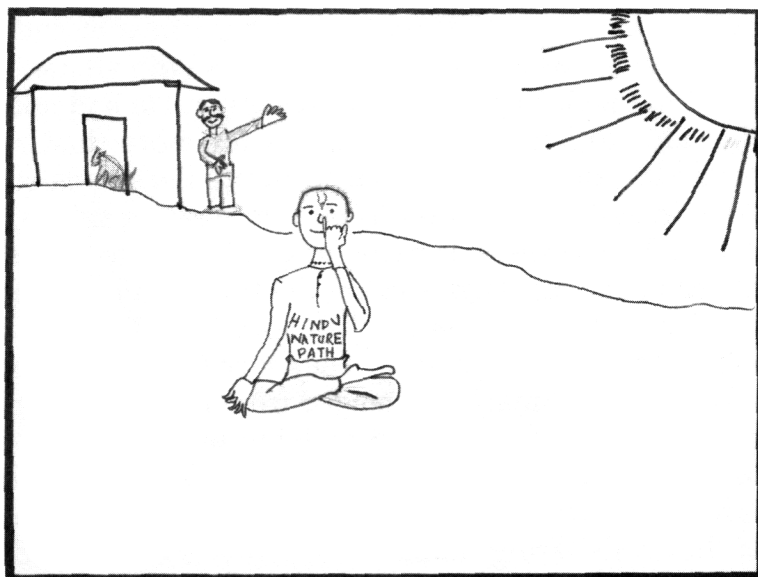
- Я напишу отцу, - добавил Нимай, - и он пришлёт мне ещё денег. Он богатый человек.

Доктор сразу же стал любезным и дружелюбно заулыбался.

- Я потрясён твоим видом, - сказал он с участием. - Тебе срочно нужно лечиться. Но не волнуйся, - через месяц ты будешь совершенно здоров.

Нимай всегда надеялся на лучшее, и ему хотелось верить словам доктора, поэтому он решил про себя, что будет послушным пациентом.

Доктор Ананд был мужчиной среднего роста, с усами и прямыми чёрными волосами. На его лице постоянно играла насмешливо-лукавая улыбка. Он сразу же

стал давать Нимаю различные наставления, что, безусловно, выходило за рамки только лечения. Было похоже на то, что он собирался руководить Нимаем и в духовной жизни.

Он показал Нимаю его хижину, а его сыновья принесли туда простыни, питьевую воду и сосуд, который, как они объяснили, был нужен для того, чтобы три раза в день делать клизму.

После того как Нимай искупался и несколько часов поспал, доктор зашёл к нему и, усевшись на край кровати, начал объяснять, в чём заключается метод индийской натуропатии. Он сказал, что это великая наука (он называл её «ведической мудростью»), и о ней нельзя рассказать за один раз. Натуропаты считают, что существует лишь одна болезнь и один метод лечения. Различные болезни - это лишь следствия слабого здоровья, и поэтому любую болезнь можно вылечить, улучшая здоровье с помощью метода натуропатии.

- На самом деле, лечу не я, лечит Кришна, - сказал доктор.

Из этого разговора, во время которого доктор часто употреблял некоторые выражения из книг Прабхупады, Нимай понял, что доктор знаком с Движением сознания Кришны. Оказалось, в его санатории лечилось несколько западных преданных.

- На самом деле, это учение Прабхупады, - заявил в конце доктор, под «этим» подразумевая натуропатию.

Нимай скептически отнёсся к этим словам, но ему очень хотелось выздороветь. Всё его тело ныло и болело, как после побоев, и, может быть, он действительно должен был скоро умереть. «Я буду вести себя, как его ученик, - подумал он, - и стану выполнять все его указания, тут и думать не о чем».

Доктор сказал Нимаю, что тот будет есть только сырые овощи, каждый день делать клизмы и принимать лечебные ванны. Ещё он будет заниматься йогой, принимать солнечные ванны и спать днём в отведённое для этого время.

– Отлично, – сказал Нимай. – Я буду строго всё выполнять.

Через несколько дней Нимай почувствовал себя лучше. Внутреннее чутьё подсказывало ему, что его болезнь просто стала проходить сама по себе. Однако он решил, что будет неплохо восстановить своё здоровье под присмотром врача и испытать на себе этот интересный метод, который доктор называл «ведической мудростью». Сам доктор Ананд считал, что Нимай может вылечиться только с помощью индийской натуропатии.

Нимай с готовностью начал выполнять все ежедневные процедуры, которые включали в себя помимо всего прочего (по крайней мере, в начале лечения) часовую беседу с доктором. Считая, что, если он будет вести себя с доктором, как его ученик, это поможет ему установить с ним хорошие отношения, Нимай стал кланяться доктору, когда тот входил в его комнату.

На второй день лечения доктор спросил Нимаю, написал ли он отцу, чтобы тот прислал ему денег. Нимай сказал, что ему не очень удобно писать, поскольку он не поддерживает с отцом отношений и не виделся с ним вот уже несколько лет, но он всё же попробует написать ему. На следующий день доктор опять спросил о письме, но Нимай ещё не написал его. В конце концов Нимай отправил отцу короткое письмо, в котором было лишь несколько строк: «Я сильно заболел в Индии. Мне нужно заплатить за лечение в санатории. Пришли мне, пожалуйста, тысячу долларов».

Доктор Ананд объяснил Нимаю, что физическая болезнь в огромной степени зависит от образа мыслей, и заверил его, что поможет ему сформировать оптимистический взгляд на жизнь.

– В этом мире, – сказал он, – именно физическое тело даёт человеку возможность вести духовный образ жизни. Ты должен следить за тем, чтобы оно было здоровым и полностью удовлетворённым. Здоровье человеку обеспечивают те божественные силы, которые скрыты внутри него и которые являются источником всего сущего. Жизнь дана для того, чтобы жить, поэтому будь счастлив.

Нимай привык слушать о философии сознания Кришны, которая была для него Абсолютной Истиной. То же, чему учил доктор Ананд, Прабхупада называл «сборной солянкой из различных индийских учений». Нимай уже слышал нечто подобное в поезде, разговаривая с человеком, который говорил, что все боги равны и всё едино. Доктор Ананд говорил почти то же самое, однако при этом он прибавлял: «То же самое говорит и Прабхупада». Постепенно Нимаю перестали нравиться ежедневные беседы с доктором. Ему очень хотелось сказать тому: «Говорите о лечении и не пришеивайте сюда вашу философию», – но он не хотел выходить из роли послушного пациента. А доктору Ананду, казалось, было гораздо интереснее говорить о философии, чем о лечении. Он даже предложил Нимаю почитать какие-нибудь книги, если тот хочет побольше узнать об индийской натуропатии.

Спустя несколько дней доктор стал учить Нимаю методу полного расслабления. По его команде Нимай расслаблял одну часть тела за другой, а затем доктор велел Нимаю успокоить ум. По указанию доктора Нимай начал нараспев тянуть слог «ОМ», а затем принялся повторять за доктором: «С каждым днём мне ста-

новится всё лучше и лучше». Нимаю было неловко проносить эти слова вслух, и он чуть было не захихикал от смущения. Видел бы кто-нибудь из преданных, как он говорит это. Затем доктор попросил Нимая произнести: «Источником здоровья является Мать-Природа. Я нахожу в ней прибежище; я нахожу также прибежище в солнце и в той силе, что скрыта внутри меня. Я люблю своё тело и хочу, чтобы оно выздоровело. Все есть покой».

Нимай находился в состоянии полного расслабления, в которое он входил постепенно, в течение получаса, и ему не хотелось резко выходить из него, поэтому он повторил эти слова за доктором. Однако он пообещал себе, что в следующий раз он сразу же скажет доктору о том, что есть вещи, которые он не может делать.

На следующий день, когда Нимай заговорил об этом, между ним и доктором завязался спор. Нимай утверждал, что Верховная Личность Бога – Господь Кришна, доктор же с ним не соглашался. Доктор говорил, что здоровье и счастье человеку дают полубоги.

– Но они слуги Кришны, – возразил Нимай. – Так говорится в «Бхагавад-гите».

– Я знаю, что они – слуги, – сказал доктор снисходительно, – но они есть целое с источником. Богом Кришну считают лишь немногие люди, а другие, как я, например, считают своим божеством Ганешу. Каждый человек считает, что тот бог, которому он поклоняется, и есть Верховный Господь, на самом же деле все боги являются верховными в Брахмане.

– Нет, – опять возразил Нимай, – Кришна говорит: *брахmano хи пратиштхахам* – «Я – основа безличного Брахмана».

– Ты можешь так думать, чтобы не утратить чувство преклонения перед своим Божеством, – сказал доктор и улыбнулся, желая успокоить Нимая, бросив-

шего на него гневный взгляд. – Ты можешь считать так, но в «Упанишадах» говорится, что все боги происходят от Единого. Единый Бог существует во множестве форм. *Тат твам аси*: «ты тоже есть то».

При этих словах Нимая охватило чувство тревоги. Он понял, что находится в опасности, так как теперь точно знал: доктор Ананд – *майявади*, а если человек будет слушать *майявади*, он может мало-помалу утратить свою преданность Богу.

Доктор Ананд почувствовал, что Нимай готов сорваться с места и убежать.

– Нам лучше не обсуждать все эти философские тонкости, – проговорил он. – Я, может быть, не сумел тебе хорошо объяснить, но вообще-то я и сам последователь учения сознания Кришны. Я тоже преданный Кришны.

В конце концов Нимай и доктор договорились не обсуждать больше подобные вопросы, а сосредоточиться на лечении, которое, по мнению Нимая, было совершенно безвредным и относилось к *гуне* благодати. Они пришли к соглашению: Нимай останется в санатории и продолжит лечение, тщательно выполняя все предписания доктора, если тот не будет больше проповедовать учение *майявади*.

После этого разговора доктор Ананд стал приходить к Нимаю гораздо реже. Сыновья доктора приносили Нимаю раз в день еду, состоящую из сырых овощей, и следили за тем, чтобы он вовремя принимал солнечные ванны, выполнял упражнения и делал клизмы. Доктор заходил лишь на несколько минут и спрашивал, не получил ли Нимай письмо от отца. Через две недели Нимай наконец получил письмо, в котором отец сообщал, что послал перевод. Но и тут всё было не так просто, так как ни Нимай, ни доктор не знали, куда деньги должны были поступить и как они смогут их

получить. Встречаясь, они каждый раз обсуждали этот вопрос. Наконец деньги поступили в банк, и доктор получил в индийской валюте сумму, равную одной тысяче американских долларов, т.е. плату за месяц лечения в санатории.

Получив деньги, доктор Ананд сказал Нимаю:

– Твоё заболевание намного серьёзнее, чем я думал. Тебе придётся провести в санатории несколько месяцев, чтобы полностью выздороветь. Твоё излечение зависит от твоего умственного настроя. Учись расслабляться и ни о чём не беспокоиться. Обратись за помощью к Матери-Природе и солнцу. Это предписывает нам делать наше вайшнавское учение.

Нимаю устало улыбнулся и опустил голову на подушку. «И как меня только сюда занесло?» – подумал он.

Глава 11

(Н.д.д.)

Почему же я не уехал из санатория, узнав, что доктор – *майявади*? Я не мог этого сделать: я был очень слаб. Но я понимал, что жизнь в таком месте может отрицательно повлиять на моё сознание. Зато благодаря тому положению, в котором я оказался, во много раз увеличилась моя приверженность сознанию Кришны. Чтобы выстоять в тех условиях, я должен был проповедовать (хотя бы самому себе). И хоть доктор всё время уговаривал меня расслабиться, я становился всё более бдительным и ещё больше начинал ценить сознание Кришны. Но, в то же время, я чувствовал себя одиноким и потерянным, находясь вдали от того места, где я должен был находиться. Я считал, что всё это: и

моя болезнь, и то, что я очутился в таком месте, – было моей кармой. Я думал: «Наверное, тайно, в самой глубине души я хотел этого, но теперь я должен повернуть обратно и вернуться к истинному сознанию Кришны». Я хотел жить в более подходящем для развития сознания Кришны месте, под личным присмотром Гурудева. Однако я вдруг понял, что, сделав лишь шаг в сторону, я не заметил, как *майя* увела меня далеко от сознания Кришны, и теперь, чтобы вернуться на прежний путь, я должен получить особую милость. Я плыл против сильного течения.

А сейчас я расскажу вам о тех нарушениях – незначительных и серьёзных, – которые я стал допускать под влиянием нового окружения. Во-первых, они не разрешали мне пить молоко. Вначале я думал, что в этом нет ничего страшного и что мне нельзя его пить из-за болезни. Однако и доктор, и все, кто жил в санатории, утверждали, что молоко вредно для здоровья; то же самое говорилось и в тех книгах, которые давал мне читать доктор. Все, с кем я разговаривал, были индусами, но все они считали, что человек не должен пить молоко. Поэтому я совсем перестал употреблять молочные продукты и даже стал думать, что, может быть, пить его и правда вредно. Однако я помнил слова Прабхупады о том, что, если человек не пьёт хотя бы немного молока, в его мозгу не смогут образоваться тонкие ткани, необходимые для постижения Кришны. Вдобавок к этому пища, которую я ел, не была предложена Кришне, хоть все продукты и были полностью вегетарианскими. Мне позволяли самому предлагать эту пищу Кришне, но у меня не было Божеств – у меня были только фотографии гуру и Кришны. Да и как можно было предлагать Кришне пищу, которая готовилась не для Него: хоть доктор и его помощники разрешали мне предлагать пищу, сами они этого не делали. В ре-

зультате я перестал придавать этому такое большое значение и иногда даже ел, не предложив пищу Кришне. Порой мне было неловко предлагать её в чьём-то присутствии, и я думал: «Ладно, в конце концов я — преданный, и, быть может, её можно считать уже предложенной».

Те, кто жил в санатории, полностью отвергали Кришну. Доктор говорил, что он «вайшнав», но это, конечно же, была шутка. Он, вероятно, и другим пациентам говорил то, что они хотели услышать, чтобы угодить им. Ему ничего не стоило сказать любое утверждение, так как он считал, что всё едино.

Я мог бы составить целый список тех нарушений, которые я допускал в санатории, и, может быть, я расскажу вам о них, однако самым главным было то, что меня окружали люди, которые были очень далеки от сознания Кришны. В санатории не было ни лекций, ни *арати* в храме, ни *кришна-катхи*, там не было ничего кроме разговоров о здоровье, упражнений на расслабление и псевдофилософии.

Когда я жил с Пуджей, мне казалось замечательным, что никто не заставлял нас ходить на утренние программы, но сейчас мне не хватало их, и я понял, насколько они необходимы. Я устраивал *киртаны* и читал книги самостоятельно, однако при этом я не чувствовал такого воодушевления, какое возникает, когда ты находишься в кругу единомышленников. Быть может, некоторые преданные способны успешно развиваться, живя в одиночестве, что же касается меня, то я понял, что хочу жить с преданными.

В санатории у меня не было даже много свободного времени, я только тем и занимался, что делал клизмы, выполнял упражнения и разговаривал. И даже когда я выполнял упражнения на расслабление, я следовал при

этом методу *майявади*, и у меня было такое чувство, что я делаю что-то не то. Я понимал, что доктор и его пациенты очень хотят, чтобы я совсем расслабился и забыл Кришну и чтобы я не так строго следовал четырём основным предписаниям. Доктор однажды даже сказал, что мой обет повторять шестнадцать кругов не так уж важен и что гораздо лучше медленно и сосредоточенно повторять один круг. У него на всё было своё мнение, однако, высказывая его, он обычно утверждал, что таково «наше вайшнавское учение» или даже что «так говорил Прабхупада». И мне нужно было выбрать: либо постоянно спорить с ним, либо махнуть на всё рукой.

Помимо всего я уже не думал так много о Чхоте, Ямале и Арджуне, и это тоже можно считать отклонением от верного пути. Мои галлюцинации заронили во мне сомнение, и я уже не знал, как относиться к тем чувствам, которые испытывал в разлуке с Чхотой, так как, находясь в бреду, я решил, что меня наказывают за моё «поклонение» мышам. Я не мог понять, были ли мои галлюцинации обычным бредом или они содержали рациональное зерно. Результатом стало то, что мне уже не хотелось много думать о Чхоте. Я очень хотел поговорить об этом с Гурудевом. В санатории же я не мог разрешить своих сомнений. «С одной стороны, — думал я, — непривязанность, может быть, и не так уж плоха. Конечно, я желаю Чхоте, Арджуне и Ямале лишь добра и был бы рад увидеться с ними, но чем я могу помочь им сейчас? Пусть же Чхота живёт в Гайане под защитой Кришны, а я останусь пока здесь. И мы будем выполнять свои обязанности, не связанные чрезмерно сильной привязанностью друг к другу».

В санатории я получил письмо от вас, дорогой Гурудев. Вы написали его из Гайаны, и мне переслали это

письмо из Вриндавана. Вы, вероятно, помните его, но я хочу привести здесь из него отрывок:

«Да, я удивлён, что ты так внезапно и без разрешения президента храма уехал в Индию. Я понимаю, ты был очень огорчён, но в жизни ещё будет много огорчений, и мы должны вести себя разумно и не терять голову, сталкиваясь с трудностями. Вся «Бхагавад-гита» учит нас этому. Арджуна, охваченный скорбью, хотел покинуть поле боя, и тогда, чтобы напомнить ему о его долге, Кришна поведал ему «Бхагавад-гиту». Если же у тебя войдёт в привычку действовать в трудной ситуации по своей прихоти, то что с тобой тогда будет?»

Я, конечно, рад, что ты находишься во Вриндавана-*дхаме* и что тебя вдохновляет царящая там атмосфера. Я обещал тебе, что когда-нибудь ты приедешь во Вриндаван, и вот теперь это произошло. Но меня беспокоит, что ты общаешься с человеком, который не доверяет никому из преданных. Ты тоже хочешь стать таким? Ты знаешь, что ты очень легко поддаешься под чужое влияние. Такое свойство будет для тебя благом, если ты подчинишься власти Самого Господа Кришны, либо поддашься влиянию Его преданных и захочешь следовать их примеру. Но ты должен быть осмотнительным и не увлекаться всякими «интересными» идеями. Мне очень не хочется, чтобы твоё замечательное отношение к служению преданным и служению в Движении, созданном Прабхупадой, изменилось под влиянием тех, кто сам, к сожалению, попал под влияние людей, сбившихся с пути.

Что касается вриндаванского *бабаджи*, то ту «практику» *расы*, которой он учит, нельзя считать истинной духовной практикой. Истинная духовная практика заключается в служении духовному учителю и вайшнавам. Мы должны стараться всегда занимать самое низкое положение; Кришна Сам возвысит нас, если пожелает. Мы не должны пытаться вступить в вечную *расу*, фантазируя или слушая советы другого человека, который сам недостаточно сведущ, чтобы говорить о *расах*. Для обусловленной души *раса* недостижима. Твой интерес к *расе* разрушает твою привязанность к *кришна-себе*, к служению Кришне, в которое ты был должным образом вовлечен. Я имею в виду твою работу на ферме, которую ты не хочешь больше выполнять.

Я тоже через несколько недель приеду в Индию, и, если нужно, разыщу тебя и поговорю с тобой. Мне нравится беседовать с тобой, и я уверен, что все возникшие у тебя сомнения могут быть рассеяны. Пока же я советую тебе переселиться в храм Кришны-Баларамы и попросить дать тебе там какую-нибудь работу. Продолжай повторять мантру и читать книги Шрилы Прабхупады. И раз уж ты оказался во Вриндаване, постарайся получить всё благо, окунувшись в удивительную атмосферу, царящую там. Но не совершай больше никаких самовольных поступков.

Я чуть было не написал: «Как поживают твои мыши-преданные?». Но затем я вспомнил, что ты оставил их в Гайане. Вполне возможно, имен-

но сейчас они передают другим то *бхакти*, которое они получили от тебя в виде повторения Святых Имен и *прасада*. Как ты считаешь?»

Нечего и говорить, я был вне себя от радости, получив от Гурудева такой нагоняй. Его письмо было подобно сладчайшему нектару, и когда я прочитал его, из моей головы тут же выветрился весь тот вздор, который внушили мне в *ашраме* доктора Ананда. Теперь я был уверен, что, поправившись, я буду делать то, что велит мне Гурудев. Но больше всего меня поразило, что Гурудев написал в конце. Читая эти строки, я не верил своим глазам. Буквально на днях я думал, не иду ли я куда-то не туда, развивая отношения с Чхотой, и вот Гурудев с таким интересом спрашивает меня: «Как поживают твои мыши-преданные? Как ты считаешь?»

Гурудев, мне очень хотелось поговорить с вами тогда, когда я получил ваше письмо. Те мыши, которых я обучил сознанию Кришны, вряд ли получают какое-то благо от дальнейшего общения со мной. Я сам навеки ваша «мышка», нуждающаяся в вашей защите. Своим письмом и своим отношением к мышам-преданным вы ещё раз завоевали моё сердце. Ваше письмо разубедило меня в том, что я должен буду отправиться в ад за свой проступок. Я до сих пор ещё не разобрался до конца, как я должен воспринимать свои отношения с Чхотой, и поэтому хотел бы ещё поговорить с вами об этом (хоть теперь мне многое стало более понятно). Получив ваше письмо, я подумал: «Если мой духовный учитель приедет в Индию, то, может быть, он придёт и спасёт меня, как Господь Чайтанья спас однажды в Южной Индии Своего слугу Кришнадаса, когда тот покинул Господа и ушёл к цыганам». Я даже стал мечтать об этом, хотя я и понимаю, что это неправильное

умонастроение: духовный учитель не обязан приходить и служить мне, когда я попадаю в беду. Но эта мечта была для меня большим утешением, когда я, попав под влияние других людей, казалось, всё больше и больше отклонялся от истинного пути. Я надеялся на то, что, когда я окажусь на краю пропасти, мой духовный учитель придёт и, схватив меня за волосы, спасёт меня.

Я также написал письмо отцу. Он был недоволен тем, что я попросил у него денег. После того, как я пять лет назад присоединился к Движению сознания Кришны, я не взял у него ни доллара, а иначе он решил бы, что мне кроме денег от него ничего больше не нужно. И мне было очень неприятно, что теперь, впервые за столько лет, попросив у него денег, я положил их в карман доктора Ананда, а не отдал их преданным Кришны. Поэтому я написал ему письмо, постаравшись рассказать о сознании Кришны так, чтобы он смог посмотреть на вайшнавское учение с той точки зрения, которая была ему близка. Отец называл себя эклектиком, то есть сторонником различных учений, поэтому я попытался объяснить ему, что сознание Кришны – ещё один интересный путь. Я выбрал из «Бхагавад-гиты» несколько цитат и сочинил целое эссе, которое было как раз во вкусе моего отца. Я получил от этого занятия большое удовольствие и решил, что должен больше проповедовать в таком духе.

Я подумал также, что должен приобрести знания, чтобы уметь аргументированно отвечать на доводы *майявади*. Поэтому я решил прочитать ту главу из «Чайтанья-чаритамриты», в которой описывается дискуссия Господа Чайтанья с *майявади* в Варанаси. Доктор Ананд не был строгим последователем Шанкары. По правде сказать, почти все *майявади*, которых я встречал, признавали не одно только учение Шанка-

ры, а были приверженцами самых разных философий. Например, когда мы летели в Индию, я разговорился в самолёте с одним хиппи, который сказал, что он христианин. Я подумал тогда: «Замечательно! Значит, мы не будем спорить о том, что Бог – личность. К тому же мы оба почитаем Иисуса Христа как Сына Бога». Но как только этот хиппи заговорил, я сразу понял, что никакой он не христианин. Он сказал, что, по словам Иисуса Христа, Бог находится в нашем сердце, а поскольку Бог – это любовь, то мы тоже есть Любовь и тоже являемся Богом. Мне кажется, именно так он и сказал. Но какими бы ни были его настоящие слова, всё, что он говорил, было имперсонализмом чистой воды. Позже Пуджа объяснил мне, что истинный смысл слов этого «христианина» был таков: половые отношения и есть Любовь, а значит, занимаясь сексом, мы обретаем любовь к Богу. Не думаю, что Пуджа выдумал это, потому что потом я видел, как этот хиппи на глазах у всех целовался и обнимался со своей подружкой.

Но хоть большинство людей и не являются строгими последователями Шанкары, подумал я, всё равно не мешает знать, что он говорит. В Индии людей больше привлекает Шанкара потому, что они постоянно цитируют Веды, и то же самое делал Шанкара. Но он понимал слова Вед не буквально, а давал им своё объяснение, трактуя их метафорически. Его учение очень опасно. В «Чайтанья-чаритамрите» говорится: «Шанкара-чарья ввёл людей в заблуждение, сказав, что Вьясадева допустил ошибку. Тем самым он восстановил весь мир против теизма». Читая это, я воображал себя представителем сознания Кришны, оказавшимся в лагере *майявади*. Однако я не был уверен в своих силах и в своей способности переубедить кого бы то ни было. Прабхупада пишет:

Майявади излагают свои доводы столь привлекательным, цветистым языком, что, слушая их, даже *маха-бхагавата*, или очень опытный преданный, может впасть в заблуждение. Истинный вайшнав не потерпит никакой философии, утверждающей равенство Бога и обычного живого существа.

- *Чайтанья-чаритамрита*, Ади, 7.110,
коммент.

Я не способен переспорить какого-нибудь *пандита*, но, по крайней мере, я могу распознать в человеке *майявади*, послушав, что он говорит, и, конечно же, я должен иметь серьёзные знания, чтобы не попадать под влияние *майявади*.

Читая книги Прабхупады, я также смотрел, не говорится ли в них что-нибудь о коровьем молоке. Доктор Ананд рассказал мне, что как-то он читал лекцию и один человек возразил ему: «Вы утверждаете, что молоко вредно для здоровья, но Кришна в «Бхагавад-гите» советует пить его». По словам доктора Ананда, он на это ответил: «Я читал «Бхагавад-гиту» пятьдесят раз и не помню, чтобы Кришна говорил, что мы должны пить молоко». Я напомнил доктору стихи, в которых Кришна говорит, что *вайшьи* должны защищать коров и что среди коров Он – *сурабхи*. В ответ доктор Ананд сказал, что это всё равно не означает, что мы должны пить молоко коров, поскольку их молоко предназначено для телят. Его слова отравляли моё сознание. Потом я вспомнил, что «Бхагавад-гита» содержит лишь краткое изложение философии сознания Кришны, поэтому не следует думать, что мы найдём там ответы на все вопросы. Но если мы откроем «Бхагаватам», то увидим, что там неоднократно говорится о молоке и мо-

лочных продуктах. В одном месте Господь Вишну говорит, что Его радуют жертвоприношения, которые люди совершают, кормя *брахманов* пищей, приготовленной на *гхи*. А в книге «Кришна» говорится, что Кришна постоянно пил молоко и йогурт, – так Он подавал нам пример. И в других книгах можно прочитать, что все *садху* пили коровье молоко. Например, Шукадева Госвами пил только молоко коровы. Доктор Ананд говорит, что, если мы хотим пить молоко, то следует пить козье молоко, но Шукадева пил коровье молоко, и Прабхупада тоже всегда пил только молоко коровы.

Я был очень рад тому, что у меня были с собой мои книги, и я мог выбрать из них подходящие цитаты. Например, такие:

Человеческая цивилизация предполагает развитие брахманической культуры, а для её сохранения весьма существенной является опека коров. Молоко – это чудо, ибо оно содержит в себе витамины, поддерживающие такое физиологическое состояние человека, которое требуется для высших форм деятельности. Брахманическая культура может развиваться только в том случае, если людей учат развивать в себе качество благости, а для этого в первую очередь необходимы молоко, фрукты и злаки.

- *Шримад-Бхагаватам*, 1.16.4, комментарий.

Кроме того, *вайшьям* надлежит заботиться о коровах, чтобы у людей было вдоволь молока и молочных продуктов, без которых у человека не может быть ни здоровья, ни разума, необходимых для поддержания в обществе культуры,

предоставляющей каждому его члену возможность познать высшую истину.

- *Шримад-Бхагаватам*, 2.5.37, комментарий.

Конечно, если вы будете употреблять слишком много молока (как, впрочем, и любого другого продукта) вы заболеете. Но это вовсе не означает, что мы должны совсем перестать пить коровье молоко, – это не относится к нашей вайшнавской традиции.

Всё это я выложил доктору, приведя при этом кучу цитат. И после этого доктор стал косо смотреть на меня, особенно когда заметил, что я разговариваю с другими его пациентами.

Ещё я посмотрел, что говорится в наших книгах о здоровье. Насколько я помню, Прабхупада часто писал в своих письмах, что преданные должны быть здоровы. И каждое своё письмо он заканчивал словами: «Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии». Но с другой стороны, Прабхупада подчёркивал, что и в заботе о здоровье тоже нужно знать меру. Он говорил, что человек всегда будет здоров, если будет просто вести правильный образ жизни. Но в санатории доктора Ананда забота о здоровье была чем-то вроде религии. Те, кто жил там, не желали предлагать пищу Кришне. Они ели только для того, чтобы удовлетворить свою физиологическую потребность. Поэтому они так не любили готовить. Как раз таких людей и описывает Прабхупада в одном из своих комментариев, где он говорит, что есть люди, совершенно помешанные на своём здоровье.

В Бомбее в 1977 году во время лекции в *пандале* один хорошо одетый индеец среднего возраста спросил Прабхупаду: «Свамиджи, насколько важны здоровье и здоровый образ жизни, и как, по-вашему, человеку лучше заботиться о своём здоровье? И есть ли

какая-то связь между вашей миссией и пропагандой здорового образа жизни?».

Прабхупада: Что такое здоровье? Прежде всего, вы должны понять, что, как бы здоровы вы не были, вы всё равно должны будете умереть. Чем же вам в таком случае поможет забота о здоровье? *Джанма-мритью-джара-вйадхидухкха-дошанударшанам*. Так говорит Кришна. Это не мои измышления. Вы можете изо всех сил заботиться о своём здоровье, и всё же когда-нибудь вы должны будете умереть, – это закон природы. Чем же вам поможет ваша забота о здоровье? Что бы вы ни делали, вас в любом случае ожидает смерть. Вы никогда не будете здоровы, пока у вас есть это материальное тело. Вы всегда будете страдать... Глупые люди, введённые в заблуждение ложным самоотождествлением, думают: «Я улучшу своё здоровье, я улучшу это...». Ничего они не улучшат. Они целиком находятся во власти законов материальной природы.

- *Шрила Прабхупада-лиламрита*, т.6.

Отыскивая таким образом в книгах Прабхупады ответы на свои вопросы, я очень воодушевился. И всё же я не всегда следовал тому, что он говорит. Я был сильно болен, и поскольку я платил доктору Ананду (вернее, мой отец платил), я считал, что должен пройти полный курс лечения. Однако очень сложно извлечь нектар верного учения о здоровом образе жизни из горшка с ядом философии *майявади*. Когда я немного окреп, доктор настоял, чтобы я тоже принимал участие в некоторых групповых занятиях, и я подчинился: я начал заниматься хатха-йогой, включая *пранаяму* и

даже «медитацию». Я поклонялся солнцу, не употреблял молочные продукты и много разговаривал о здоровье, и всё же я не стал *майявади* (я надеюсь).

Глава 12

(Н.г.д.)

Если тот, кто читает эти строки, думает, что я искренний преданный, ему придется изменить своё мнение. И эту главу я пишу только потому, что Гурудев сказал мне о необходимости показывать, как действует *майя*.

Пока я был очень слаб и мне позволяли целый день лежать в своей хижине, жизнь в санатории казалась мне довольно сносной. Но когда я немного окреп и стал выходить на улицу, я увидел, что на самом деле представляет собой санаторий, и это меня встревожило. В нём жили самые разные люди, и каждый делал то, что ему нравилось. Я встречался с остальными пациентами только два раза в день во время групповых занятий, которые были обязательны для всех. Мы должны были также вместе принимать пищу, сидя под банановым деревом, но я настоял, чтобы есть одному, и платил сыну доктора Ананда за то, чтобы тот приносил мне еду в хижину.

Все очень скоро узнали, что я кришнаит. Они решили, что я не очень общителен (впрочем, так они думали обо всех членах Движения), и считались с моим желанием есть в одиночку. Однако иногда кое-кто из пациентов заглядывал ко мне, а немного погодя я тоже начал заходить к своим соседям, чтобы поболтать с ними.

Ещё пациенты сходились вместе, когда принимали солнечные ванны и сидели в особых чанах, наполненных лечебными грязями, которые благотворно действовали на позвоночник. Поскольку среди пациентов были женщины, я принимал солнечные ванны отдельно от всех, хотя остальные пациенты – и женщины, и мужчины – лежали и сидели вместе. Доктор Ананд хотел, чтобы пациенты всё делали вместе, чтобы они обменивались положительными флюидами и были счастливы. Мои флюиды, быть может, не были такими уж положительными, но я, по крайней мере, не нарушал установленный порядок. К тому же я заплатил за месяц вперёд и отца прислать мне ещё денег, чтобы заплатить за следующий.

Йогой мы занимались утром и на закате на круглой площадке с плотно утрамбованной землёй. Занятия проводил сам доктор Ананд. Мне нравилось делать всякие наклоны и упражнения на растяжение, но я чувствовал отвращение ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало медитацию, потому что я считал, что доктор пытается заставить нас стать едиными с Абсолютом. Мне кажется, никто в санатории даже приблизительно не понимал, что мне не нравится в учении, проповедуемом доктором Анандом. На все мои доводы они сказали бы: «Ты преданный Кришны, а мы преданные кого-то другого, но когда мы вместе, мы можем возвыситься над поклонением разным богам и стать Одним». Если бы я попытался объяснить им, что выше всех богов стоит Верховный Господь, являющийся источником и безличного единства, и что целью нашей медитации должно быть установление с Ним личной связи, они решили бы, что это «ещё одна теория». Они же хотели сливаться с безличным Единством, входя ненадолго в состояние медитации, а затем выходить из этого состояния и быть самими собой. Не думаю, что, гово-

ря это, я несправедлив к ним, – именно этого они и хотели. Они не жаждали обрести Бога. К сожалению, у меня тоже нет страстного желания (*лаульям*) обрести Кришну, но я хотя бы знаю, что это является целью. Любая практика, любая так называемая медитация, преследующая какую-то другую цель, всего лишь обман. Поэтому я либо сидел в своей хижине, что было запрещено, либо выходил из неё и общался с другими, но постоянно перебивал доктора Ананда и остальных словами: «Нет, это всё не так», – либо же я участвовал вместе со всеми в занятиях, в основе которых лежало учение *майявади*. И последнее я делал чаще всего. Наверное, у меня был и другой выход, – например покинуть санаторий, но я был не способен на это.

Прежде чем рассказывать вам, как на меня влияли те, кто жил в санатории, я должен сказать о них несколько слов.

Моя хижина стояла в центре санатория. Рядом со мной жила старая женщина из Швейцарии, у которой была необычная, уже устаревшая манера говорить по-английски. Я сам и мое повторение мантры вызвали у неё большой интерес. Я знаю, что мы не должны оставаться наедине даже со старой женщиной, но в санатории было невозможно следовать всем предписаниям, и я иногда сидел с ней на скамейке перед её хижинкой. Она много знала об ауре, свечении, которое исходит от человеческого тела и которое некоторые люди способны видеть. Она утверждала, что, увидев ауру какого-нибудь человека, а затем погрузившись в глубокую медитацию (в которой она, по её словам, не могла находиться очень долго, так как это требует большого физического напряжения), она может рассказать о прошлых жизнях этого человека и о его настоящих достоинствах и недостатках. Когда она сказала это, я подумал: «Ой-ой-ой, кажется, она собирается рассказать мне обо

мне». Когда я встречаю людей, сведущих в астрологии или психологии, я в одно и то же время испытываю и любопытство, и желание убежать. Но Бренда (так звали эту женщину) была моей соседкой. «У тебя очень чистая аура, – сказала она, – и в ней много ярких цветов». Ещё она сказала мне, что в прошлой жизни я достиг совершенства в йоге, а много-много лет назад был приближённым Гаутамы Будды. Это показалось мне интересным, так как в «Бхагавад-гите» говорится, что, если человек в этой жизни обратился к сознанию Кришны, значит в прошлой жизни он был йогом.

Из-за всех этих разговоров с Брендой я очень возгордился. Я пытался рассказать ей о Кришне и о повторении Святых Имен, но, хотя ей и нравилось слушать, как я повторяю мантру, она считала, что и так всё знает об этом. К тому же я для неё был всего лишь ребёнком. Но ей понравилась моя аура, и она иногда говорила мне, как она выглядит в тот или иной момент времени или когда я сталкиваюсь с какими-то сложностями. Она сказала, что я обладаю необычными способностями, благодаря которым я могу общаться с другими существами, но я не использую эти способности. Бренда ела особые пищевые добавки, которые привезла с собой. Это были, как она объяснила, редкие водоросли, которые растут только в Исландии и употребление которых в пищу продлевает жизнь. Она и мне иногда давала эти добавки. В общем, Бренда не оказывала на меня большого влияния, когда же я пытался повлиять на неё и спрашивал, не хочет ли она послушать книгу «Кришна» или попеть Харе Кришна, она отказывалась.

Более сильное влияние имел на меня мой сосед с другой стороны, тридцатилетний датчанин Бад. Как он рассказывал, он с детства болел бронхитом, но после месяца лечения у доктора Ананда, начал быстро по-

правляться. Помимо процедур, предписанных доктором Анандом, он занимался ещё спортом. На словах доктор осуждал всё, что не относилось к натуропатии, но на деле позволял своим пациентам делать, что они хотят. Он и сам употреблял в пищу продукты, которые другим есть не рекомендовал. Что касается Бада, то он поднимал тяжести, и поэтому у него было очень мускулистое тело. Он и мне посоветовал делать физические упражнения. Чтобы не показаться необщительным, я начал заниматься с пятикилограммовыми гантелями, которые он дал мне, и через некоторое время мои мышцы заметно окрепли.

Ещё Бад умел делать массаж, и у него был прибор, который током воздействовал на отдельные участки тела. Бад сказал, что с помощью этого прибора я смогу избавиться от поноса, и я несколько раз брал у него этот прибор и подключал его к своему телу, однако никакого улучшения я что-то не заметил; единственное, что я чувствовал, – это слабый удар током.

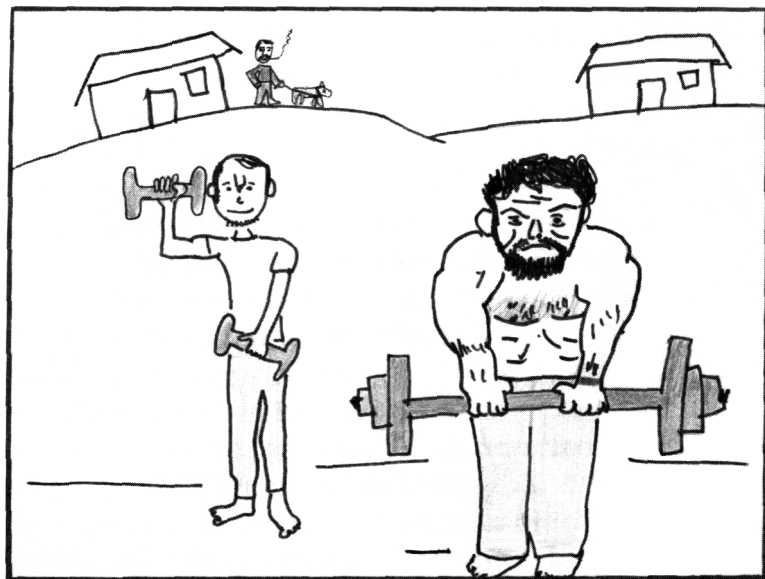
Я почти не говорил с Бадом о сознании Кришны. Когда я спросил его, какому учению он следует, он ответил: «Я ничему не следую, я просто живу». Он употреблял в пищу особые добавки, содержащие пергу, которая, по его словам, даёт человеку необыкновенную энергию. У меня было очень мало энергии, и я попробовал принимать в пищу эти добавки, но я так ничего и не почувствовал. Со мной всегда так случается: какие бы самые необычные препараты я ни принимал в пищу, я никогда не чувствую того, что, по словам других, должен почувствовать от их применения.

В двух других хижинах жили двое уважаемых индийских бизнесменов. Обычно, когда доктор Ананд их не видел, они сидели на поляне, расположенной между их хижинами, и курили. Кажется, они приезжали в санаторий каждые два года, чтобы лечиться

от гипертонии. Вполне возможно, иногда вечером они пили у себя вино.

Ещё в санатории были юноша и девушка из Франции, живущие в одной хижине и у которых всё время играл магнитофон. Музыка, которую они слушали, была довольно любопытной: Бах, Моцарт, Боб Дилан. Но они ни у кого не спрашивали, хотят ли другие слушать её, и включали магнитофон на полную громкость. Я пожаловался на это доктору Ананду, но он только улыбнулся и сказал, что ничего не может поделать.

Все знали, что я преданный, но никого, похоже, это особо не волновало. Я каждый день наносил на лоб *тилаку*, но *дхоти* я постепенно перестал носить. Большинство мужчин в санатории по совету доктора не надевали рубашек, а ходили в одних *гамчах*. В одной из книг доктора рекомендовалось даже ходить обнажёнными. По крайней мере, до этого в санатории не дошло. Но пациенты должны были надевать на себя как мож-

но меньше одежды, чтобы воздух мог обдувать тело и оно было доступно воздействию солнечных лучей. К тому же многие мужчины, следуя принципу «назад к природе», проповедуемому в санатории, не брились. Под их влиянием я тоже перестал бриться. Я никогда не отращивал бороду, и мне было интересно посмотреть, какой она будет. В каждой хижине на стене висело небольшое зеркало, и я стал каждый день смотреться в него, проверяя, намного ли отросла моя борода и увеличились ли бицепсы. Это лишний раз доказывает, что Хираньякашипу был прав, утверждая, что общение подобно прозрачному стеклу, которое принимает цвет того предмета, что находится за ним. Хотя моей целью было вылечиться, чтобы вернуться вновь к преданному служению, всё же из-за общения с непреданными я стал внутренне и внешне меняться.

Глава 13

(Н.д.д.)

Я начал новую главу, потому что хочу рассказать о самом неприятном из всего, что со мной было в санатории. Я надеялся, что об этом напишет С.д.Г., потому что самому мне стыдно об этом рассказывать, но он и Гурudev решили, что для меня будет лучше, если я сам расскажу, что со мной произошло. В приключенческих книгах, которые я когда-то читал, люди попадали в более серьёзные переделки, чем я. В моей жизни не было особых бедствий, так как, став преданным, я оказался под защитой Кришны. На обложке журнала Шрилы Прабхупады «Назад к Богу» можно прочитать: «Где есть Бог, там нет тьмы». Но верно и обратное: как

только мы отказываемся от покровительства Кришны, которого можно сравнить с солнцем, мы тут же погружаемся во тьму.

Я не буду подробно рассказывать о своём падении, так как мне тяжело говорить об этом, и к тому же я не вижу в этом никакой пользы. Но я и не стану ничего утаивать.

В общем, дело в том, что Бад подсыпал мне в стакан с соком какой-то наркотик. Прежде чем стать преданным, я пробовал принимать наркотики, и насколько я могу судить, то, что он мне дал, был, скорее всего, ЛСД. Я был очень удивлён тем, что он так жестоко подшутил надо мной. Может быть, он думал, что это будет очень забавно, а может, он хотел доставить мне удовольствие. Но он знал, как строго я следую предписанию, запрещающему употребление наркотиков, поэтому мне кажется, что он сделал это с дурным умыслом. Быть может, он считал, что я слишком высокомерно веду себя.

В первую минуту я подумал, что у меня опять начался бред, но жара у меня не было, поэтому я никак не мог понять, откуда у меня такой прилив энергии и с чего это вдруг на меня нахлынули все эти экзотические чувства. Одно было несомненно (в этом убеждал меня мой прошлый опыт): все эти переживания были материальны, всё это было *майей*. Затем пришел Бад и сказал мне о своём поступке. Я попросил его уйти. У него был такой вид, словно он раздумывал, побить меня или нет, но в конце концов он ушёл. Уходя, он сказал нечто такое, что я не могу написать здесь.

Я читал в «Нектаре преданности», что люди, принадлежащие к высшим слоям общества, опьянев, ложатся спать, тогда как люди низкого происхождения кричат и порой затевают драки. Читая это, я всегда задавался вопросом, почему в этой книге говорится о

том, что делает человек из высших слоёв общества, опьянев. Я не хочу сказать, что принадлежу к аристократическим кругам, но, хотя я принял наркотик неумышленно, он всё-таки оказывал на меня действие, поэтому я подумал, может, мне лучше лечь. Однако это не помогло, так как в глазах у меня всё плыло кругом, и я чувствовал острую потребность сделать что-то необыкновенное, чтобы показать, на что я способен.

Я был очень расстроен. И я чувствовал себя таким виноватым, как будто я сам, умышленно принял наркотик. Больше всего меня мучило именно это чувство вины. Также мне казалось, что за те несколько часов, в течение которых я находился под действием наркотика, были уничтожены все плоды моей благочестивой деятельности. Я слышал, что некоторые преданные в прошлом употребляли ЛСД или галлюциногенные грибы, чтобы постичь Кришну. Я понимал, что принимать наркотики, чтобы постичь Бога, глупо, и никогда не делал этого. Прабхупада говорил, что невозможно постичь Кришну, просто приняв таблетку. Он сказал это Аллену Гинсбургу, который говорил, что, возможно, в *Кали-югу* Кришна пришел на землю в виде таблетки. Прабхупада сказал, что Кришна имеет духовную, а не материальную природу, и Он не открывает Себя тому, кто просто глотает таблетки. Что бы человек ни видел в состоянии наркотического опьянения, всё это – галлюцинации.

По правде сказать, если бы я лёг в постель, мне было бы нетрудно справиться с собой. Я знал, что через несколько часов возбуждение пройдёт. Но меня всё больше и больше охватывал страх – страх от сознания того, что я оказался в обществе людей, общение с которыми не принесёт ничего хорошего, и что мне нужно уезжать отсюда как можно скорее. Посмотрев в зеркало и увидев свою отросшую бороду, я понял, что оказался в

глубокой *майе*, из-за того что жил в таком месте. Не знаю, было ли моё решение основано на рассудке или мной двигал сильный страх, но я решил уйти из санатория тотчас же, не медля больше ни секунды. На мне была лишь майка и спортивные брюки, в которых я занимался йогой. Я собрал те немногие вещи, которые у меня с собой были, и, не сказав никому ни слова, покинул санаторий с твёрдым решением никогда больше туда не возвращаться.

По милости Кришны последствия приёма наркотика стали проходить быстрее, чем я ожидал. Я начал с большей, чем обычно, искренностью повторять: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Так бывает всегда, когда нас охватывает страх. Конечно, мы не горим желанием попадать в опасные ситуации, но когда это происходит, мы сразу же начинаем чувствовать свою зависимость от Кришны. Конечно, я испытывал страх и поэтому полностью положился на Кришну: я повторял мантру и просил Кришну помочь мне.

У меня было с собой не очень много денег, и вдобавок я никак не мог собраться с мыслями и решить, куда мне направиться. Если бы поблизости находился какой-нибудь храм Прабхупады, я, конечно же, отправился бы туда, подобно хиппи, которые, как рассказывается в биографии Прабхупады, заходили в храм в Хейт-Эшбери. Я готов был остаться в храме не только на одну ночь, но и на всю жизнь. Я был готов до конца жизни служить в храме преданным, выполняя самую грязную работу, если бы мне позволили работать на кухне или где-нибудь ещё. Я хотел чувствовать себя частью Движения. Я подумал о Пудже и о том, какое влияние он на меня оказал. Я не хотел больше быть

таким, каким стал под этим влиянием. В глубине души я не думал так уж плохо о руководителях Движения, ведь мой духовный учитель не оставлял меня, а те преданные, которым я служил, никогда не делали со мной тех ужасных вещей, о которых пишут в книгах анти-сектантского содержания. Так зачем же мне притворяться и убеждать себя, что мне будет лучше без преданных?

Шагая по дороге в ближайший населённый пункт, я чувствовал тревогу. Я понимал, что в той одежде, которая была на мне, с отросшей бородой, я похож на бродягу, а не на вайшнава. Я шёл и мысленно говорил себе: «Это то, чего ты хотел». Если бы я сам не хотел этого, разве я стал бы носить такую одежду и отращать бороду, ведь никто не заставлял меня это делать. Без сомнения, я получил хороший пинок от *майи*, и я прекрасно это понимал. Зато после такого урока у меня осталось только одно желание – быть преданным, и я опасался лишь одного – что теперь слишком поздно что-либо исправлять.

Так как у меня было очень мало денег и уже начинало темнеть, я решил лечь где-нибудь и поспать. «А утром, – думал я, – когда у меня будет более ясная голова, я решу, что мне делать дальше». Я надеялся, что утром я найду кого-нибудь, у кого я могу узнать, как мне добраться до храма Прабхупады. По крайней мере, я мог объяснить людям, что я преданный, хотя они могли мне и не поверить.

Я знал, что в Индии в отличие от Америки запросто можно переночевать на улице. Многие бедняки спят в повозках или на земле под открытым небом, укрывшись *чадаром*. Поэтому я сошёл с дороги и лёг на землю.

Я лежал в темноте, но ещё не спал, когда ко мне подошли четверо мужчин. Двое из них вытащили ножи и набросились на меня. Я отдал им все деньги, которые были при мне, но они обыскали меня и взяли ещё и мой паспорт. А затем один из них размахнулся и ударил меня кулаком в лицо. Они были такого же телосложения и роста, как я, и я попробовал отпугнуть их, ответив ударом на удар. Но я никогда не дрался и не знал, как это делается, и они это поняли. Один из них полоснул меня ножом по руке. В голове у меня мелькнуло: «Это *гунды!*». Они повалили меня на землю и ударили между ног, а после по голове. Затем они ушли.

Я чувствовал себя точно так же, как во время болезни во Вриндаване. Я почти ничего не соображал, и, единственное, на что я был способен, – это посмотреть, сильно ли течёт кровь. Мне показалось, что рана у меня на руке не очень глубокая. Я сел на землю и стал повторять мантру.

Когда рассвело, я отправился в город и отыскал там полицейский участок. В участке никто не говорил по-английски. Это было очень глухое место. Полицейские посадили меня в тюрьму.

Глава 14

(C.g.r.)

Гурудев приехал в Майяпур за несколько дней до Дня явления Господа Чайтаньи. Вновь он встретился с преданными, съехавшимися в Майяпур со всего мира, и со своими духовными братьями, среди которых у него было много давних и близких друзей. Майяпурский фестиваль всегда стирал грани между ним и осталь-

ными преданными, и он чувствовал себя песчинкой в огромном всемирном Движении. Да, в Гайане он был лидером *пада-ятры*, но, оказываясь в обществе многих проповедников, он чувствовал себя обычным преданным. Это больно ударяло по его ложному эго, но он был только рад этому. Фестиваль также был временем интенсивного общения. Идя из храма к Ганге, он то и дело останавливался, чтобы поговорить с кем-нибудь, обсудить какие-то дела или договориться о встрече.

В день Гаура-пурнимы, когда Гурудев постился и совершал омовение в Ганге, он встретил своего брата в Боге Нанду даса, который только что приехал с группой преданных из Вриндавана. Нанда рассказал Гурудеву о том, что его ученик Нимай дас связался с неким Пуджей дасом, который общается с *бабаджи*, и что он «ведёт себя, как последний негодяй». Гурудев уже знал об этом из письма Нимаю, поэтому он не очень встревожился, услышав рассказ Нанды. Но затем Нанда сказал:

– Нимай сильно заболел, и его пришлось отправить в санаторий в Южной Индии.

Услышав это, Гурудев почувствовал сострадание к Нимаю. Болезнь в Индии не была чем-то из ряда вон выходящим, но Нимай, похоже, заболел более серьёзно.

– Где находится этот санаторий? – спросил Гурудев у Нанды.

Однако Нанда не знал этого. Судя по всему, они ничем не могли помочь Нимаю, оставалось только надеяться на Кришну. Может быть, Нимай скоро поправится.

В тот же день вечером Гурудев стоял на крыше дома для гостей и наблюдал, как Майяпур-*мандир* наполнялся всё новыми и новыми паломниками, которых было уже несколько тысяч. Он ожидал здесь появления на небе полной луны. В это время к нему подошёл улыба-

ющийся *брахмачари*, который, поприветствовав его, сказал, что он приехал из Южной Индии, из города Тривандрум.

– У вас есть ученик по имени Нимай дас? – спросил *брахмачари* Гурудева.

Гурудев ответил утвердительно, и тогда *брахмачари* рассказал, что Нимай сидит в тюрьме в Тривандруме, что его арестовали, приняв за бродягу, и что прошёл даже слух, что он агент ЦРУ.

Гурудев не мог поверить своим ушам. То, что он услышал, было совершенно невероятно, но *брахмачари* показал фотографию Нимая, снятого в тюрьме.

– У него борода! – воскликнул Гурудев.

– Это ваш ученик? – спросил *брахмачари*.

– Да, это он, но...

Брахмачари сказал, что полицейские позвонили в храм, и преданные сходили в тюрьму, однако после встречи с Нимаем у президента храма возникли сомнения. Действительно ли этот юный бородатый американец в кармической одежде – преданный, или кто-то хочет с каким-то умыслом выдать себя за преданного? Когда они разговаривали с Нимаем, у них сложилось впечатление, что перед ними действительно преданный, однако полиция уверена, что он преступник. Поэтому преданные не знали, стоит ли им просить одного из почётных членов ИСККОН поручиться за Нимаю. Тогда Нимай попросил их связаться с его духовным учителем, Гурудевом, или с каким-нибудь преданным, знающим его. При этом он назвал имена Пуджи даса и Нанды даса.

– Но теперь мы знаем, что он ваш ученик, – сказал *брахмачари*, – и когда мы вернёмся, мы постараемся выволить его из тюрьмы.

Эти известия очень расстроили Гурудева, и он задумался, должен ли он сам заняться этим делом. Должен

ли он послать кого-нибудь в Южную Индию? Или ему лучше поехать самому? Но тут с появлением на небе Луны-Гауранги празднование Гаура-пурнимы достигло своей кульминационной точки, а потом преданные стали просить его принять участие в *маха-киртане* в храме, и он отложил решение этого вопроса на более подходящее время.

На следующее утро Гурудев проснулся с мыслью о Нимае. *Майя*, по-видимому, нанесла этому мальчику сильный удар. Гурудев не мог входить в соприкосновение с *маей*, но как у духовного учителя у него были определённые обязанности. Как говорится в «Чайтанья-чаритамрите», «тот духовный учитель достоин хвалы, который возвращает назад павшего и покинувшего его ученика, схватив его за волосы».

Гурудев решил лететь в Тривандрум, совместив эту поездку с посещением там некоторых храмов Вишну. Конечно, посещение храмов было не так уж важно, но Нимаю... Гурудев написал письмо на исконовском печатном бланке и отдал его преданным из Тривандрума, которые находились в Майяпуре. Он писал и передавал это письмо с мыслью, что, может быть, этого окажется достаточно, и ему не нужно будет никуда лететь. Однако затем он всё-таки решил отправиться в Тривандрум лично. Освобождение Нимая из тюрьмы было только половиной дела. Почему он отрастил бороду? Почему он выглядит, как бродяга?

Нимаю сидел в маленькой одиночной камере. С материальной точки зрения, он находился сейчас в незавидном положении. Однако он чувствовал себя намного лучше, чем когда жил в санатории, и был уверен, что всё будет в порядке. Во всяком случае, сейчас он мог более трезво обдумать те вопросы, которые не давали ему покоя несколько последних месяцев. Он понимал, что, приняв наркотик, он нарушил один из обе-

тов и это было падением, но он же сделал это не намеренно. И всё же он был виноват уже в том, что жил в таком странном месте. Он сознавал свою вину и сожалел о произошедшем, но он был уверен, что Кришна простит его. Сидеть в индийской тюрьме, да ещё когда тебя подозревают в том, в чём ты не виноват, было довольно тяжело, но Нимаи смирился со своим положением. «В конце концов я выйду отсюда, – думал он. – И тогда я вернусь к преданным и поселюсь в каком-нибудь храме... Нет, вначале я пойду к Гурудеву и попрошу его дать мне указания. Пусть он скажет, что я должен делать».

На второй день Нимая допросил начальник полиции, который во время допроса угрожал Нимаю побоями. Только на второй день полицейские заговорили с ним по-английски. Он объяснил им, что он американский гражданин и принадлежит к Движению сознания Кришны и что он лечился в местном санатории. Он сказал также, что его отец адвокат и живёт в Нью-Йорке. Полицейский отправил Нимаю обратно в камеру и позвонил в санаторий, чтобы проверить слова Нимая. Доктор Ананд подтвердил, что Нимаи находился в его санатории, но при этом сказал, что не ручается за его добропорядочность. Он рассказал, что Нимаи внезапно ушёл из санатория, не оставив даже записки и задолжав за двухнедельное лечение. Начальник полиции подошёл к камере, где сидел Нимаи, и, смотря на него сквозь решётку, рассказал ему о своём разговоре с доктором. Затем он сказал, что отзыв доктора тоже говорит не в пользу Нимая.

- Как ты собираешься платить за своё лечение?
- Мой отец заплатит, – ответил Нимаи.
- Твой богатый папочка? – засмеялись полицейские.
- Где он сейчас?

Затем на него посыпался целый град вопросов. Почему у него нет ни паспорта, ни удостоверения личности? Если он преданный Кришны, то почему он выглядит не так, как *бхакты* из местного храма сознания Кришны? Почему его голова не обрита и у него нет *шикхи*? Нет, они не разрешат ему позвонить. Нет, он не сможет побриться. Они будут держать его в тюрьме столько, сколько им захочется, если он не расскажет им правду, зачем он на самом деле приехал в Индию.

Но в основном полицейские не беспокоили Нимаю, и до него лишь доносился тот обычный шум, который стоит в полицейском участке с утра до ночи. Чтобы выстоять в сложившейся ситуации, Нимаи обратился к духовным средствам, ведь других у него не было. С того дня, как он покинул санаторий, он стал заметно лучше повторять мантру. Теперь же он всё своё внимание сосредоточил на Святых Именах. Хотя, находясь в тюрьме, он испытывал скуку и чувствовал тревогу, он много размышлял, и теперь никакие сомнения не мучили его. Он думал о своём духовном учителе и размышлял над тем, что до этого читал в книгах Прабхупады.

В самый первый день, когда Нимая только посадили в тюрьму, в камере у него появилась маленькая серая мышка. Нимаи положил на ладонь кусочек хлеба и стал приманивать мышку. И та, в конце концов, взобралась к нему на руку. Мышка осторожно обнюхала Нимаю, и запах его тела, видимо, не отпугнул её, так как она позволила ему покормить себя. По-видимому, в тюрьме она не могла раздобыть много пищи, так как с этого дня она стала регулярно появляться в то время, когда Нимаю приносили еду. Затем она стала приходить и в другое время и безбоязненно разгуливала по камере. Нимаи повторял мантру и разговаривал с мышью, и

хоть она не отвечала ему, её присутствие наводило Нимая на воспоминания о Чхоте. Хотя эта мышка не была особенной, всё-таки она была более мирной и дружелюбной, чем полицейские в тюрьме. «Да, — думал Нимай, — животное может практиковать сознание Кришны. Я уже знаю это».

К тому времени, когда Гурудев прилетел наконец в Тривандрум, Нимай просидел в тюрьме пять дней. Гурудев и президент тривандрумского храма отправились к вице-мэру города, который регулярно посещал храм сознания Кришны, и рассказали ему о том, что произошло. Вице-мэр в присутствии преданных позволил в полицейский участок и приказал освободить Нимая. Гурудев, в свою очередь, отругал начальника полиции и пригрозил ему, что попросит власти разобраться, почему полиция безо всякого основания держала под стражей гражданина другого государства.

Сидя в камере, Нимай вдруг услышал голос Гурудева, а затем голос начальника полиции, который вежливо что-то отвечал Гурудеву. Нимай запрыгал от радости. Но затем он схватился за бороду. Как он может в таком виде предстать перед Гурудевом? Какой стыд! Как он объяснит ему, почему он так выглядит? И всё-таки Нимай был уверен, что его духовный учитель не отвергнет его. Гурудев, конечно же, знал, что Нимай всегда хотел лишь одного — предаться Кришне. Ожидая, когда за ним придут, Нимай отдал оставшийся хлеб своей сокамернице. «Если бы у меня было больше времени, — сказал он ей, — я бы обучил тебя сознанию Кришны». Нимай вспомнил слова пожилой женщины о том, что он обладает необычными способностями и может разговаривать с животными, но он тотчас же выкинул эту мысль из головы и подумал: «Я всего лишь жалкий арестант».

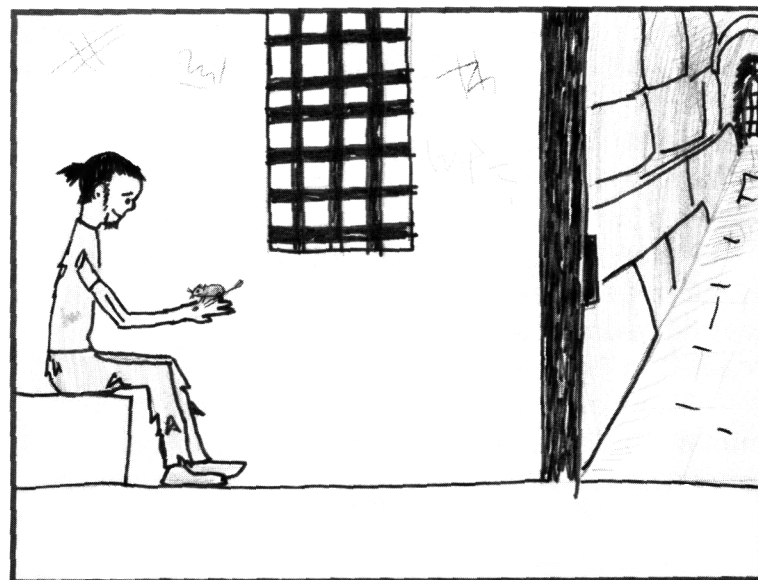
Когда начальник полиции и Гурудев наконец пришли, Нимай упал плашмя на пол и вслух произнёс *пранама-мантру*.

Нимаю не нужно было подробно рассказывать духовному учителю обо всём, что с ним произошло. Гурудев видел, что Нимай раскаивается в том, что оставил свои обязанности и отклонился от пути искреннего преданного служения. Он получил хороший урок. Без лишних разговоров его отвезли в храм, где он тотчас же принял душ и побрил лицо и голову.

После этого Нимай предстал перед Гурудевом и спросил:

— Что я должен делать? Дайте мне свои указания.

Гурудев сказал, что хочет, чтобы Нимай стал его помощником и сопровождал его в поездках. Получив такое приказание, Нимай почувствовал себя на седьмом небе и стал молиться о том, чтобы оказаться спо-

собным выполнять свои обязанности с твёрдой решимостью. Он понимал, что ему придётся выполнять обязанности, касающиеся личной стороны жизни Гурудева. Он решил, что справится с этим. Теперь по милости Кришны и под непосредственным руководством своего гуру он должен будет научиться не попадать под влияние *майи*.

Спустя несколько дней после освобождения Нимая Гурудев позвал его в свою комнату и сказал:

– Нимай, я знаю, ты иногда думаешь о своих мышках... Ты наверное, думаешь, чем они занимаются сейчас, остаются ли преданными и проповедуют ли другим мышам.

– Да, – ответил Нимай. – А иногда я вспоминаю о том, что мы делали с ними вместе и о чём они мне рассказывали.

– Я думал, о том, – продолжил Гурудев, – как сделать, чтобы твои мысли и воспоминания о них не мешали твоей практике сознания Кришны, и как тебе использовать свою склонность в сознании Кришны. И вот что я придумал. Не хотел бы ты сочинять истории о мышках или других живых существах. Наподобие историй «Хитопадешы». Только твои истории будут предназначены для детей из *гурукулы*. Что ты скажешь на это?

– Сочинять...сказки?

– Ты можешь назвать их по-другому. Например, притчи – притчи о сознании Кришны для детей.

– Но то, о чём я буду в них рассказывать, будет вымыслом?

– Ты можешь верить, что это правда, или просто допускать, что это могло произойти на самом деле. Но ты должен отнестись к этому занятию серьёзно и писать рассказы так, чтобы детям было интересно их слушать и чтобы матери хотели читать их своим детям.

– Но есть же настоящие, невыдуманные истории, – сказал Нимай, – истории о Кришне в книге «Кришна».

– Да, это так. И лучше этих историй ничего нет. Но преданные хотят читать и другие истории. Они очень хотят, чтобы кто-нибудь сочинял рассказы и повести о нынешних преданных Кришны и Прабхупады и писал книги о *санкиртане*. И они хотят, чтобы было больше книг для детей.

– Но как я могу учить детей? Мне кажется, я не достоин делать это.

– Тебе совсем необязательно быть учителем. Просто пиши рассказы, а другие будут читать их детям.

– А можно писать для взрослых? – спросил Нимай.

– Было бы лучше, если бы эти истории можно было рассказывать детям, но и взрослым тоже никто не будет запрещать их слушать. Но некоторые рассказы ты можешь писать больше для взрослых.

– А можно ли – вновь спросил Нимай, – сочинять рассказы для преданных?

– Да, – ответил Гурудев, – я думаю, что в этом нет ничего плохого, если только ты в точности будешь передавать в них учение сознания Кришны. Но только не сочиняй историй о Кришна-*миле*: ты ещё недостаточно духовно совершенен для этого.

– Гурудев, я совсем ещё несовершеннолетен, и я ни на что не способен без вашей помощи и поддержки. Но ваша идея мне очень нравится, и я хотел бы попробовать...

– Но не сочиняй истории одну за другой, – сказал Гурудева. – Делай это не каждый день, а только, когда не можешь иначе справиться со своим умом или когда они сами приходят тебе в голову. По правде говоря, я хотел бы, чтобы ты делал то, что и остальные преданные: повторял мантру, посещал утренние программы, читал «Шримад-Бхагаватам», – и чтобы у тебя было

какое-то постоянное занятие... Ты хотел бы вернуться на ферму?

– Мне кажется, что хотел бы, – ответил Нимай. – А что если мне вернуться в Гайану? Я должен был вернуться туда через полгода, чтобы встретиться с отцом той девушки... И ещё я договорился со своими мышами, что приеду повидать их.

Гурудев не знал, что ему сказать на это. Он позвал Нимая только для того, чтобы предложить сочинять истории. И Нимай не стал больше говорить о возвращении в Гайану. Гурудев хотел, чтобы вначале Нимай обдумал то, что он ему сказал.

В тот день Нимай почти не думал о предложении Гурудева. Он просто чувствовал радость после такого откровенного разговора со своим духовным учителем. Он вспомнил одно место из комментариев Шрилы Прабхупады, где тот говорит, что гуру может определить, к чему склонны его ученики, и умеет подобрать для них подходящее занятие. Одному он говорит: «Ты должен редактировать книги», – а другого отправляет работать на кухню. Судя по всему, Гурудев проявил сейчас такую способность, и Нимаю это доставило большое удовольствие.

На следующий день Нимай проснулся очень рано, около двух часов, и внезапно у него в голове само собой сложилось начало рассказа. Точно так же Чхота порой внезапно появлялся в его комнате и взбирался к нему на колено. Рассказ начинался словами: «Некогда жил один мальчик по имени Ану дас, который учился в *гурукле* и умел разговаривать с бабочками и цветами...». Нимаю тут же захотелось встать с постели, зажечь свет и написать рассказ для детей, как велел ему духовный учитель. Поднявшись, он взял лист бумаги и начал сочинять историю. А позже в тот же день он подсунул написанный рассказ под дверь Гурудеву.

Проповедь бабочкам

Некогда жил один мальчик по имени Ану дас, который учился в *гурукле* и умел разговаривать с бабочками и цветами. Бабочки и цветы тоже разговаривали с ним, и он понимал всё, что они ему говорили. Они говорили так тихо, что больше никто их не слышал. Правда, если люди подходили к Ану ближе и ветер дул в их сторону, до них доносились слабые голоса жёлтых и чёрных бабочек и красных роз, разговаривающих с мальчиком. Хотя Ану и любил поговорить с другими мальчиками об играх, еде и других пустяках – разговаривая с бабочками (а иногда он разговаривал и с птицами, которые прилетали в сад, где цвели розы), он говорил только о сознании Кришны. Ему нравилось проповедовать им.

Однажды, когда Ану было всего лишь шесть лет, отец спросил его:

– Ану, почему ты разговариваешь с бабочками?

– Я им проповедую, – сказал Ану, надеясь, что отец похвалит его.

– Лучше бы ты проповедовал людям, – проговорил отец. – Это намного важнее. Даже если бабочка и поймет тебя, что полезного она сможет сделать, став преданной?

– С ними легче разговаривать, – ответил Ану.

Он вспомнил, как однажды в парке один человек бросил бутылку в певших преданных, и она попала одному из них в голову.

– Ну ладно, – сказал отец, – я не запрещаю тебе делать это. Можешь разговаривать с цветами и птицами. Быть может, ты так научишься проповедовать, и потом, став старше, сможешь проповедовать людям.

И родители разрешили ему разговаривать в саду с цветами и бабочками, и он стал делать это почти каждый день. Летом он рассказывал бабочкам о том, как Кришна поднял холм Говардхан и защитил всех жителей, а также животных, птиц и растения Вриндавана от ливня. Он также рассказывал им, как милосердный Господь Чайтанья пел в лесу Харе Кришна и что даже птицы и бабочки пели вместе с Ним. А зимой он объяснял дружелюбно порхавшим вокруг него синичкам, как повторять и петь Харе Кришна. Ему казалось в тот момент, что птички чирикают ему в ответ: «Харе Кришна, Харе Кришна», – точно так же, как попугай, который жил у дяди и всё время кричал: «Харибол! Харе Кришна!». (Учитель Ану рассказал ему о том, что во Вриндаване есть два попугая, один из которых всё время говорит о Кришне, а другой – о Радхе.)

Прошло несколько лет, но Ану по-прежнему говорил о Кришне не с людьми, а с животными и растениями. И его отец беспокоился.

– Он отстанет в развитии, – сказал он.

Но мать на это ответила:

– Оставь его в покое, ему всего восемь лет.

Отец Ану был очень хорошим проповедником. Он рассказывал об учении Господа Чайтаньи в школах и на улицах. Он также распространял книги Прабхупады, хотя люди порой оскорбляли его, а полицейские грозили посадить в тюрьму. Он был таким же, как Прахлада, который ничего не боялся, так как знал, что Кришна защитит его. Даже если кто-то захочет причинить вред преданному, он сможет причинить вред только его телу, потому что душу нельзя ни рассечь на куски, ни утопить, ни сжечь, и её невозможно сделать несчастной или испугать. Преданному, помнящему Кришну, невозможно причинить никакое зло.

Отец Ану еще больше беспокоился, когда Ану исполнилось десять лет, а он по-прежнему больше любил разговаривать не с людьми, а один в саду. Когда же он всё-таки говорил с людьми, он произносил всего несколько фраз, например: «Передайте, пожалуйста, соль», – или: «Да, я сделал домашнее задание по математике. Пятью семь – тридцать пять». И люди считали Ану очень смешным.

Как-то, когда Ану было уже одиннадцать или двенадцать лет, несколько бабочек прилетели к нему в сад и, трепеща крылышками, сели ему на ладонь.

– Ты всегда был очень добр к нам, – сказали они, – и ты всё время рассказывал нам о Кришне.

Тут прилетела малиновка и пропищала: «Да, это правда». И цветы тоже закивали головками.

Ану был так добр ко всем живым существам в саду, что даже те животные, которые прежде убивали друг друга, перестали это делать под его влиянием. И в тот летний день все живые существа из сада пришли к Ану, чтобы поблагодарить его. А когда цветы, бабочки и птицы закончили говорить, одна необычайно пышная пурпурная роза раскрыла свои лепестки и тихо проговорила:

– Цветы и птицы попросили меня сказать тебе, что все мы считаем тебя уже достаточно опытным в проповеди и что теперь ты можешь попробовать рассказывать о Кришне людям. Когда же ты начнёшь проповедовать им, то, стоит тебе только вспомнить о нас, как мы тотчас придём тебе на помощь.

Ану очень обрадовался, когда птицы, бабочки и цветы выразили ему добрые пожелания и сказали, что он сможет проповедовать людям, с которыми так трудно разговаривать и которые иногда кидают в преданных бутылками.

Отец Ану терпеливо ждал, когда тот присоединится к нему и вместе с ним начнёт ежедневно проповедовать, выходя на улицу. Каждый день он уходил из дома с сумкой, полной книг Прабхупады, и возвращался лишь под вечер, и порой сумка его была наполовину пуста, а порой в ней не оставалось ни одной книги. Распространение книг приносило ему огромную радость. Ану знал, что книги предназначены для людей и что ни птицы, ни животные не способны понять, что в них написано. Поэтому было так важно учиться проповедовать людям.

Когда Ану сказал отцу, что готов проповедовать людям, тот спросил его:

– Как это ты так быстро повзрослел?

– Я учился проповедовать, как ты мне сказал, – ответил Ану. – А сегодня бабочки, птицы и цветы велели мне идти проповедовать людям. Они сказали, что, если мне станет страшно, они помогут мне, стоит мне только вспомнить о них.

– Что за небылицы! – воскликнул отец. – Ну ладно, если это поможет тебе проповедовать, думай, о чём хочешь.

С того дня отец и сын стали проповедовать вместе, и, хотя им приходилось сталкиваться с неприятными людьми, которые иногда даже звали полицию и угрожали им, их проповедь была очень успешной. И Господь Кришна был ими очень доволен.

Вечером того же дня Гурудев встретил Нимая в коридоре и сказал:

– Неплохо для начала. Но не берись пока за следующий рассказ. Сделай перерыв.

Нимай знал, что его «притче» далеко до настоящего рассказа. Гурудев просто подбадривал его. Но хорошо,

что он предостерёг Нимая и посоветовал ему не браться пока за следующий рассказ, так как Нимай чувствовал, что, раз попробовав писать рассказы о сознании Кришны, ему уже никогда не захочется бросать сочинять их.

Глава 15

(Н.г.д.)

Когда Гурудев предложил мне попробовать писать рассказы для преданных (он называет их «притчами»), я подумал, что он просто пытается занять меня каким-то делом. Я не хочу делать предположения и говорить за своего духовного учителя, почему он посоветовал мне сочинять истории. Он не сказал, что считает меня сумасшедшим или что у меня просто «слуховые галлюцинации». Он просто предложил мне начать писать. Правда он предложил мне это, когда говорил о моих отношениях с мышами-преданными, и завёл этот разговор в то время, когда, попав под влияние *майи*, я перестал служить Кришне в обществе преданных.

Когда я начал писать рассказы, это заставило меня задуматься над непростыми вопросами, касающимися меня самого, преданного служения и роли воображения в духовной жизни. Наверное, Гурудев хотел, чтобы я поразмышлял обо всём этом.

Гурудев сказал, что в рассказах не обязательно должно говориться о реальных событиях, главное, чтобы они основывались на учении сознания Кришны. И он предупредил меня, что персонажи в них, и их сюжеты не должны иметь никакого отношения к *лилам* Кришны, так как я не достиг ещё такого духовного уровня,

чтобы описывать *лилы* Господа. Поэтому я подумал, что, наверное, лучше рассказывать о том, как преданные преодолевают разные трудности и добиваются успеха, пытаюсь в *Кали-югу* служить Богу. Гурудев сказал, что художественное произведение, если оно хорошо написано, может доставить удовольствие и воодушевить и преданных и непреданных.

Однако, когда я начал писать, в моей голове стали появляться такие мысли: «Кто я такой, чтобы разыгрывать из себя гуру или Бога и рассказывать о людях и их делах. Я стою на самой низшей ступени духовного развития, а трансцендентные произведения могут создавать только те, кто достиг освобождения». Вот что пишет Шрила Прабхупада о создателях трансцендентной литературы:

Обычный человек не может писать книги о *бхакти*, ибо его произведения не будут оказывать на людей никакого воздействия. Такой человек может быть выдающимся учёным и прекрасным стилистом, однако всего этого недостаточно для создания трансцендентных произведений. <...> Секрет произведения, написанного преданным, заключается в том, что, когда он пишет об играх Господа, Сам Господь помогает ему: преданный не пишет в одиночку.

- *Чайтанья-чаритамрита*, Ади, 8.39, коммент.

«Соответствую ли я этому описанию, – думал я. – Нет. Что же из этого следует?.. Я просто покажу свои рассказы Гурудеву, и пусть он сам решит, что с ними делать – выбросить все до одного или всё же что-то оставить. Я действую под его руководством и пытаюсь рассказать людям то, что я узнал из книг Прабхупады. Конечно, это кажется странным, когда такие люди, как

я, пытаются делать что-либо подобное. Всё равно всё моё несовершенство и все мои недостатки будут видны, даже если я буду стараться в точности передавать учение сознания Кришны».

Что же касается воображения или фантазии, то я до сих пор не перестаю размышлять над этим. Если я сам погружаюсь иногда в фантазии, значит ли это, что я и других должен побуждать это делать. Можно ли считать фантазирование бегством от реальности? Вредно ли предаваться фантазиям? Эти вопросы ставят меня в тупик. С одной стороны, мне нравится сочинять истории, например истории, в которых действуют животные, умеющие говорить, – это даёт мне возможность более искренне и свободно высказывать свои мысли. Быть может, как раз поэтому Нарада Муни рассказал царю Прачинабархашату длинную вымышленную историю о царе, жившем в городе с девятью воротами, в котором начальником городской полиции был змей и на который в конце концов напали воины Времени, дни и ночи. Такой повествовательный приём называется аллегорией. В аллегоричных историях какая-то мысль высказывается не прямо, а иносказательно.

Начав писать рассказы, я так и не решил до конца, должны ли их сюжеты быть придуманными или взятыми из жизни и буду ли я писать их только для детей (я уж не говорю о других своих сомнениях). Я просто начал писать, помня о том, что по милости духовного учителя даже немой может проповедовать сознание Кришны.

Воспоминания о Прабхупаде в доме 26 по Второй авеню

Когда руководителям Общества сознания Кришны в Нью-Йорке удалось вновь арендовать старую квартиру Прабхупады, расположенную в доме №26 по Второй авеню, этот день стал для них одним из самых счастливых дней в их жизни. Прабхупада жил в этой квартире в 1966 году и приезжал сюда ещё год спустя, а потом она перешла в собственность непреданных, которым она принадлежала более двадцати лет. Чтобы отпраздновать такое знаменательное событие, преданные решили устроить вечер воспоминаний. Они хотели сделать в квартире музей. Те преданные, которые хранили вещи Прабхупады, оставшиеся у них с тех времён, согласились подарить их будущему музею, чтобы воссоздать в квартире ту обстановку, какой она была при Прабхупаде.

На вечер воспоминаний пришли некоторые из первых «мальчиков из магазинчика»: Мукунда Махарадж, Рупануга Прабху, Брахмананда Прабху. Они рассказали преданным о своём общении с Прабхупадой. Брахмананда вспоминал, как он в первый раз встретился с Прабхупадой в этой квартире. В тот день он рассказал Прабхупаде о профессоре, преподававшем им психологию в нью-йоркском университете и объяснявшем всё с точки зрения теории Фрейда, и о девушке, с которой он познакомился в Индии. Говоря с ним, Прабхупада с любовью смотрел куда-то поверх его головы. Позже Брахмананда обернулся и увидел над своей головой изображение Господа Чайтаньи.

Слушая истории, которые рассказывались там, где всё и происходило, преданные смотрели по сторонам и

пытались представить, как это всё было. Мукунда Махараджа повёл преданных в другую комнату и стал рассказывать, как здесь проходила его свадьба. Комната была полна дыма от жертвенного огня, но Прабхупада не открывал окон, боясь встревожить соседей. Пол здесь был тщательно вымыт, поэтому комната выглядела почти такой, какой она была тогда, когда Прабхупада жил здесь в 1966 году.

Один из преданных принёс медную трёхсекционную пароварку, в которой Прабхупада готовил в первые дни после приезда в Америку, и преданные приготовили в ней *прасад*. Они также принесли маленький индийский сундучок Прабхупады, который он использовал вместо стола, и пишущую машинку, очень похожую на первую машинку Прабхупады, и поставили их туда, где они стояли в то время. Нью-йоркский храм подарил будущему музею одну из своих самых дорогих реликвий: белые резиновые туфли Прабхупады, в которых он приехал в Америку и которые теперь были покрыты позолотой.

Это был незабываемый вечер, так как преданные говорили и вспоминали о Прабхупаде в обществе его первых учеников в доме, где он жил в самые первые дни после приезда в Америку. Расходясь, преданные договорились собираться хотя бы раз в месяц и устраивать такие же вечера.

Когда преданные ушли, выключив свет и заперев за собой дверь, в квартире воцарилась тишина. Однако интересные рассказы о Прабхупаде создали в квартире такую чудесную духовную атмосферу, что вещи Прабхупады начали разговаривать друг с другом, желая продолжить *вайшнава-катху*.

Первым заговорил потрепанный выкрашенный жёлтой краской сундучок.

– Как приятно вновь вернуться сюда и встретиться со всеми вами, – сказал он. – Я помню, как Прабхупада сидел за мной и иногда касался меня своими лотосоподобными стопами. Преданные сидели там, у стены. Все с интересом смотрели на меня, хотя я самый обычный индийский сундучок. Я никогда не забуду те дни, когда я служил Прабхупаде письменным столом.

– Мы помним тебя, – промолвили туфли Прабхупады. – В то время никто еще не знал, что у Прабхупады будет много красивых письменных столов. Ты был самым первым его столом, по крайней мере, в Америке. Сейчас-то мы знаем всю жизнь Прабхупады. Мы были надеты на лотосоподобные стопы чистого преданного, когда он ходил по улицам Нью-Йорка. Разве это не удивительно – ведь мы всего лишь простые туфли из Индии!

– Мы читали о вас, – вступили в разговор очки, лежавшие на столе в футляре. – В биографии Прабхупады рассказывается, как женщина в Пенсильвании увидела, что её сын схватил зубами тапочки Свамиджи, и подумала: «Какой ужас! Он ходил в них по всей Индии...».

– Ей было и невдомёк, что для нас это было огромным счастьем. Прабхупада ходил по улицам Манхэттена, на которых порой лежал снег, и мы становились совершенно мокрыми! Как нам хотелось тогда защитить от снега его лотосоподобные стопы! Но он никогда не жаловался. И вы все, конечно, знаете, что он очень осторожно обращался со своими вещами. Он никогда не швырял нас и пользовался нами очень аккуратно. Он воспринимал нас как энергию Кришны, которую необходимо использовать в служении Ему.

– Я могу подтвердить это, – сказал стальной нож для разрезания писем, тоже лежавший на столе. – Сва-

миджи открывал конверты очень аккуратно. Он обращался со мной так бережно, как никто другой. Он не только вскрывал конверт, но полностью его расклеивал и разгибал все его углы, а потом использовал его как бумагу для заметок. Он брал меня в руки очень ласково и всегда осторожно клал меня на одно и то же место. Он был очень аккуратным человеком и всегда следовал заведённому порядку.

– Не забудьте и о нас, – проговорили стены. – Мы были свидетелями стольких событий. Как-то Прабхупада даже сказал, что духовный учитель велел ему проповедовать стенам, если у него не будет других слушателей. И он действительно очень часто, встав рано утром, говорил с нами. На самом деле, когда он разговаривал, повторяя Святые Имена, и пел, он обращался к Кришне, находившемуся в его сердце, но кроме нас здесь тогда никого не было. Мы видели, как Свамиджи жил здесь в самые первые дни после своего приезда в Нью-Йорк. И мы слушали его задолго до того, как кто-то ещё понял, какая это необыкновенная личность.

– Какое счастье, что здесь больше не ходят непреданные! – воскликнули доски пола. – После того как Прабхупада уехал из этой квартиры, мы очень горевали, словно мать-земля после ухода Кришны. После его отъезда в этой комнате на этом полу происходило столько отвратительных событий. Мы и не мечтали, что когда-нибудь сможем вспоминать о Прабхупаде вместе с остальными его вещами. Мы помним, как мягко Прабхупада ступал по полу босыми ногами. Иногда он входил в другую комнату, чтобы провести *арати*, которое преданные называли «церемонией колокольчиков», или выходил в прихожую, чтобы открыть дверь и впустить очередного хиппи, которого он усаживал в своей комнате и с которым заводил разговор. И когда

он так ходил из одной комнаты в другую, мы испытывали райское блаженство.

– Выслушайте и мой рассказ, – подала голос из кухни пароварка. – Я была первой кастрюлей, в которой Шрила Прабхупада готовил здесь рис и *сабджи*, и за это меня прославляют во всех трёх мирах. Прабхупада очень точно, словно искусный химик, отмерял необходимое количество специй и клал овощи в соответствующую секцию. Позже он начал готовить столько *прасада*, что я стала уже мала для него. Но я была с ним в первые дни его жизни здесь, и я словно символ тех дней, когда он был совершенно один и все блюда мог приготовить для себя в одной кастрюле.

Так один за другим говорили предметы, уголки и трещины этой знаменитой квартиры, подтверждая своими рассказами, что в этих комнатах в течение многих месяцев жил чистый преданный, который основал здесь Международное общество сознания Кришны. Комнаты и вещи разговаривали почти до самого рассвета, а потом вновь погрузились в молчание. Они вновь стали лишь безмолвными предметами, однако они были окружены особым ореолом из-за соприкосновения с великой личностью, о которой невозможно забыть.

Глава 16

(C.g.r.)

Дорогой, Нимай!

Прими, пожалуйста, от меня благословение Прабхупады. Слава Шриле Прабхупаде!

Мне понравился твой рассказ, и особенно мне понравилось то, что ты вспоминаешь в нём Прабхупаду.

То, что ты наделил предметы, принадлежавшие Прабхупаде, способностью говорить, не только интересный приём. Это заставляет нас задуматься над тем, что эти предметы действительно достойны почитания и что мы должны почитать их.

В священных писаниях в некоторых местах говорится о предметах, принадлежащих Господу, а также о вещах, которые принадлежат чистому преданному. Твой рассказ напомнил мне о словах, сказанных в «Шримад-Бхагаватам» Господом Шивой Парвати. Он говорит следующее:

*арадхананам сарвешам
вишнор арадханам парам
тасмат паратарам деви
тадийянам самарчанам*

- *Лагху-бхагаватамрита*», 2.4

В этом стихе говорится, что поклонение Господу Вишну превосходит поклонение всем другим богам, однако «поклонение предметам, имеющим какое-либо отношение к Вишну», превосходит даже поклонение Самому Вишну. Слово *тадийянам* означает «всё, что связано с Кришной». Прежде всего, здесь подразумевается человек, который служит Господу, но оно включает в себя также и предметы, которыми пользуется Господь или Его преданный. Преданного самого можно назвать живым инструментом, используемым в служении Кришне. И когда он пользуется какими-то предметами, они одухотворяются. Наверное, наилучший пример тому – флейта Кришны. *Гопи* говорят, что флейта всего лишь бамбуковая тростинка, «потомок» деревьев, растущих на берегу Ямуны. Но поскольку её касаются лотосоподобные губы Кришны, она занимает по-

ложение, которому завидуют даже *gopi*. Здесь можно привести и случай с Махараджей Пратапарудрой. Когда Махарадж Пратапарудра захотел выразить своё почтение Господу Чайтанье, Господь вначале отказался встречаться с царём, однако Он разрешил дать царю клочок Своей одежды. Царь с радостью взял клочок одежды Господа Чайтаньи и стал поклоняться ему, твёрдо веря, что этот клочок ткани неотличен от Самого Господа. И Господь оценил глубокую веру царя.

Из этого следует, что музеи, в которых собраны личные вещи Его Божественной Милости Шрилы Прабхупады, – это *тиртхи*, достойные поклонения. У последователей Прабхупады очень много работы, так как они должны продолжать начатое им дело. Они не сидят в музеях, размышляя о предметах, принадлежавших когда-то Прабхупаде. И, тем не менее, они должны находить время и для этого.

Я знаю, что тебя беспокоит вопрос, совместимо ли фантазирование с духовной практикой. Тот небольшой эксперимент, который мы решили провести, чтобы посмотреть, что получится из твоего сочинительства, ещё в самом начале, и я не хочу лишать тебя энтузиазма, хоть я и не могу сказать, что полностью одобряю это занятие. Однако я убеждён, что даже если я запрещу тебе фантазировать, ты не сможешь уничтожить в себе склонность к фантазированию. Поэтому лучше всего придумать, как использовать твою наклонность в служении Кришне, если такое вообще возможно. Именно поэтому я и предложил тебе использовать своё воображение и способность к созданию метафор и аллегорий в сочинительстве притч, в которых, так или иначе, рассказывается о сознании Кришны. Я также попросил тебя показывать эти притчи мне, чтобы мы могли решить, давать ли их читать остальным преданным или

нет. Пиши не с целью стать знаменитым писателем, а смотри на своё сочинительство как на служение Господу. Шрила Прабхупада воодушевлял преданных писать книги. Он говорил, что, сознаём мы это или нет, мы пишем ради собственного очищения. И это должно быть нашей главной целью. Заставляя ум размышлять над вопросами, связанными с сознанием Кришны, мы можем таким образом очистить его и даже избавиться в процессе сочинительства от материалистических побуждений.

Пиши о том, что тебя по-настоящему волнует. Говори о своих сомнениях и проблемах и старайся разрешать их с помощью трансцендентного знания. Но помни, что литературное произведение можно считать отражающим ведическую точку зрения только в случае, если его автор лишён недостатков и не стремится затмить собой предшествующих *ачарьев*.

Я с большим интересом ожидаю твоих новых рассказов. Ты можешь писать их в какое-то определённое время, только следи за тем, чтобы это не мешало тебе выполнять твои основные обязанности. Ты должен каждый день приходить в храм на утреннюю программу, повторять шестнадцать кругов мантры, слушать «Шримад-Бхагаватам» (который является самым совершенным литературным и философским произведением) и проповедовать, выходя на *санкиртану*. Не мни себя «писателем», а старайся думать о себе как о слуге слуги слуги тех, кто пытается служить Господу. Присылай мне копии своих рассказов, и я буду высказывать тебе своё мнение, следует ли давать их читать преданным и их детям.

Глава 17

(Н.д.д.)

Мальчик, который хотел стать грихастхой

Жил-был мальчик, который учился в *гурукле* и который думал, что, когда вырастет, то обязательно женится. Ведь его отец был женат, и даже те мудрецы, у которых никогда не было жён, были сыновьями женатых родителей. Поэтому женитьба казалась ему чем-то предопределённым. Этот мальчик, которого звали Дхира дас, был слишком мал, чтобы серьёзно думать о женитьбе. Однако когда его дядя или старший преданный спрашивал его: «Когда ты вырастешь, то будешь брахмачари?» – он отвечал: «Нет, я буду *грихастхой*». Его родители очень удивлялись, что такой маленький мальчик уже решил, что станет *грихастхой*.

Но когда он вырос, то оказалось, что жениться не так уже легко. Во-первых, он принадлежал к обществу людей, целью которых было чистое преданное служение Кришне. А преданные Кришны стараются не брать в жёны или мужья тех, кто не любит Кришну. Иногда люди спрашивают преданных: «Вам разрешают вступать в брак с теми, кто не принадлежит к вашему обществу?» И преданные при этом думают: «Что за странный вопрос». Никто не запрещает им брать в жёны или мужья непреданных, но можно ли любить того, кто не любит Кришну? И поскольку тех, кто любит Кришну, очень и очень мало, преданному иногда бывает трудно найти мужа или жену, когда приходит время выходить замуж или жениться.

Что же касается Дхиры, то ему трудно было жениться ещё и потому, что он был мал ростом и не очень

красив, а девушкам обычно нравятся юноши, хоть немного походившие на Рамачандру или Лакшману. Конечно, преданные должны любить всех, однако нельзя ожидать, что юная девушка захочет выйти замуж за того, кто ненамного красивее Ямадуты или Руры. Правда тут можно вспомнить Вьясадеву. Он был настолько безобразен, что его жёны не могли смотреть на него. Одна из жён, придя к Вьясе, закрыла глаза, и в результате родила слепого ребёнка, которого называли Дхритараштрой. Другая жена побледнела, оставшись наедине с Вьясой, и из-за этого родила ребёнка, который был необычайно бледным, – это был Панду. Но его третья жена, которая была *шудрой*, очень хорошо ему служила и благодаря этому родила сына, Видуру, который стал великим преданным.

Умные девушки понимают, что красота – это не только красивая внешность, и потому они больше обращают внимание на качества того, за кого они хотят выйти замуж. Для них также важно, повторяет ли юноша мантру Харе Кришна и предался ли он Господу. Если девушка сможет найти мужа, которого все считают хорошим преданным, то, пусть даже он окажется некрасив, это будет для неё большой удачей. Преданные должны прежде всего смотреть, является ли тот, с кем они хотят вступить в брак, серьёзным преданным. Прабхупада в своих комментариях пишет:

Преданные выше всех материальных соображений, поэтому их союз в любом случае будет счастливым.

- Шримад-Бхагаватам, 6.2.26, коммент.

Для некоторых девушек большое значение имеет, сможет ли преданный содержать её. Они стремятся найти мужчину, который знает, как выжить в материаль-

ном мире. И если юноша хорош собой и серьёзно относится к преданному служению, но беден, как Судама Випра (который жил в такой нищете, что его жена никогда не ела досыта), то девушка, скорее всего, отвергнет его.

Дхира дас не отвечал всем необходимым требованиям и потому не мог найти себе жену. И всё же он считал, что должен жениться, и надеялся, что где-то есть девушка, которая оценит его по достоинству. Он думал, что, быть может, где-то есть девушка, которая тоже хочет выйти замуж и которую другие мужчины отвергли, и, может, она и Дхира понравятся друг другу и у них получится хорошая пара. Иногда – особенно когда ему исполнилось двадцать лет, а у него всё ещё не было жены – его охватывало сильное беспокойство, и он начинал с тревогой думать, удастся ли ему вообще жениться.

Тот, кто слишком много говорит или думает о женитьбе или замужестве, находится в *майе*, тогда как мысли, слова и занятия преданного должны быть связаны только со служением Кришне. Поэтому Дхира решил не говорить больше о своей женитьбе. Но он продолжал думать о ней, а иногда видел об этом сны.

Однажды к нему во сне пришла сваха. Она сказала:

– Я могу сосватать тебе любую девушку, какую ты только пожелаешь. Я женю тебя на ней в награду за твое преданное служение Верховному Господу.

Дхира очень сомневался, что эта Сваха сама была преданной Господа, так как он никогда не встречал упоминания о такой личности в ведических писаниях. Он слышал о свахах, и даже в Чайтанья-*миле* была такая личность, которая устроила свадьбу Господа Чайтанья и Лакшми-деви. Но это было совсем другое дело.

– Ты сможешь найти мне девушку, которая была бы хорошей преданной и обладала всеми остальными достоинствами? – спросил Дхира.

– Тебе стоит только попросить, и я исполню твою просьбу, – ответила Сваха. – У тебя есть ещё какие-нибудь пожелания?

Дхира на секунду задумался, а потом сказал:

– Ещё я хочу у тебя спросить: ты знаешь конечную цель жизни?

Сваха засмеялась. Это была невысокая грузная женщина, одетая в деловой костюм.

– Станный вопрос для человека, который пользуется услугами свахи, чтобы найти себе жену. Если у тебя такие высокие стремления, почему ты тогда хочешь жениться? Что же касается конечной цели, то я знаю, что цель жизни – вырваться из круговорота рождения и смерти и избавиться от страданий, которые неизбежны в материальном мире. Но это постепенный процесс. Счастливый брак даёт человеку возможность одновременно удовлетворять свои потребности в рамках системы *варнашрамы*, обуздывать свои желания и заниматься духовной деятельностью. Ну а теперь, если ты закончил экзаменовывать меня, мы можем продолжить. Правда если ты действительно хочешь найти «девушку своей мечты». Я не могу сидеть с тобой всю ночь. Есть много других обусловленных душ, которые нуждаются в моих услугах.

Дхира был огорчён тем, что обидел Сваху, и не хотел больше досаждать ей своими вопросами. Он боялся, что она уйдёт, и он упустит такую прекрасную возможность. Но он не хотел, чтобы что-то повредило его сознанию Кришны. Поэтому он о многом ещё хотел спросить Сваху. Например, он хотел знать, разрешено ли ей заниматься такой деятельностью. Как он мог доверять ей в таком важном и очень личном деле, не зная ни её, ни

того, как она относится к Кришне и чистому преданному служению. Но с другой стороны, женитьба не относится к сфере духовной деятельности. Преданный не должен бояться соприкоснуться с материальной стороной супружества, а иначе, как сказала Сваха, зачем тогда жениться. Однако это замечание Свахи о высоких стремлениях насторожило Дхиру. Судя по всему, она не очень серьезно относилась к браку, видя в нём, по видимому, лишь «возможность для неразумных людей законно предаваться чувственным удовольствиям». Дхира же предпочитал смотреть на женитьбу с духовной точки зрения. Семеро из двенадцати *махаджан*, а также все члены Панча-таттвы были семейными людьми, и все эти *грихастхи*, женившись, не стали меньше внимания уделять своей духовной жизни.

– Ну так что? – спросила Сваха и посмотрела на часы. Она достала ноутбук и застучала по клавишам.

Дхира решил довериться Свахе. Как говорила его мать, нищие не могут быть слишком разборчивыми.

– Я бы хотел найти красивую девушку, которая любила бы меня и была бы преданной Кришны, – сказал он.

Сваха нажала несколько клавиш и посмотрела на экран. При этом у неё было такое же строгое и непроницаемое выражение лица, как у сотрудника авиакомпании, который вводит вашу фамилию в компьютер, а затем ожидает появления на экране информации о заказанных вами билетах.

– Твоя ситуация немного необычная, – наконец проговорила она, откидываясь на спинку кресла. – Прежде чем искать девушку, о которой ты мечтаешь, я хотела бы предложить тебе воспользоваться одной из наших услуг.

– Какой?

– Ты не хотел бы стать более красивым?

– А вы можете сделать это? – спросил Дхира. Но ещё произнося эти слова, он почувствовал, как погружается в иллюзию. В то время как Дхире снился этот разговор со Свахой, какая-то часть его наблюдала за всем и понимала, что это *майя*. Это был один из тех снов, в которых он никогда не кричал: «Кришна! Спаси меня!».

– Так ты хочешь этого? – вновь спросила Сваха.

– Ладно, давайте, – согласился Дхира.

И в следующую секунду он уже смотрел в зеркало и видел в нём себя, ставшего вдруг красивым и сильным. Он по-прежнему был тем же Дхирой... или уже не был? Ему очень понравилась внешность того юноши, которого он видел в зеркале. «Он и правда очень красив, – подумал он. – Он понравится любой женщине». Однако в то же время что-то в нём противилось тому, что он видел и чувствовал. Он никогда не считал себя смиренным человеком, но в последнее время стал понимать, что, хотя он и не достиг ещё высокого духовного уровня, всё же по милости гуру и Кришны какое-то смирение у него появилось. И до этого момента у него было намного больше смирения, чем теперь, когда он смотрел на этого прекрасного принца в зеркале. «Дарёному коню в зубы не смотрят», – вспомнил он пословицу, которую слышал от отца.

Сваха подождала несколько минут, давая Дхире время прийти в себя после внезапного преобразования.

– Ну как, нравится? – спросила она. – Надеюсь, теперь ты понимаешь, что мы не дурачим людей. Мы знаем своё дело. А теперь, с твоего позволения, мы продолжим и попробуем найти для тебя подходящую пару – и Сваха начала вводить в компьютер новые сведения.

– Подождите, – воскликнул Дхира.

– Ну, что ещё?

– Но ведь на самом деле это не я!

Хотя Дхире и нравился этот прекрасный юноша в зеркале с мужественным взглядом, квадратной челюстью и красивыми зубами, он очень хотел обрести прежний облик.

– Если Вы настоящая Сваха, – проговорил он, – то неужели Вы не можете подыскать мне такую жену, какую я хочу, не изменяя моей внешности? Мне кажется, что это изменение внешности противоречит закону кармы.

– Что ты себе позволяешь? – вскричала разгневанная Сваха. – Ты что, хочешь сказать, что я делаю что-то незаконное? Да будет тебе известно, что моя деятельность одобрена всеми высшими инстанциями. Я не делаю ничего, противоречащее законам природы! Ты попросил найти тебе красивую жену, и я нашла наилучшее логическое решение этой задачи. Ты хочешь жениться или нет? Скажи мне прямо, чтобы я не тратила попусту время.

– Я хочу жениться, – ответил Дхира. – Но... я хочу остаться таким... какой я есть.

– Я уже объяснила тебе, что это уменьшает твои шансы найти такую девушку, какую ты хочешь. Но если ты настаиваешь, я попробую что-нибудь сделать.

Сваха полистала толстый справочник, посчитала что-то на калькуляторе, вновь постучала по клавишам компьютера и, взглядевшись в экран, сказала:

– Судя по расположению звёзд у тебя сейчас очень благоприятный период. Мне удалось найти для тебя жену, и ты прямо сейчас можешь побеседовать и обручиться с ней.

И Дхира отправился в сквер, расположенный неподалеку от храма, на встречу с женщиной, которую звали Матаджи. Она понравилась ему с первого же взгляда. На ней было *сари*, и она была довольно красива. Прав-

да она была, по-видимому, немного старше Дхиры, но он решил, что это тоже неплохо. В ней чувствовалась материнская теплота.

– Я бы хотел, – сказал Дхира, – чтобы мы с женой были прежде всего друзьями и чтобы моя семейная жизнь во всём была такой, какой её описывает Прабхупада в своих книгах. Мы с женой должны строго следовать всем правилам и предписаниям, но, конечно же, я не против того, чтобы в нашей жизни были кое-какие удовольствия, разрешённые священными писаниями. В них говорится, что муж и жена могут жить, как Лакшми и Нараяна, в противном случае жена становится подобна тигрице или ведьме. Конечно, я бы хотел, чтобы моя жена была подобна богине процветания. Мы могли бы тогда мирно жить и растить детей, сосредоточив все свои помыслы на Кришне и духовном учителе. А если между нами возникнут какие-нибудь разногласия, мы не станем придавать им большое значение.

– Да, – сказала в ответ Матаджи, – я бы тоже хотела, чтобы всё было так, как вы говорите. Однако брак имеет много практических сторон. Прежде всего мы должны лучше узнать друг друга и понять, подходим ли мы друг другу. Потом мы должны решить, будем ли мы жить в храме или отдельно, на какие средства мы будем существовать и многое другое. Если муж и жена искренни, им нетрудно будет решить все эти вопросы. Самое главное – не витать в облаках, а стать настоящими друзьями. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Да, – кивнул Дхира. – Я согласен с вами. Матаджи, Вы любите читать «Шримад-Бхагаватам»?

– О, очень люблю! – воскликнула Матаджи.

Так они мирно беседовали ещё около получаса, а затем Матаджи сказала, что должна идти, так как у неё ещё много работы.

Дхира вернулся к Свахе. Та сидела за компьютером, и её губы были плотно сжаты, из чего Дхира понял, что она увидела на экране что-то, что ей очень не понравилось.

– Она мне нравится, – сказал Дхира Свахе. – Я не прочь жениться на ней.

– К сожалению, она отказалась выйти за тебя замуж, – проговорила Сваха, опустив глаза.

Она была очень огорчена тем, что её попытка найти Дхире жену окончилась неудачей. С губ Дхиры готовы были сорваться слова упрёка, но он сдержал себя. «Хорошо еще, что я мало знаком с Матаджи и не успел сильно к ней привязаться», – подумал он.

– Такого со мной ещё никогда не случалось, – вымолвила Сваха. – Это дело – настоящее испытание моего мастерства.

А тем временем настоящему Дхире дасу, который спал и видел этот сон, очень хотелось проснуться и вырваться из плена иллюзии. Всё его тело, и особенно лицо, веки и голова, казалось, налилось свинцом. Он был словно одурманен сном. В голове у него промелькнула мысль, что нужно встать и начать повторять Святые Имена, даже если из-за этого он не выспится. Но его тело было таким тяжёлым и беспомощным, что он не мог даже пошевелиться. Его глаза быстро задвигались под опущенными веками, и он вновь погрузился в сон.

На этот раз ему приснилась девушка, которая была самым совершенством. Во сне Дхира сознавал, что жизнь быстро проходит, и ему не хотелось больше испытывать разочарования, ожидая, когда он наконец найдёт девушку своей мечты. Поэтому он не стал обращаться к Свахе; девушка просто внезапно появилась за одним из столиков ресторана «Говинда», и он сразу же подошёл к ней. У неё было привлекательное и жизнерадо-

стное лицо, и она выглядела очень юной. И, конечно же, она была преданной.

– Ты мне нравишься, – сказала она, как иногда говорят девушки в снах, – потому что ты всем управляешь.

Дхиру очень удивили её слова. Они показались ему загадочными, но, услышав их, он почувствовал радость.

– Почему ты говоришь, что я всем управляю? – спросил он.

– Потому что это действительно так, – засмеялась она.

Он сел рядом с ней. Они сразу нашли общий язык, словно были уже давно знакомы. Девушка сказала, что её зовут Майей.

– Странное имя для преданной, – заметил Дхира. – Почему ты не сменишь его? – спросил он, но она не ответила.

Вскоре они поженились, и у них родилось трое детей. Дхира умудрялся зарабатывать деньги, не прикладывая к этому особых усилий, и все поздравляли его с удачной женитьбой.

Настоящий Дхира дас, видевший этот сон, подумал: «Как здорово!» – и его глаза задвигались ещё быстрее.

Но прошло немного времени, и девушка превратилась вдруг в ведьму. Нет, она не стала ведьмой в прямом смысле, просто неожиданно в ней обнаружилось множество дурных наклонностей. Она оказалась такой отвратительной, что о ней не хочется даже говорить.

Хотя поначалу Майя даси казалась милой девушкой, полной всех совершенств, теперь она стала относиться к Дхире очень враждебно и начала выискивать в нём недостатки (которые не так уж сложно было обнаружить). Она стала заводить знакомства с другими мужчинами и совсем забросила свои духовные занятия. Почему же всё так произошло? Ведь вначале всё

было так замечательно. На это существует только один ответ: такова природа материального существования.

Когда Дхира спросил у неё, зачем она вышла за него замуж, она ответила, что это он заставил её выйти за него, что, конечно же, было неправдой.

– Я, наверное, была в *майе*, когда выходила за тебя, – сказала она. – Уж кто-кто, а ты-то точно не Прекрасный Принц.

Дхира вздохнул. «Почему так всё случилось?» – подумал он и заплакал.

А дальше стало ещё хуже. Храм не мог больше платить ему, и ему нужно было теперь искать работу и квартиру, что для него было очень нелегко сделать. Затем его дети стали плохо себя вести в школе. Учитель сказал ему, что они начали лгать и обманывать. И вдобавок ко всему он стал не успевать повторять шестнадцать кругов мантры в день.

Он взывал о помощи, но никто его не слышал, как никто не слышит человека, упавшего в поле в старый колодец и зовущего на помощь.

Затем Дхире приснилось, что он на самом деле упал в колодец. «Почему это со мной случилось?» – спрашивал он. И тут наверху появилась голова *санньяси*, и этот *санньяси* сказал:

– Это случилось потому, что ты пытался всё устроить сам. Если бы ты был более терпелив и принял положение вещей таким, как оно есть, то у тебя всё было бы благополучно. Желая жениться, ты должен был просто положиться на Кришну, и Он исполнил бы твоё желание.

– Но... – на языке у Дхиры вертелась тысяча оправданий. Ему казалось, что с ним поступили нечестно. Однако доказывать что-либо было уже поздно: он вновь упал на самое дно материального существования.

Когда Дхира дас проснулся и понял, что всё это было лишь сном, он почувствовал огромное облегчение. По-молившись Господу, он решил, что никогда больше не будет жаловаться на свою судьбу. Рассмотрев всё с философской точки зрения, он пришёл к мнению, что всё в его жизни происходит по милости Кришны. И даже когда сам сон забылся, он не изменил этого мнения. Приснившийся ему сон оказался для него хорошим уроком.

Немного спустя, читая «Шримад-Бхагаватам», Дхира наткнулся в комментарии Бхактиведанты на строки, в которых говорилось то же самое, что, как решил Дхира, Господь хотел сказать ему этим сном. Эти строки гласили:

Поэтому исполнение своих желаний нужно доверить Верховной Личности Бога, и это будет самым мудрым решением. <...> Предоставив право выбора Верховному Господу, мы получим от Него такие благословения, о которых даже не смеем мечтать.

- Шримад-Бхагаватам, 3.21.28, коммент.

Глава 18

Милосердные мыши

Жил-был мальчик по имени Манаса, которому повезло встретиться истинного духовного учителя. Однажды он пришёл к учителю за наставлениями, но, когда он начал говорить, учитель сказал ему:

– Ты говоришь только о себе и своих трудностях. Постарайся расширить своё видение и развить в себе

желание помогать другим. Того, кто стремится помогать другим людям, называют *махатмой*. *Махатма* – это тот, кто, развив в себе любовь к Кришне, стал велик душой.

Круг интересов и забот Манасы был ограничен его собственным маленьким мирком, однако, желая доставить удовольствие своему гуру, он попытался взглянуть в тот мир, который его окружал.

Однажды он сел и стал думать об этом окружавшем его мире. И тут он увидел необыкновенных существ, которые, хоть и находились в мышинных телах, были преданными. Манаса, конечно же, не видел и не слышал их в действительности, так как эти мыши-преданные жили в далёкой стране, но он увидел их в своём воображении. И воображение стало рисовать ему картины их жизни. Само собой разумеется, фантазируя, Манаса не уподоблялся философам-*майявади*, которые представляют Бога и мир совершенно отличными от того, что утверждается в достоверных священных писаниях. (Прахупада говорил о *майявади*, что «их иллюзорные представления ведут к ещё большей иллюзии».) То, что представлял Манаса, думая о мышах-преданных, как это ни странно, было основано на реальном опыте и не противоречило ведическому учению. Вот что представил Манаса, попытавшись развить в себе сострадание.

В Гайане жили трое мышей-преданных, которые старались распространить сознание Кришны среди всех мышей, населяющих эту страну. Эти мыши родились в Северной Америке, в Южную Америку их привёз друг, Мина дас, обучивший их практике сознания Кришны. Как эти мыши стали преданными Кришны – отдельная история, которую я расскажу в другой раз. Но если кто-то спросит, как это стало возможным, я отвечу: благодаря непостижимой милости Кришны и гуру. В

«Гаруда-пуране» говорится, что даже низшие живые существа, например насекомые, могут стать преданными слугами Господа.

Когда Мина дас уехал из Гайаны, мыши, которых звали Чхота, Ямала и Арджуна, почувствовали себя очень одинокими, но, вспомнив наставления своего друга-человека, они собрались с духом и начали проповедовать. В те дни преданные-люди проводили в Гайане *пада-ятру*, многодневное шествие, сопровождаемое пением Святых Имён. И мыши тоже присоединились к ней. Иногда они шли вместе с колонной, а иногда взбирались на повозки и ехали на них. Когда люди останавливались, чтобы устроить в каком-нибудь месте фестиваль, мыши останавливались тоже и начинали проповедовать местным мышам.

Однажды преданные сделали остановку около лепрозория. Лица живущих там прокажённых были обезображены болезнью, а у некоторых не было даже рук. К ним почти никто не приходил, и поэтому они очень обрадовались, когда в больнице появились преданные и начали играть на музыкальных инструментах и громко петь Харе Кришна. Прокажённые с радостью присоединились к поющим и даже пытались хлопать в ладоши, с трудом двигая изуродованными руками. Порой, когда непреданные слушают пение Святых Имён, им это очень быстро наскучивает. Но прокажённым очень понравился *киртан*, и хотя преданные пели больше часа, пение не надоедало обитателям лечебницы, и они продолжали повторять вслед за преданными:

*Харе Кришна, Харе Кришна,
Кришна Кришна, Харе Харе
Харе Рама, Харе Рама,
Рама Рама, Харе Харе.*

Когда *киртан* закончился, один из преданных объяснил значение Имён Бога и призвал обитателей лечебницы каждый день самостоятельно повторять Их. Преданные уходили из лепрозория в уверенности, что доставили Господу Чайтанье большую радость, позволив получить Его милость тем, кто живёт в месте, где люди обычно обходят стороной.

Пример преданных придал смелости мышам, бывшим свидетелями этого необычного *киртана*, и побудил их проявить сострадание к тем, кто был отвергнут обществом. В мышинном сообществе есть мыши, которых называют «танцующими мышами». Люди иногда встречают таких мышей и с удивлением наблюдают за тем, как те кружатся. Они прозвали их «танцующими мышами» потому, что эти мыши выглядят так, словно они радостно танцуют в танцевальном зале. На самом деле у этих мышей серьёзное заболевание мозга. Здоровые мыши не позволяют им жить в обществе и иногда даже нападают на них. И Чхота, Ямала и Арджуна, продолжая проповедовать обыкновенным мышам, начали встречаться и с «танцующими мышами». Мина дас когда-то объяснил им, что в материальном мире все существа, даже те, кто считают себя абсолютно здоровыми, в той или иной степени безумны и больны, поскольку такова природа материального мира. Никто из живущих здесь не может избежать рождения, болезней, старости и смерти.

Мыши-проповедники обнаружили, что «танцующие» мыши, намного восприимчивее обыкновенных мышей. Они охотно слушали пение Святых Имён и с благодарностью принимали от мышей-преданных освящённую пищу, от чего последние испытывали огромное удовлетворение.

В конце дня, проведённого в активной проповеди, когда мыши сидели и потягивали молоко, они стали

говорить о том, что их наставник-человек по имени Мина дас будет очень доволен их *санкиртаной*.

– Мина дас очень обрадуется, узнав о наших попытках сделать преданными танцующих мышей, — сказал Чхота.

– А мы можем как-нибудь сообщить ему об этом? — спросил Ямала.

– В этом нет необходимости, — ответил Чхота, — к тому же это совершенно невозможно. Но даже если мы не сможем ни написать ему, ни поговорить с ним, мы всё равно достигнем цели, если будем просто стараться доставить ему удовольствие, потому что тогда Кришна, который всё видит, будет доволен нами. Об этом нам говорил и сам Мина. Помните, он рассказывал нам историю о *брахмане* из Южной Индии? Этот *брахман* предлагал сладкий рис Кришне в уме, и Господь, находившийся в это время на Вайкунтхе, был очень доволен им.

Разговаривая так о своём наставнике-человеке, мыши ещё сильнее ощутили, как им не хватает его. Они были убеждены, что если они будут стараться доставить ему удовольствие, он так или иначе узнает об их деятельности.

А в это время Мина дас, который находился в Индии, в десяти тысячах миль от мышей, тоже думал о них. Он был очень занят, так как служил в Индии своему духовному учителю, но он не забывал о своих друзьях, оставшихся в Гайане. Думая о них, он пытался представить, что мыши-преданные делают сейчас. Он не считал, что занимает по отношению к ним более высокое положение, для него они были просто друзьями. Поэтому его очень воодушевляло то, с каким состраданием они относились к другим живым существам и с какой решимостью проповедовали. Поскольку Мина дас был человеком и мог читать ведические писания,

он делился с мышами прочитанным. А мыши просили его рассказывать им также и о том, что ему самому удалось понять о духовной жизни.

А в Гайане люди-преданные обсуждали в это время между собой, стоит ли им идти на фестиваль, который устраивался в честь некоего индийского *пандита*, приехавшего в страну.

– Я считаю, что нам не следует туда идти, – говорил один преданный. – Слушать *майявади* очень опасно. Этот *пандит* учит людей не поклоняться Верховной Личности Бога и цитирует Веды, чтобы доказать, что «каждый – Бог» и что все мы едины в безличном Духе.

– Не беспокойся, мы не собираемся слушать его, – говорил другой. – Но туда придёт толпа людей, и мы должны хотя бы встать у входа, попеть Харе Кришна и раздать людям книги и журналы.

Мнения преданных разделились. Они решили позвонить своему региональному секретарю, который был в это время в Индии, но не смогли до него дозвониться. В конце концов они решили пойти на фестиваль, но не входить в *пандал* и не слушать ни *пандита-майявади*, ни его учеников.

Мыши тоже решили отправиться на фестиваль, но, будучи бесстрашными проповедниками, они намеревались войти внутрь и, собрав всех пришедших туда мышей, рассказать им о сознании Кришны.

На таких фестивалях в *пандале* обычно сооружалась сцена, а перед ней рядами ставили кресла с откидными сиденьями. Обычно входя в *пандал*, мыши-преданные пробирались сквозь толпу и извещали всех встречавшихся им мышей, что в дальнем углу *пандала* будет проходить фестиваль для мышей. На подобные фестивали приходило много мышей, потому что там было много пищи. Но в этот раз Чхота, Ямала и Арджуна, войдя в *пандал*, не встретили ни одной мыши.

Наконец они увидели одного мышонка, который сказал им: «Все мыши собрались на *сам-сангу* в задней части *пандала*. Там выступает *свами* из Индии, который приехал вместе с *пандитом*. Представляете, настоящий *свами* из самой Индии!».

Чхота, Ямала и Арджуна подошли к собравшимся мышам и увидели «свами». Они впервые видели мышь с бородой и в чалме. У него были сияющие глаза, и он тихо что-то говорил собравшимся, которые с большим почтением слушали его. А в первом ряду мыши даже сидели в позе лотоса. И хотя мыши-вайшнавцы знали, что не должны слушать *майявади*, они решили немного послушать *свами*, чтобы понять, что здесь происходит.

Лекция уже подходила к концу, и *свами* советовал собравшимся ежедневно заниматься медитацией, и тогда, говорил он, они «за три месяца смогут стать Богом». Но даже если они не смогут на самом деле стать Богом, сказал он, то, занимаясь йогой, о которой рассказывает «Бхагавад-гита», они смогут продлить свою жизнь. Для этого он особенно рекомендовал выполнять дыхательные упражнения, стоять на голове и повторять: «Я тоже есть то». На этом *пандит* закончил говорить и спросил, есть ли у кого-нибудь вопросы. Чхота дас поднял лапу.

– Вы только что цитировали «Бхагавад-гиту», – сказал он. – Но «Гиту» поведал Господь Кришна, а Он сказал в конце «Гиты»: «Предайся Мне». Вы же совсем ничего не говорили о Кришне.

Мыши, жившие в Гайане, были хорошо знакомы с индуизмом и читали «Бхагавад-гиту», поэтому собравшихся мышей заинтересовал вопрос Чхоты. Они повернулись к *свами* в чалме, ожидая его ответа.

– Мы должны предаться Единому в Кришне, – проговорил *пандит*. – Кришна – это Бог в образе человека. Он – Бог для людей. Безличному же Брахману мо-

гут поклоняться все живые существа, поэтому мышам больше всего подходит поклонение Единому.

Слово «Единому» *пандит*, возвысив голос, пропищал с особым пылом, и многие мыши заплодировали.

– То, что вы говорите о Кришне, неверно, – громко сказал Чхота. – Кришне могут поклоняться все!

Пандит раздражённо посмотрел на Чхоту, и некоторые мыши засвистели, а кое-кто даже закричал Чхоте: «Сядь!» – поэтому больше он ничего не смог сказать.

После лекции несколько мышей подошло к Чхоте.

– Ты всё правильно говорил, – сказали они ему потихоньку. – Это истинный смысл «Гиты».

После этого трое *бхакт* стали ходить между мышами и раздавать журналы. Поскольку собравшиеся мыши интересовались йогой, Чхота говорил им: «Возьмите, пожалуйста, этот журнал. Из него вы узнаете о высшей йоге и медитации». Когда же они раздали большую часть журналов, они вдруг столкнулись с учениками *свами*, и между ними завязался ожесточённый спор, который продолжался около часа.

Вернувшись поздно вечером в храм, они стали обсуждать, насколько удачна была их проповедь на фестивале.

– В общем-то, всё было не так уж и плохо, – сказал Чхота. – По крайней мере, мы раздали журналы, и мыши узнали о Кришне. Но их философия отвратительна. Обидно, что они так заморочили голову пришедшим мышам.

Ямала и Арджуна мало что могли сказать. Разговаривая с учениками *свами-майявади*, они больше молчали и слушали в отличие от Чхоты, который приводил множество аргументов.

– Я никогда не стану *майявади*, – проговорил Ямала, – но мне кажется, что если кто-то хочет продлить свою

жизнь с помощью йоги, то в этом нет ничего плохого.

– Да, – кивнул Арджуна, – что тут плохого?

Они попытались встать на голову. «Ты тоже есть то», – пропищал при этом Ямала.

Чхота был поражён.

– В этом нет необходимости, – вымолвил он. – Мы будем жить столько, сколько захочет Кришна. Мы не способны продлить свою жизнь.

– Но учение Кришны предназначено в основном для людей, – возразил Ямала.

– Что?! – воскликнул Чхота, подскочив от удивления. – Кришна – это изначальный облик Бога, Он не человек! Он говорит в «Бхагавад-гите»: «Глупцы смеются надо Мной, когда Я прихожу в материальный мир в облике человека. Им неведома Моя духовная природа верховного повелителя всего сущего». Что за глупости у вас в голове?

– Не сердись, – сказал Ямала. – *Садху* не должен гневаться. В конце концов, все пути ведут к одной цели.

– Да, – согласно кивнул Арджуна и мечтательно улыбнулся. – Мы все Одно.

Затем Арджуна и Ямала сделали глубокий вдох и, полузакрыв глаза, задержали дыхание.

Услышав, что говорят его товарищи, Чхота испугался. Проповедь *майявади* отравила их сознание, а это могло уничтожить в них преданность Богу. Когда же Чхота стал спорить с ними, они заявили, что не хотят его слушать. Было уже поздно, и они хотели спать. Братья безусловно, любили его, но они относились к нему как к равному, он не был для них авторитетом.

Пока Ямала и Арджуна спали, лёжа на соломенных подстилках, Чхота в беспокойстве ходил взад-вперёд по комнате. Если бы только Мина был здесь! Он бы смог разубедить их, указав слабые места в философии *майявади*. Чхота никогда не чувствовал себя таким оди-

ноким и беспомощным, как сейчас. Среди людей не было никого, к кому бы он мог обратиться за помощью, поэтому он только повторял мантру и молился Кришне.

В это время в храме внезапно зазвонил телефон, стоявший неподалёку. После шести звонков к нему подошла одна из женщин и подняла трубку.

– *Харибол*. Кто говорит? Мина дас! Что? Махарадж хочет поговорить с президентом храма? Подожди минуту.

Шерсть Чхоты встала дыбом. Когда женщина вышла, он подбежал к телефону.

– Мина! – запищал он. – Говорит Чхота. Прими, пожалуйста, мои поклоны.

Мина очень удивился и обрадовался, услышав голос своего друга-мышонка, находящегося от него на расстоянии нескольких тысяч километров.

– Милость Кришны! – воскликнул он. – Я никак не ожидал услышать тебя. Слава Прабхупаде! Как ты проживаешь? Как Ямала и Арджуна?

– Мина, ты нам очень нужен! – прокричал Чхота. Но тут вернулась уходившая женщина, и Чхота ничего больше не успел сказать. Он едва успел спрятаться за телефонную книгу.

– Алло, Мина. Президент спит в своём доме. Здесь уже ночь. Ты не мог бы позвонить утром?

– Нет, разбуди его пожалуйста, – сказал Мина. Им обоим приходилось кричать, чтобы слышать друг друга. – Махарадж сказал, что это важно. Сходи, пожалуйста, и разбуди его. Я подожду у телефона.

– Хорошо, – сказала женщина, – это займёт несколько минут. – Она убежала.

Чхота тут же вновь подскочил к трубке и изо всех сил закричал:

– Сегодня вечером мы ходили проповедовать на фестиваль *майявади*!

– *Джая!* Здорово! Много книг вы распространили?

– Да, довольно много, но произошло нечто ужасное. Ямала и Арджуна разговаривали с двумя *майявади* и попали под их влияние. Теперь они хотят медитировать на безличный Брахман. Они совсем не слушают меня.

– Приведи их сейчас же к телефону.

Чхота помчался с такой скоростью, словно за ним гналась кошка. Он разбудил братьев и привёл их, полусонных, к телефону. Стоя вместе около телефонной трубки, они могли слышать раздававшийся из неё голос Мины.

– Что вы скажете? – спросил Мина. В отличие от Чхоты он не был ни взволнован, ни разгневан на двух братьев. А они (включая Чхоту) были очень рады слышать его и с нетерпением ожидали, что он им скажет.

– Свами сказал, что Кришна – человеческий Бог, а не мышиный! – прокричал Ямала.

– Значит, он ничего не знает о Кришне, – ответил Мина. – И Кришна, и Его воплощения общались с животными. Вспомните паука, который служил Господу Раме, и собаку, которой Господь Чайтанья дал освобождение. А Гаджendra, царь слонов? А Гаруда? Многие животные были преданными Кришны. К тому же – разве вы мыши? – Мина сделал паузу, чтобы услышать, что они ответят.

– Нет! – закричали все трое. – Мы – души.

– Верно, у всех нас духовные тела. Я не человек, а вы не мыши. И Кришне могут поклоняться не только люди. В духовном мире все существа имеют духовные тела, в которых они могут служить Кришне. Там все служат Кришне: и *гопи*, и *гопы*, и коровы, и даже трава, растущая на берегу Ямуны. Пожалуйста, избавьтесь от ложных представлений о Кришне. *Майявади* не знают Кришну, потому что завидуют Ему. И вы долж-

ны узнавать о Нём не от *майявади*, а из «Бхагавад-гиты как она есть».

– А что ты скажешь о продлении жизни с помощью йоги? – спросил Ямала.

Обоим братьям было очень стыдно, но вместе с тем они чувствовали облегчение оттого, что могли высказать свои мысли.

– Преданно служа Кришне, вы будете жить так долго, насколько это вообще возможно. Практика *бхакти* улучшит ваше здоровье. Но всё же нам всем в конце концов придётся умереть. И мы должны тратить свою энергию не на то, чтобы продлить свою жизнь на несколько лет, а на то, чтобы обрести вечную жизнь. Вы проживёте столько, сколько захочет Кришна, поэтому просто положитесь на Него, а затем возвращайтесь к Нему. Вам всё понятно?

– Да! – в один голос ответили трое мышей.

– Когда ты приедешь сюда? Ты нам очень нужен! – прокричал Чхота.

– Я не знаю. Я езжу вместе с Махараджем. Быть может, скоро.

– Приезжай быстрее, – попросил Ямала.

– Прости нас, что мы причинили тебе беспокойство, – сказал Арджуна. – Не волнуйся за нас: мы не станем *майявади*.

– Давайте непрестанно повторять Харе Кришна, и тогда мы всегда будем вместе. Только посмотрите, как Кришна всё устроил, чтобы мы могли поговорить.

Тут к телефону подошёл президент храма, а в Индии трубку взял духовный учитель Мины. Мина же и мыши, счастливые, отошли от аппаратов.

Махарадж звонил в Гайану, потому что гайанские преданные звонили ему днём раньше, но не застали его. Президент храма объяснил, что они пытались решить, идти им на фестиваль *майявади* или нет, и что

они всё-таки решились и отправились туда. Они пели там у входа и продали много книг. Это известие доставило Махараджу большую радость, и он велел им продолжать проповедь.

Закончив разговор, Махарадж повернулся к Мине.

– Ты выглядишь очень воодушевлённым, Мина. Ты стараешься помогать другим, как я тебе советовал?

– Да. Теперь я понимаю, какое большое значение имеет проповедь преданных Кришны во всём мире. И я стараюсь помогать некоторым преданным в Гайане, пересказывая им ваши наставления.

– Это очень хорошо. Но ты и сам должен проповедовать. Если тебе нравится вдохновлять других проповедовать, ты и сам должен делать это.

– Да, Махарадж, – сказал Мина.

Испытывая душевный подъём после разговора с мышами-преданными и вдохновлённый присутствием своего духовного учителя, Мина чувствовал сильное желание предаться Кришне. Он вернулся к столику с книгами и вновь стал распространять книги Прабхупады. Был воскресный день, и в храм пришли сотни гостей. Мина начал обходить их, предлагая им книги, а потом вышел на улицу и стал предлагать книги всем прохожим. «Это самый верный способ развить в себе сострадание», – подумал он. Разговаривая с людьми на улице, он думал о своих друзьях в Гайане. Он надеялся, что они тоже проповедуют и что он сможет помочь им, служа им примером. «Если я буду повторять Святые Имена и проповедовать и они будут делать то же самое, то как бы далеко мы не находились друг от друга, мы будем вместе, связанные общим сознанием Кришны, а в следующей жизни мы будем с Кришной и будем жить вечно, полные знания и блаженства».

Глава 19

(С.д.г.)

Дорогой Нитай!

Прими, пожалуйста, от меня благословения Прабхупады. Слава Шриле Прабхупаде!

Я выбрал несколько историй из тех, что ты написал, и ты можешь послать их своим друзьям. Что же касается остальных историй, мне показалось, что в них не очень чётко отражено вайшнавское понимание мира. Даже выбранные мной истории немного озадачили меня, но я думаю, что ты написал их с добрыми намерениями. Похоже, у тебя большие способности к сочинению историй, и я надеюсь, что ты будешь развивать их.

А сейчас я хочу рассказать тебе свою историю.

Жил-был мальчик, которого звали Нитай дас и у которого была лампа Аладдина. Эта лампа называлась Ум.

Как-то Нитай дас стал чистить лампу, и тут из неё появился огромный и могучий джин.

– Ты звал меня? – спросил джин. – Дай мне какое-нибудь дело. Я сделаю всё, что бы ты не попросил, но я не могу оставаться без дела. Если ты не дашь мне какое-нибудь занятие, я нападу на тебя.

Увидев джина, Нитай и обрадовался, и оробел.

– Для начала, – сказал он, – напиши большую книгу. Напиши книгу рассказов о духовной жизни.

В один миг джин составил книгу, в которой была тысяча страниц и которая содержала множество увлекательных и поучительных историй и красочных иллюстраций. И он не только написал её, но и напечатал десять тысяч экземпляров.

– Ну, а теперь что мне делать? – спросил он, угрожаяще улыбаясь.

– Э... вымой, пожалуйста, храм и убери всю территорию вокруг него, так чтобы нигде не было ни пылинки.

Джин в мгновение ока вымыл и вычистил весь храм и прилежащую к нему территорию, так что они засияли чистотой, словно сердце совершенного преданного.

– Что дальше? – снова спросил он Нитай. – Не оставляй меня без дела, а иначе я нападу на тебя.

– А если я дам тебе дело, которое принесёт тебе удовлетворение и которое ты никогда не сможешь завершить, ты оставишь меня в покое?

– Да, – ответил джин, сложив руки на груди. – Никто и никогда не находил для меня ещё такого дела, которое я не мог бы сделать за одну секунду и которое могло бы удовлетворить меня. Но я сделаю всё, что ты скажешь. И постарайся придумать для меня такое дело, которое также удовлетворит тебя, и принесёт благо всему миру.

– Знаю! – воскликнул Нитай. – Дорогой джин, пожалуйста, опиши величие Святого Имени Господа Кришны. Этого ты никогда не сможешь закончить. Даже воплощение Господа Ананта Шеша, у которого тысячи голов и который намного могущественнее любого джина, вот уже на протяжении миллиона лет пытается воспеть славу Господу и всё-таки до сих пор не может закончить. Я прошу тебя воспевать эти святыя имена, и тогда ты обретёшь полное удовлетворение. И я тоже буду очень доволен, а все, кто услышит тебя получат большое благо.

– Скажи мне, что это за Имена, – попросил джин.

И Нитай дал ему Святое Имя:

*Харе Кришна, Харе Кришна,
Кришна Кришна, Харе Харе,
Харе Рама, Харе Рама,
Рама Рама, Харе Харе.*

И джин, которого звали Ум, начал повторять эти имена и вскоре осознал, что он – вечный слуга Господа Кришны и что, если он будет воспевать Его, он никогда не устанет и никогда не сможет описать все Его величие.

Твой вечный доброжелатель.

Человек, обладающий сознанием Кришны, не проводит разграничений между живыми существами, принадлежащими к разным формам жизни, равно как и между представителями разных каст. Пусть *брахман* и неприкасаемый стоят на разных ступенях социальной лестницы, а собака, корова и слон относятся к разным видам, – для мудреца, познавшего Абсолютную Истину, различия между телами не имеют никакого значения. Он понимает, что все живые существа связаны со Всевышним, поскольку Господь в виде одной из Своих полных экспансий, Параматмы, пребывает в сердце каждого. Такое понимание Всевышнего и есть истинное знание.

- *Бхагавад-гита как она есть*, 5.18, коммент.

Глоссарий

- Аджамила** - преданный, который низко пал, позабыв о духовной жизни, однако вместо того, чтобы попасть в ад, получил освобождение, так как в момент смерти произнёс Святое Имя Господа Нараяны.
- Арати** - церемония поклонения Господу, во время которой Ему предлагаются благовония, светильник, цветы, опалка и другие предметы.
- Арджуна** - один из пяти братьев Пандавов, великий преданный Кришны. Именно ему Кришна поведал «Бхагавад-гиту».
- Ашрам** - 1) каждый из четырёх укладов духовной жизни: образ жизни ученика, хранящего целомудрие; семейная жизнь; удаление от дел и отречение от мира; 2) обитель, где живут люди, занятые духовным совершенствованием.
- Бабаджи** - тот, кто уходит от мира, чтобы предаваться в уединении молитве и медитации.
- Брахманы** - сословие людей интеллектуального труда и священнослужителей, которые сведущи в ведическом знании и могут наставлять других людей; первое сословие в ведической системе деления общества.
- Брахмачари** - ученик, соблюдающий целибат.
- Брахмачарья** - согласно Ведам, первый этап духовной жизни.
- «Бхагавад-гита»** - букв. «Песнь Бога». Беседа Господа Кришны со Своим преданным Арджуной, в которой Кришна раскрывает суть преданного служения и провозглашает его высшей целью жизни.
- Бхаджан** - религиозное песнопение, в котором прославляется Господь Кришна.
- Бхакта** - преданный слуга Господа Кришны.
- Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур** - духовный учитель А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады.
- Бхарата Махараджа** - царь, который отрёкся от царства и стал великим преданным Господа, однако затем привязался к оленёнку и вынужден был ещё два раза

рождаться в других телах, прежде чем обрел освобождение.

- Вайшнав** - преданный Верховного Господа, Вишну или Кришны.
- Вайшьи** - фермеры и торговцы; третье сословие в ведической системе деления общества.
- Вани** - наставления гуру.
- Вапу** - пребывание гуру с учеником.
- Варнашрама** - ведическая система деления общества на четыре сословия и четыре этапа духовной жизни.
- Вартма-прадаршака-гуру** - преданный, который первым знакомит кого-либо с сознанием Кришны.
- Ватсалья** - взаимоотношения с Господом, в которых преданный играет роль Его родителя.
- Веды** - изначальные священные писания, которые поведал людям Сам Господь Кришна.
- Вишванатха Чакраварти Тхакур** - вайшнавский духовный учитель, принадлежащий к цепи ученической преемственности, которая берёт начало от Господа Чайтаньи Махапрабху. Писал комментарии к «Шримад-Бхагаватам».
- Вриндаван** - обитель Кришны в духовном мире и деревня в Индии, где Кришна явился на земле и которая неотлична от Вриндавана в духовном мире.
- Вьясасана** - место, где сидит духовный учитель, который является представителем Вьясадевы (составителя Вед).
- Гамча** - набедренная повязка, которую надевают в жаркую погоду или когда совершают омовение.
- Гопи** - пастушки, подруги Кришны и Его самые близкие преданные.
- Грихастха** - семьянин; также второй из четырёх укладов жизни в ведическом обществе.
- Гуру** - духовный учитель.
- Гурукула** - ведическая школа.
- Дал** - суп, приготовленный из бобовых, таких как мунг или урад.

Дасья – процесс преданного служения Господу; также чистое преданное служение Господу в настроении слуги.

Джаганнатха Пури – святое место, город в Индии, где Господь Чайтанья совершал Свои игры; местонахождение главного храма, в котором установлено Божество Господа Джаганнатхи.

Джапа – индивидуальное повторение мантры Харе Кришна на чётках.

Джива – живое существо (индивидуальная душа).

Дхама – святое место, такое как храм или обитель Господа.

Дхоти – нижняя часть одежды, которую носят мужчины в ведическом обществе.

Кали-юга – текущая эпоха, эпоха вражды и лицемерия.

Караталы – музыкальный инструмент в виде маленьких тарелок.

Карма – материальная деятельность ради наслаждения её плодами, а также последствия этой деятельности, хорошие или плохие.

Киртан – совместное пение Святых Имён Господа.

Кришна – букв. «всепривлекающий». Изначальное имя Верховного Господа.

Кришнадаса Кавираджа – великий преданный, написавший биографию Господа Чайтаньи Махапрабху под названием «Чайтанья-чаритамрита».

Кришна-катха – букв. «рассказы, беседы о Кришне».

Кришна-лока – высшая обитель Господа Кришны в духовном мире.

Курта – верхняя часть одежды, которую носят мужчины в ведическом обществе.

Куша – трава, которую используют при проведении ведических обрядов.

Кутир – место, где человек в одиночестве занимается духовной практикой.

Лаульям – страстное желание обрести чистую любовь к Богу.

Лилы – игры Кришны

Мадхурья (лила) – отношения (или игры) с Господом в настроении супружеской любви; высшая форма духовных взаимоотношений Кришны с *гопи*.

Майя – иллюзия; внешняя энергия Кришны, которая даёт живому существу, желающему наслаждаться отдельно от Бога, возможность забыть свою подлинную природу и своё положение преданного слуги Господа.

Майявади – философы-имперсоналисты, считающие, что Бог в своём высшем проявлении безличен и не имеет формы.

Майяпур – место, где родился Господь Чайтанья.

Мандир – храм.

Мантра – трансцендентный звук, который освобождает ум от влияния иллюзии.

Махатма – букв. «великая душа». Возвышенный преданный Господа.

Мурти – скульптурное изображение Бога или Его чистого преданного, которому поклоняются в храме или дома.

Нарада Муни – чистый преданный Кришны, который в духовном теле путешествует по всем вселенным, славя Господа.

Нарана – Верховный Господь, источник и цель всех живых существ.

Пада-ятра – многодневное шествие, устраиваемое с целью распространения сознания Кришны.

Пандит – учёный, знаток Вед.

Панча-таттва – Господь Чайтанья и Его четверо главных спутников, трое из которых являются Его воплощениями, а один – Его чистым преданным.

Параматма – Сверхдуша, форма Господа, в которой Он находится в сердце каждого живого существа.

Парампара – цепь ученической преемственности духовных учителей.

Парикрама – обход святых мест.

Прабху – букв. «господин».

Прабхупада, А.Ч. Бхактиведанта Свами – ачарья-основатель Международного общества сознания Кришны.

Пракрита-сахаджийя – псевдопреданный, который очень легко подходит к духовной жизни и притворяется достигшим высшей стадии любви к Богу.

Прасад – букв. «милость Господа». Освящённая пища или какие-либо предметы, которые были поднесены Господу.

Прахлада – великий преданный Господа Кришны, которого Господь, явившийся в облике человека-льва, защитил от его отца демона.

Радхарани – вечная супруга Господа Кришны.

Раса – определённый вид отношений между преданным и Кришной. Существует пять рас: умиротворённость, служение, дружба, родительские и супружеские отношения.

Садхана – регулярная духовная практика.

Садху – святой человек.

Сакхья – взаимоотношения с Господом в настроении дружбы.

Сампрадая – цепь ученической преемственности.

Санатана Госвами – один из шести Госвами, главных последователей Господа Чайтаньи Махапрабху.

Санкиртана – совместное пение Святых Имен Бога.

Тилака – священная глина, которую преданный наносит на своё тело, показывая тем самым, что его тело – храм Господа.

Тиртха – святое место.

Упанишады – философские тексты, входящие в состав Вед.

Харидаса Тхакур – великий преданный Господа Чайтаньи, считающийся Намачарьей, главным наставником в повторении Святых Имен Господа: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Хираньякашипу – демон, который покорила вселенную и пытался убить своего сына, великого преданного Прах-

лада. Был убит Господом Нрисимхадевой, воплощением Бога в облике человека-льва.

Чадар – большой кусок материи, который надевают на плечи наподобие шали.

Чайтанья Махапрабху – воплощение Господа Кришны, явившегося в XV веке в Западной Бенгалии для того, чтобы научить людей тому, как развить в себе любовь к Богу посредством повторения Его Святых Имен, мантры Харе Кришна.

«**Чайтанья-чаритамрита**» – произведение, описывающее жизнь и учение Господа Чайтаньи Махапрабху, созданное Кришнанадасом Кавираджей.

Чапати – плоские лепёшки из муки и воды.

Шанкара – воплощение Господа Шивы, основоположник философии имперсонализма, согласно которой между Богом и живым существом нет различия.

Шанта – пассивные отношения с Господом.

Шастры – священные писания.

Шива – один из трёх проявлений Господа, правящих материальным миром. Отвечает за разрушение вселенной и повелевает *гуной* невежества.

Шикха – пучок волос, который преданный оставляет на своей обритой голове.

«**Шримад-Бхагаватам**» – ведическое писание, составленное Вьясадевой с целью описать и раскрыть суть игр Господа.

Шудры – рабочие; четвёртое сословие в ведической системе деления общества.

Шукадева Госвами – великий мудрец, который впервые поведал «Шримад-Бхагаватам» Махарадже Парикшиту перед самой смертью этого царя.

Юдхистхира – старший из пяти братьев Пандавов, которого Господь Кришна поставил императором всей земли.

Ямуна – священная река в Индии, на берегах которой Господь Кришна совершал Свои игры.

Содержание

Предисловие	3
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	33
Глава 7	44
Глава 8	54
Глава 9	61
Глава 10	68
Глава 11	76
Глава 12	89
Глава 13	95
Глава 14	100
Проповедь бабочкам.....	111
Глава 15	115
Воспоминания о Прабхупаде в доме 26 по Второй авеню	118
Глава 16	122
Глава 17	126
Глава 18	137
Глава 19	150
Глоссарий	154